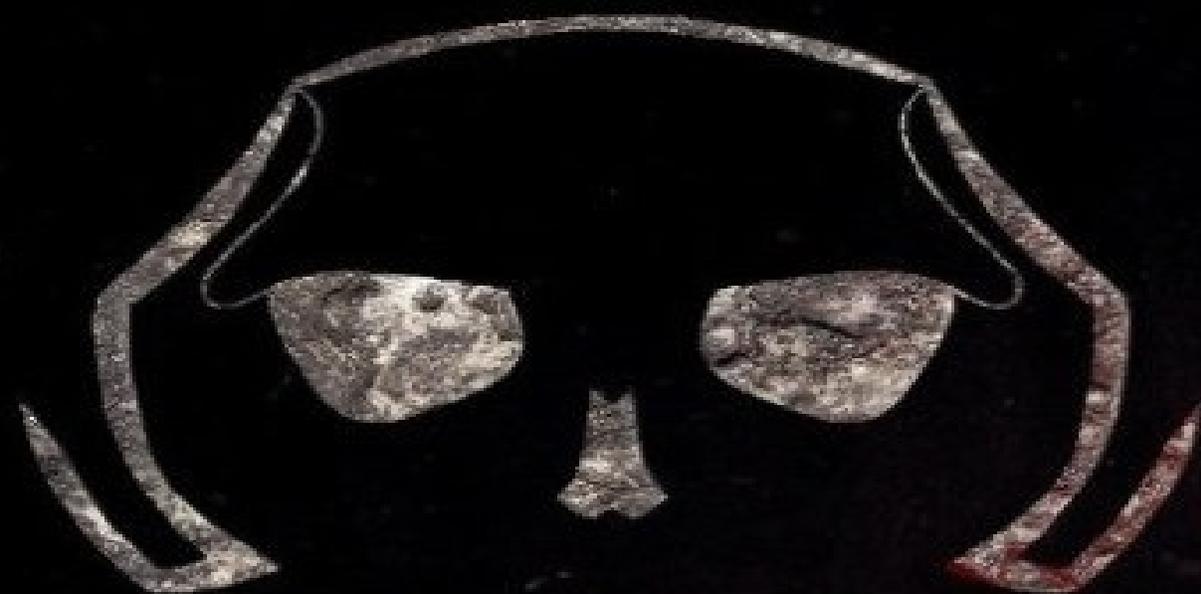

Алан К. Джулиетт

ЛЕТОПИСЬ СМЕРТИ

Annotation

Время движется, стирая камни в пыль и обращая моря в песок. Герои романа считают, что время на их стороне, что его всегда в избытке. Но вскоре становится ясно: время идёт дальше, а ты уже нет.

Предисловие

Нет в мире большей чести, чем оставаться верным самому себе.

Следовать данному заключению — это настоящий успех, в котором невозможно усомниться. Когда человек начинает проживать свою собственную жизнь — он становится, по-настоящему, счастлив.

Попробуй вообразить, что именно Ты — главный герой своей жизни. Ни близкие, ни далёкие, никто не сумеет оспорить подобный вывод, ибо он является единственно верным. В тот момент, когда тебя перестаёт душить мнение общества, твоего окружения, твоей семьи — Ты обретаешь свободу. Исходя из полученного опыта и знаний, Ты сможешь строить свою жизнь. Не размениваться на советы тех, кто принизил собственную важность и решил, что здоровый эгоизм — это плохо. Вся эта ложная филантропия и самоотверженность не приводит к счастью.

Просто попробуй быть собой, быть для себя. Люби себя так, как никто полюбить не сможет. Ведь правда такова — больше чем самому себе, Ты не будешь нужен никому.

Люди забывают про собственную персону, их одолевает страсть творить революцию и желание «устаканиться» в обществе. Эти противоречия уйдут в забвение тогда, когда Ты сумеешь осознать своё истинное Я.

Люби мир, несмотря на его несправедливое правление, люби своих близких, несмотря на их крайности, а в первую очередь, люби себя, закрыв глаза на собственные недостатки.

Мир жесток, и другим он не станет. Найди себя, дрейфуя по его беспощадным течениям. Ведь они способны закружить так, что последние крупинки Тебя навсегда растворятся в первой из бесконечных волн.

Летопись смерти.

*Стоит помнить: тот, кто улыбнулся Вам в лицо,
только что подал знак лучнику у Вас за спиной...*

Введение. Песня, которую ты вряд ли услышишь.

Молодые влюблённые лежали на берегу ласковой реки. Её воды отражали блеск и переливы чешуек стаи рыб, мирно обнимаемых течением. Юноша обвивал пальцами ладонь своей спутницы, как ветви близ растущих деревьев, что переплетаются, касаясь друг друга.

Её грация, нежная кожа и лазурные, как морская гладь, глаза взывали к чувству, до сих пор не ведомому им обоим. Она сомкнула веки, подняла своё личико к небу, набрала воздуха полной грудью и тихо сказала:

— Ах, какой аромат! Неужели, в деревне принялись жечь покосы?

Он тоже принялся, понимая смысл слов своей спутницы, юноша с умилением ответил:

— Да-а, люблю этот запах, — снова вдыхая, — жатва закончилась, и настала пора убирать поля. словно, безмолвный и обязательный переход лета в осень.

Девушка вдохнула ещё глубже:

— Хорошее место, здесь всегда так отрадно. Не иначе, как природа любит нас — только солнышко, только процветание. Какой нежный аромат...

Они долго к этому шли, казалось, всё вокруг подтолкнуло их юные души друг к другу. Произошёл тот самый, ожидаемый и неповторимый первый поцелуй.

Влюблённые мирно лежали у реки, и их нежность окутывало тёплое осеннее солнце.

Неподалёку от пристанища любви, за покровом лесной чащи, за горизонтом поля пшеницы полыхала деревня. Ворота были проломлены военным тараном, избы горели от пламени врага, которое обрушилось шквалом горящих стрел. Всё горело — всё уничтожалось.

Деревенские жители не ожидали нападения, а недруг ожидал отсутствия их готовности. Улицы наполнились кровью и смертью. Всех клали на землю тяжёлые военные мечи. Прятаться было негде, ярость неприятеля не находила отпора — это была не битва, это было истребление.

Пики и копья, отточенные в ночь перед своим часом, извивались в потоке танца смерти, безжалостно и точно находя своих жертв. Никого не щадило то чёрное войско. Дети падали рядом с матерями, неспособные противостоять взывали о пощаде, которой они никогда не получают. Летели головы, заживо сжигались тела, руки и ноги теряли своих хозяев. И даже небо почернело от дыма сгоравших хат, от дыма сгоравших тел, от дыма сгоравших душ...

Посреди бала преисподней возвышалась фигура. Этот человек был закован в латы, столь причудливые и блестящие, что даже цари не стали бы надевать их в походы. Фигура молча держала вытянутую руку с мечом, свободный конец которого впился в горло местного рыбака. Это отца юноши, который сбежал с вечерней рыбалки на свидание с возлюбленной, настигла рука, несущая жестокую смерть. Меч покинул глотку старого ловца рыбы. И гром прогремел гимном жестокости завоевателей, а ветер с силой развивал флаг победителя, чьё лицо закрывала железная маска, покрытая капюшоном.

Крики стихли, буря лезвий и дубин остановилась. Пылающие избы перестали гореть и теперь мирно тлели, исчезая в глазах заката. Недруги ускакали дальше, готовясь напасть на следующую цель, подбадриваемые грязной победой.

А влюблённые придавались ласке на берегу реки. Только что в их родном селении звучала музыка оркестра мечей, но они не успели на премьеру...

Часть первая.

Глава 1. Большой город.

Великий Кив — огромный центр всего континента, здесь уживаются бок о бок негодяи и законники, воры и благодетели, крепкие юноши и дряхлые старики. Кив — это пристанище для любого, кто готов уважать город и его законы; главные ворота не закрывают без причин, и торговля происходит постоянно. Рынки полны товаров и покупателей. Тут не любят войну, но меч умеют держать и женщины. Не приветствуют пьянство, но в харчевнях разливают вино и пиво. Здесь каждый находит то, что ищет, если ищет в рамках дозволенного.

Сегодня великий князь Святослав возвращается из похода, возвращается с победой, а значит, придворный повар уже отправил поварёнка Кильяна к пекарю, что превращает муку и воду в произведение искусства.

И, вот, мальчик несётся по улицам, ловко извиваясь в толпе, и крепко держа в руках два серебряных Элена — монеты, которые повару щедро давались на хлеб и выпечку.

Резво малыш добирается до пекарни. Она давно стоит тут, пожалуй, с тех самых пор, как только Кив заселили первые жители. Сейчас здесь гордо виднелась вывеска. Это был кекс, вырезанный из молодого ясеня, и висящий на металлических заклёпках. Запах заставлял остановиться: свежее тесто, которое уже приняло форму будущего хлеба запекалось в печи искусного мастера. Этот аромат разносился ветром по всей округе и будил спящий город.

Дверь открылась, мальчик ворвался в помещение, и пекарь узнал Кильяна:

— Как же давно тебя не присылали. Небось, князь воротится?

— Уже близок к городу! — бойко отвечал ребёнок, вытирая нос рукавом.

Мальчик положил монеты на прилавок и отряхнул ладони. Пекарь пригнулся к полке и достал короб без крышки, в котором к царскому столу носили хлеб, дабы не помять корочку с верхов. Кильян ухватил важную посылку обеими руками, но лёгкий хлопок по плечу остановил его:

— Возьми, вот, булку. Свежая, сладкая. Я в ней яблочко положил. Угостись, малыш.

Мальчик радостно схватил подарок и, забыв поблагодарить, умчался к придворному повару.

На кухне шли приготовления: печи раскалились от жара, на них готовилось мясо. Тушились овощи, булькали супы и жарились грибы. Главный по кухне во всю ругался и размахивал руками, осуждая каждое неверное, по его мнению, действие. Когда Кильян забежал в этот бушующий карнавал, повар сразу схватил ящик. Мальчик попросился выйти навстречу возвращающемуся полку. Он знал, что здесь нет нужды в обычном поварёнке. Упрекающе фыркнув, повар указал на дверь, и мальчонка побежал ко вратам, где уже собралась толпа.

В это утро произошло событие, которое было способно хоть на день сплотить всех спорящих. Город радостно встречает своего правителя. Кильян пробрался сквозь сжимающуюся кучу людей к самой дороге. И как раз напоролся на входящую дружину. Грозный взгляд входящего во врата князя пал на неумелого ребёнка. Наконец, мальчик увидел великого Святослава так близко, что запомнил навсегда этого огромного героя былых времён: он был высок, мускулы стягивала прочная броня, князь шёл пешком, его твёрдый лысый череп был похож на таран, а усы свисали почти до ключиц.

Князь подошёл к мальчику, вылетевшему на путь дружины., подал руку и поднял его с дороги:

— Как звать-то? — голос его был звонким и твёрдым, как гром.

— Кильян, но все зовут Килькой!

Князь улыбнулся:

— Неудивительно, такой мелкий. Не бойся, дитя, силу не рост придаёт, а твёрдый дух.

Он прошёл дальше, мальчика отодвинули от пути следования воинов. Он навсегда запомнит эту легендарную фигуру.

В тронном зале всё было начищено до блеска. Здесь уже стояли княгиня Милена и княжеский сын Ростислав.

Князь молча распахнул двери в залу, где его терпеливо ожидали бояре и знатные горожане. Толпа стихла, когда сомкнулась дверная щель. Святослав никогда не славился игрой лицом и тихо возвращался, каждый раз садился на трон и молча выпивал заранее подготовленный кубок вина за павших в бою. Затем, все смолкали, смотря в пол, придаваясь воспоминаниям о погибших во славу чести и долга. И, вот, князь давал право слова боярам и дружинникам, выслушивал обязательные похвалы и реплики.

Когда он объявлял о пире, который собирался спустя две дюжины лун после приезда победителя, все хлопали и расходились.

Святослав подозвал советников Иллариона и Анфису, людей, по праву заслуживших это почётное звание, и не единожды блиставших своей логикой и добрым советом.

— Летрия отвоёвана (князь говорил спокойно и тихо), настала пора пировать.

Илларион сказал наперёд:

— Ваша победа — это блеск силы великого полководца. Кто из почётных мужей должен быть приглашён?

В таких случаях Анфиса вступала со списком известных имён, а князь соглашался или отказывал:

— Меркул и Ульян, они долго ждали такого приёма, — князь кивнул, — дружинники Всеволод и Гавер, их не было с вами в последней схватке за Летрийский форт, они помогали союзному Кронту в боях с гоннами, — князь снова одобрил выбор.

— (Илларион прервал список) А-а... ваши братья?

Давно не виделись великие князья, их судьбы разошлись дорогами на распутье, а годы лишь стёрли острые края их сложных отношений, и сейчас князья мало, что знали друг о друге. Святослав задумался на миг, затем поднял взгляд и громогласно произнёс, отзываясь эхом в опустевшем помещении:

— Почётные ли мужи мои братья? — советники недоумённо кивнули. — Зовите князей, шлите гонцов, пора праздновать, праздновать по-настоящему!

Поначалу замешкавшись, советники всё же пришли в себя и своевременно направились к гонцам, где тут же отдали приказы.

* Первый гонец будет отправлен на Запад в Новый Каргополь. Здесь правителем стоит один из самых искусных полководцев и стратегов Камнеземья — второй по старшинству брат царского рода, князь Нестор. Редко его светлость приезжал в столицу, а если и оказывал такую честь, значит в стране разворачивались баталии, переходящие в войну. Суеверный Нестор, всё реже навещал брата. Его пророческие приезды, знаменующие сгущение туч, невольно окрестили князя «Буревестником». Все кто был знаком с государственными делами, знали, не доставаясь право правления в столице старшему брату, именно Нестор встал бы у главы империи. Герб в Каргополе — два скрещенных копьё и топор, стоящий посередине — это символ силы и оружия, которыми славился город.

* Второму гонцу надлежало отправиться на Юг, ко Мракоморью и, стоящему у его берегов, Вышеграду. Там у штурвала правления стоит третий брат, красавец, светловолосый князь Творимир. Его синие глаза подобны морю, где молчаливо плавают флот великого моряка. Давно забыл о братьях Творимир, давно его взор уставлен в морскую даль — она манит его, чарует и привлекает. Флот — гордость и радость Вышеграда и его правителя, корабли Творимира не раз бились, словно огнедышащие змеи в водах воинственного Мракоморья. Бились и побеждали! За славу, полученную в плаваниях, называют ясного князя «Волнорезом». Герб города — ладони, держащие гнездо с птенцами — по одному на царя, символизирующие защиту семьи и отечества.

* И... третий гонец... Его цель находится на Востоке. Область, где правит младший из братьев. Его имя Василий. Князем же называть его не принято. Он правитель тюрем и копей, самые затхлые болота лежат в его владениях. За это и прозван Василий «Князем отхожих мест», иным же известно его другое прозвище — князь Нелюбим. За что же? С детства братья не чтити младшего, самого любимого и милого сердцу их отца сына. Много прошло зим и лет с поры отправления Василия в город Могиль, и мало кто помнит историю его ухода. Сейчас же брата впервые зовут на пир в город, который он не видел более десятка лет... Прибудет ли? Гонцам об этом знать не суждено, у них иные обязанности. Гербом в Могили стала кирка, обвитая змеёй, символизирующие добычу пород и охрану тех, кто их добывает.

Гонцов разослали из города. Жители стали готовиться к приезду многих почётных гостей и новых лиц. Празднество победы, почести славе великих воинов!

Пламя надвигающегося праздника охладил холодный северный ветерок; едва ли кто-либо из горожан заметил его в пылу подготовки, но ветер крепчал, крепчала уверенность — он не радуется победе, а несёт горе.

Глава 2. Путь, который выбирает нас.

В Новый Каргополь гонец снаряжался недолго, это был город, стоящий к Киву ближе остальных. Езды же до него было около трёх дней с ночным отдыхом. Снарядив коня, Лексан — гонец, чей выезд в такой не короткий путь был первым за всю карьеру, попрощался с родной землёй и пришпорил гнедого.

В путь юноша пустился бодро, везя ценное послание, гонец был скор и осторожен. К полудню ему пришлось остановиться у ручья: конь хотел пить, а Лексан хотел отдохнуть. Позволить себе спать было несколько преступно, но прилечь у воды хотелось безумно. Осмыслив все «за» и «против», он расположился у бегущего потока чистого ручейка, привязав спутника к юной липе. Солнце грело, вода подпевала птицам, нежащимся в тени деревьев. И, как следовало ожидать, Лексан мирно зазевался, после чего уснул. Сквозь гладкую идиллию природной гармонии он слышал шорох, ощущалось, будто в его карманах кто-то рылся. Раскрыв веки, юноша замер. В его одеянии, и правда, рыскало маленькое существо. Ростом чуть ниже пожинаемой пшеницы, худощавое и розовощёкое, в штанишках и одном сапоге, это неведомое создание жадно возилось по карманам. Когда же оно нащупало письмо, свёрнутое в свиток, лежащее в сумке под боком гонца, Лексан схватил существо.

Окончательно проснувшись, парень понял — это безвредный шалун, дух зерновых полей, жадина — полевик.

Мальш стал извиваться и стонать, пытаясь вырваться из крепкого людского хвата. Лексан сжимал руку и попытался успокоить плута:

— Чего ты ёрзаешь, я не кусаюсь. — Полевик не унимался. — Вы же лакомства любите, посмотри на меня. Я отпущу, а ты подождёшь тут, уговор?

Полевик недоверчиво покосился, попятился, посмотрел вниз и кивнул, не поднимая глаз. Лексан осторожно отпустил маленькую ручку и медленно отошёл к коню, нащупав выездную сумку, он на секунду отвёл взор от малыша, чтобы кое-что достать. Быстро обнаружив необходимое, он улыбнулся и поднял глаза. Его зрачки забегали по траве, полевика не было... Лексан грустно выдохнул: чего было ждать от пугливого создания?

Вдруг, ему в ноги стукнулось что-то. Новый знакомый запыхался и пробежал дальше на место, где обещал стоять. Лексан очень удивился, его согрела мысль о том, что нелюдимое существо доверилось человеку. Он отпустил сумку, достав глиняную ёмкость, покрытую тканью. После, гонец медленно зашагал в сторону существа. Полевик засуетился, но юноша остановился, выдохнул и подошёл на расстояние не ближе трёх шагов. Затем он отмотал ткань и протянул коротышке горшочек с мёдом. Старые рассказы твердили — дай полевика немного мёду, найдёшь в нём друга, крепче камня. Но мало кому удавалось найти этих проказников, а оказаться подле них с мёдом в руках и того реже.

Существо, насколько это было возможно, широко растянуло глаза, и его рот приоткрылся. Затем оно стало переводить взгляд то на золотой мёд, то на Лексана. Так продолжалось несколько раз, пока негодник не достал деревянную ложку из своих штанишек и не сунул её в мёд. Зачерпнув густую жижу, он жадно впился в сладость. Почти прогрыз дно

ложки и вылизал остатки с рукоятки. Сунув прибор в карман, малыш набросился на гонца, повалил на землю и крепко прижался к новому другу, вопя и ёрзая. Лексан рассмеялся, а существо крикнуло: — Лисик!

— Тебя так зовут? — едва перестав смеяться, спросил Лексан.

— Лисик! Лисик! Зовут Лисик! Лисик зовут! — голос его был высоким, больше походя на детский.

Едва уняв коротышку, юноша поднялся с земли и отряхнулся. Полевик тяжело и глубоко дышал, едва сдерживая смех радости — это был поистине невероятный случай, человек старается держаться от нелюдей подальше, но не сегодня, только не в этот раз и не с этим парнем: Лексан был воспитан людьми старого, более традиционного времени, времени, царившем на материке до великих завоеваний; стариковские нравы отличались миролюбием, прилежным желанием сделать мир лучше, помогать тем, кому нужна помощь.

— Малыш, ты живёшь где-то рядом? — Лексан продолжал отряхивать подол своего бордового кафтана.

— Рядом, рядом! — вопил полевик.

— Может проводить тебя к дому? В этих краях часто бродит недоброе — хищник с пустым животом, да людь с пустой головой.

Лисик широко раскрыл рот, будто желая громогласно согласиться, но смущённо остановился и хмуро выдохнул тяжёлый воздух:

— Жил...

— (Лексан смущённо переспросил) Как это, жил?

— (Некогда весёлое существо прикрыло глаза грязной ручкой и всхлипнуло) Жил... давно...

После этих слов малыш рванул с места к зарослям ажины, вытирая слёзы своей маленькой рукой. Лексан было бросился за ним вслед, однако солнце затянули тяжёлые громовые тучи, а время не играло гонцу на руку. Тучи — спутники долгой осени уже медленно поглощали небесное светило, и выбора не оставалось, нужно было ехать дальше. Высший приказ — первостепенное дело.

Подняв горшочек, парень завернул его в полотенце и положил в дорожную сумку. Конь был напряжён, это крепкое животное таило в себе небывалый потенциал. Лексан заполучил гнедого совсем недавно и уже успел привыкнуть к этому величественному мускулистому жеребцу. Вообще, у гончих лошадей не было имён, не считалось честью называть способ доставки как-либо. Но не по доброй воле это воплощение силы стало носить на своей спине гонца. Дело в том, что конь был воспитан в известной царской конюшне, его ждало будущее великого чемпиона в скачках не только области Великого Кива, но мирового уровня. Однако у судьбы, видимо, свои планы на каждого из нас, и в одном из заездов конь не одолел крутой поворот, и с силой налетел на забор, снеся колья и оставив правый глаз на одном из них.

Теперь юный гонец ухаживал за, явно потускневшим, животным. Мир суров, у него свои критерии, и если ты не можешь быть лучшим, то остаётся исправно служить, став запасным, второсортным.

Глава 3. Победы и награды.

На пути следования возникло маленькое селение, Камнеземный край полон таких, именно эти людские пристанища составляют основу необъятного государства.

Лексан неспешно вёл коня ко вратам, охранял которые один единственный стражник, как и многие в его роде это был немолодой, полный и небогатый мужчина, который где-то и

когда-то поднимал меч во славу страны, а теперь доживал тихие годы старческого покоя.

Гонец негромкой поступью подошёл к стражнику и заявил, как подобает посыльным на княжеской службе — громко, внятно и с присущей гордостью:

— Княжеским указом в три великих города высланы гонцы! В Каргополь лежит мой путь, путь первого гонца. Смею просить ночлега у вашего...

Невероятно озлобленный взгляд прилетел в его глаза, стражник, видимо дремлющий на тихом посту, безжалостно остановил неумелого юнца негромким предупреждением:

— Ненормальный, а?! — Голос его был низкий и прокуренный. — Чего кричишь? На уши деревню поднять решил? Так для того здесь и стою, чтоб неумех отгонять.

Оскорблённый такой не дружелюбностью к царскому представителю, Лексан было извергся вулканом красноречия, но инициативу перехватил второй стражник, вышедший из кустов:

— Ну, что такое? Уже отлить нельзя, чтобы кто-то воздух не испортил.

Лексан, возмущённо, повторил заранее подготовленную речь:

— Княжеским указом в три великих города высланы гонцы! В Каргополь лежит мой путь...

— (второй стражник перебил его) Ненормальный, что ли?!

Это было последней каплей терпения в чаше тяжёлого дня. Измотанный дорогой и неудачным дневным сном, Лексан вдохнул воздуха, сколько помещалось в его груди, и громко выдал:

— Сутки напролёт одни деревья и поля! Ни зверя, ни птицы, а только пустые дороги! И вы, невежды, так царского посла встречаете! Кол по вам плачет, чумы на вас нет!

Переглянулись бывалые стражники, да расхохотались над юношей. Им уже давно не доводилось встречать гостей из столицы, и неразумной казалась идея называть себя послом княжеской воли.

Лексан покрылся холодным потом, он не имел ввиду, что способен так гневаться. Сейчас казалось, что всё учение, дарованное в гончих лагерях, обучение ясноизлаганию и красноречию — пустая трата юношеских лет. Не этого ожидал гонец, совсем не этого.

Хохот стих, вытерев бегущую слезу, пожилой стражник обратился к гонцу с радушным видом:

— Наш край такого знатного индюка давно не видал, небось, готовился, а? Посол царской воли?

Ярость Лексана разгорелась новым пламенем. Ну, уж нет! Такого обращения к себе он позволить, точно, не мог:

— Уж индюк хотя бы горд, не то, что два облезлых петуха!

Смутился взгляд пожилого стража, искривилась его пропитая физиономия. Недоброе возникло в умах, обруганных на ровном месте.

— Петухи говоришь? — монотонно произнёс старший стражник. — Так, что ж. Петух, видать, не страшен фифе городской. Быть может, ножку его попробовать желаешь? Подойди же, есть для тебя угощение.

Второй стражник облокотился о деревянный забор, это не сулило добра, но если старший взялся обидчика урезонить, так и лезть не стоило. Пожилой грозно сжал меч в руке, не точенный, но на бесповоротный шаг способный. Лексан не планировал биться с теми, у кого хотел просить ночлега. Но путь назад оказался закрыт. Одним неуверенным, но стойким движением обнажил гонец свой короткий стальной клинок, который часто

встречался звонким пением с другим оружием на тренировках. Однако крови сей меч не видел, хотя, казалось, увидеть желал.

Сошлись под блеклым светом факелов два металлических орудия. Дышал огнём юный гонец, то нападая, то отходя от размытых временем ударов старого вояки. Шаги их были осторожны, но полны решимости. Клинки звучно бились, с каждым разом раззадоривая ярость своих хозяев. Едкий взгляд второго стражника был направлен на опасную потасовку. Он знал, что делать, если наставник будет проигрывать...

— Сопляк мягкотелый! Не меч тебе в руках держать, а зеркальце! — вскрикивал между атаками старший стражник. Гонец, достойно держащийся перед врагом, не менее колко выпаливал:

— Ты не то, что зеркальца, и члена удержать, небось, не можешь, не обоссавшись!

Словно подбрасывая поленья в пылающий костёр, оппоненты бросались то яростными атаками, то яростными речами. Битый временем мужчина не смог увернуться от очередного выпада. Рука, держащая меч, была глубоко ранена острым оружием. Выдохнувшись, стражник упал на землю, придерживая окровавленную конечность. Лексан и сам потерял силы и вздыхал, будто не дыша целую вечность.

Молодой стражник не упустил шанса и подкрался к усталому гонцу, сильно оттянув кинжал в своей руке, он был готов нанести смертоносный удар в спину юноши. Но вдруг, его сбил с ног пожилой хранитель врат. Так как Лексан стоял прямо перед поверженным соперником, он не мог не отшатнуться и тоже не упасть. Так, лёжа на пыльной дороге, трое мужчин переглянулись. Затем, старший прижал руку к телу, медленно поднялся, видя, откровенно ошалевший, взгляд своего товарища, и произнёс:

— Двое бьются, значит их клинки должны сиять (глядя на второго стражника), ты лезть решил, когда он меч опускает? И это доблесть в наши дни?! (его речь прервалась кашлем). Кхе-кхе. Не смотри на меня взглядом одичавшего пса. Не ты это начал, чтобы заканчивать. А теперь, живо за ворота, позови лекаря. А мы здесь обождём.

Молодой стражник, не поднимая кинжала с земли, видя решительный вид своего наставника и кровь, стекающую на сухую землю, не мешкая рванул вглубь деревни. Лексан наблюдал, восстанавливая дыхание. Пожилой стражник подкосился и было не упал, но гонец подоспел и ухватил мужчину. Затем юноша отвёл его к воротам, где усадил на деревянный табурет. Ранение было серьёзным, но, видимо, не первым в жизни стражника, и тот намеренно прижимал окровавленную руку к телу. Тяжело дыша, мужчина произнёс:

— Попить... у факела фляга.

Лексан осмотрелся, действительно, в паре метров от табурета лежала металлическая вещь. Гонец кивнул стражнику и поднёс сосуд. Стражник впился во флягу, давась делал неглубокие глотки, последний из которых сплюнул на землю.

Лексан принялся и почувствовал не совсем воду, вернее совсем не воду. Кинув не доверительный взгляд, он услышал:

— Чего? Ты ж не святой, кажись, чтоб осуждать старика?

— Я не осуждаю, — обиженно произнёс гонец.

— Хах, ну надо же. А ты ведь просто искал ночлега, а?

— Да, всего-то искал ночлега.

— Ну, будет тебе место у нас. Только есть дело одно. Наклонись поближе, я скажу.

Лексан спустил голову к высохшим губам стражника, а тот, что было сил, отвесил гонцу левым кулаком, благополучно сломав нос. Юноша опять упал на землю, недоумённо глядя

на стражника и придерживая бегущую кровь.

— Ну, не могу же я перед своими так в грязь лицом упасть. Завтра же будут галдеть, мол, Морвасу какой-то юнец чуть руку не отхватил, так тот даже не задел обидчика! — захихикал сквозь хрипящий кашель стражник, а Лексан сидел с выпученными глазами, глядел на мужчину и, пусть всем видом осуждал и гневался на него, глубоко в душе понимал, что старик прав: не вправе он был так рьяно биться, это не был честный поединок. Время не играло на пользу старости, и гонец едва заметно улыбнулся.

В поле зрения появился запыхавшийся второй стражник, за ним мчался здоровенный мужчина и ещё двое незнакомцев.

Морвас поднял лицо, затем, молча, кивнул на кровоточащую руку. Высокий крепкий мужчина без слов расстегнул кожаную сумку, натянутую через плечо, достав чистый кусок плотной ткани, ловким движением крепко обмотал раненую конечность стражника, постепенно теряющего сознание от боли, и поднял этого толстого кряхтуна, как юную девицу на огромных волосатых руках.

Второй же, молодой стражник, впопыхах оставивший оружие на земле кинулся за кинжалом, неосторожно сунул его в ножны и подошёл к Лексану:

— Смотритель тебя видеть желает, к себе зовёт. За коня и снаряжение не думай, хлопцы управятся.

Лексан держал нос, периодически отряхивая руку от крови, и недоверчиво прошёл через ворота. Но услышав конский голос, быстро обернулся и крикнул двоим:

— К коню справа не подходить! Он слеп на тот глаз, боится той стороны.

Похлопыванием по плечу, стражник привлёк внимание юноши и они вошли в деревню. Вечерело и тучи сгущались под давлением осени. Впереди виднелся тот самый лекарь с Морвасом на руках, он ударом ноги распахнул дверь и скрылся в тёмной избе. Стражник завернул вправо, и Лексану довелось разглядеть деревенские постройки. Они были совсем не похожи на Кивские хоромы — это были маленькие избы, сколоченные из деревянных брусков, крыши которых были застелены плотным прессом соломы. Людей было не много, а те, кто оказывался на улице, просто сидели на лавках или грелись у костров.

Стражник подвёл гонца к, вовсе не отличимой от других, избе. Постучав, он услышал отклик и открыл деревянную дверь. Кинув взгляд Лексану, он подал знак, что дальше гонец пойдёт один. Юноша вошёл в светлое помещение и дверь за ним закрыли.

Посреди освещённой комнаты стоял колотый стол на котором лежали стопки бумаг, мешочки и свечи, за этим громоздким набором восседал рыжебородый мужчина, средних лет и по его плотной шее свисала металлическая цепь с черепом птицы и перьями, как кулон. Мужчина читал жёлтую мощёную бумагу и, казалось, не замечал, что к нему вошли. Лексан, прикрывая нос платком, который он достал перед появлением у чиновника, собрался с мыслями и решил представиться:

— ... (не успев издать даже звука, он был тут же перебит)

— Ночлега боем у нас ещё не просили (смотритель опустил бумагу и поднял глаза к юноше), значит ты утверждаешь, что являешься посланцем воли великого Кивского князя? — голос его был спокойным и ровным, словно летний вечер. — Выходит и знак царского причастия у тебя имеется?

Лексан, вновь взволнованный тем, что его перебили умерил свой пыл и кивнул. Потянувшись свободной рукой к сумке, он обнаружил, что она была оставлена на спине коня. Юноша смутился, решив попросить отлучиться за знаком, но дверь раскрылась, и

молодой стражник снова показался в поле зрения. В его руках была кожаная сумка гонца, Лексан провёл взглядом ход стражника к столу и не стал встречать, когда смотритель раскрыл её и, порывшись, нашёл знак — это была медная, блестящая фигурка, изображающая кулак, сжимающий свиток.

Смотритель неспешно рассматривал блестящую фигурку, привлекающую своими металлическими переливами в лучах горящих свечей.

— Сомнений нет, ты из княжеского двора. Мы чтим высокопочтенных гостей, но скажи, на милость, зачем ты ранил моего стражника?

Закипающие эмоции подступили к горлу, и Лексан хотел было разразиться скандалом, ведь это его так недостойно встретили у врат. Но гонец выдохнул и беспристрастно ответил:

— Недостойный поступок, от имени царского двора и моего собственного, приношу извинения пред вашим ликом. — Конечно, тяжело было сохранять спокойный тон, зная, что твоя вина лишь в желании защитить свою честь. Но совесть не позволяла осуждать уже побеждённого соперника.

Смотритель нахмурился, но в следующий же миг его лицо разгладилось в широкой улыбке:

— Ха-ха-ха, и впрямь индюк городской!

Глаза юноши раскрылись, будто ему, только что, штык сунули пониже спины.

— Не гневайся, мой мальчик! — Радушно продолжил смотритель. — Под княжеским надзором вас учат учтивости, это ладное дело, но не в наших местах. Мне по нутру твоё отношение — достойно не лить грязь туда, где и так не чисто. Видишь ли, мне сообщили, что парни на воротах неохотно встретили незнакомца. Прости их, здесь живут люди простые, им непривычно слышать отчеканенную городскую речь, она ж, как гвоздём по стеклу. Значит, Морвас познакомил тебя со своим кулаком?

— (Лексан ещё сильнее захотел рассказать обо всём, как было, но ограничился в своей версии произошедшего). Крепкая рука, и кости тяжёлые.

— Ха-ха, поглядите-ка! Дружок, да ты не гонец, ты дипломат! Сколько же можно? Я знаю, что твой нос пострадал после этой вашей схватки(он посмотрел на молодого стражника), видимо, Морвасу досадно проиграть вчистую, — и они оба захохотали.

Лексан стоял, раздираемый желанием кинуться на них с кулаками, и желанием рассмеяться с ними в голос. Смех стих, и смотритель вложил знак в сумку, протянув её к краю стола:

— Кров и горячая еда для тебя, мой мальчик, покуда я слежу за порядком в деревне, всегда будут ждать тебя в корчме «Сети рыбака.» Что скажешь (обращаясь к стражнику), Клор, достойна ли будет плата такому гостю?

Клор улыбался и, глядя на гонца, уверенно сказал:

— Да, смотритель, такой человек заслуживает пожизненный кров.

— Тогда не мешкай, проводи юношу к таверне, да скажи, что я распорядился о лучшем ложе, да лучшем блюде.

Лексан поблагодарил смотрителя, который всё так же радушно улыбался ему, поднял сумку со стола, закинув её через плечо, и двинулся вслед за Клором. Они шли неспешно, молодой стражник уверенно вёл гостя по глинистой дороге, а луна старалась пробиться сквозь стену непроходимых туч. Факелы освещали путь, дорога была не длинной, и спустя несколько изб они оказались у деревянного входа в двухэтажный рубленый дом. Над дверью была вывеска с выжженной надписью «Сети рыбака».

Тишину деревенского вечера разрезал громкий гул, доносящийся из людного места, после того, как Клор отворил дверь. Войдя в шумное заведение, Лексан учуял сильный запах алкоголя, доносившийся из каждого уголка пропитого здания. Он смешивался с табачным дымом и запахом потных невымытых рук, отчего преобразовывался в мистическую симфонию повседневного мужицкого отдыха.

В дальнем краю по центру залы стояла стойка за которой находилось место корчмаря. Его каменное безучастное лицо выдавало бывалого держателя подобного заведения. Он, молча, вытирал тряпкой деревянную кружку, глядя в мешанину деревенского разгулья.

Лексан осторожно шагал вслед за своим проводником, стараясь не задеть кого-нибудь. Встав у стойки, Клор разъяснил послание смотрителя. Корчмарь, не меняя выражения своего лица, подал железный ключ и рявкнул холодным голосом:

— Чердак.

Клор объяснил гонцу, что в деревнях, почётных гостей располагают в самой высокой части здания: там и шума поменьше и пьяный олух не забредёт. Лексан снисходительно взял ключ и спросил о цене, на что корчмарь снова выдал:

— Оплачено деревней.

Уставший гонец хотел было подняться в покои, но одёрнул уходящего Клора:

— Постой-ка, а куда девали моего коня? Надо бы снять с него сбрую.

— Коня твоего и причесали уже, спит, поди. Да ты не думай, не денется никуда добро твоё.

Лексан не очень доверял деревенским, простолюдины может и радушны, но по уму к настоящим мастерам Камнеземья не шибко-то и близки.

— Всё же, конь мой с трудом засыпает в неродном краю, если ночи спокойной не пожелаю ему. Ты не подумай, просто подскажи в какой стороне его оставили, я сам к нему схожу. А после и в комнату направлюсь.

— Ну, ежели так... Ты поди в сторону врат, не доходя шагов десяти налево сверни. Через две избы привязан будет. Только скоро воротись, смотритель велел, чтоб ничего с тобой не случилось. головой, грит, отвечаешь.

Юноша проследовал по пути, намеченном стражником. И действительно, гнедой мирно стоял, привязанный к столбу, перед ним располагались корыто воды, да овёс. Лексан, пригладил своего товарища по расчёсанной гриве. Уставший гонец направился к корчме. Деревня погрузилась в ночную тишину, пасмурная погода не портила мирного сна жителей, как ни стараясь наложить свои хмурые чары. Напротив, деревенские жители словно закрывались щитом от невзгод под крышами своих жилищ. Сухая глиняная дорога вывела его к единственному месту, где из маленьких окон были слышны громкие голоса, музыка, и выглядывал свет — к своему дому на сегодняшнюю ночь, к «Сетям рыбака».

Войдя в своё пристанище, Лексан устремился к лестнице, желая, наконец, подняться к себе и лечь в постель, и, не раздеваясь, предаться сну. Но в паре шагов от ступенек он споткнулся о чью-то ногу. Едва не упав лицом в пол, он немедленно обернулся и грозно уставился на шутника.

На него смотрели два, теперь знакомых, глаза. Это был Морвас, который весьма своеобразно привлёк внимание юноши:

— Совсем по сторонам не смотришь. Куда спешишь-то? Присядь, выпьем.

— Мне спать нужно. По утру ехать необходимо. Княжеское задание выполнять, а не сидеть весь день (хотя гонец и не испытывал злости, осадок от полученного урона он

сдерживать не мог, отчего и съязвил, намекая на бесполезную работу стражника).

— Да, да, мы помним, что человек ты дельный, но неужто откажешь опрокинуть кружечку? Ты мне, как-никак, чуть руку не отхватил, будь добр.

— По-моему, я расплатился, — Лексан прикоснулся пальцем к лицу, — разбитым носом!

— Но, но! Я теперь ещё долго и ложки в ней удержать не смогу, а ты, вон, дышишь спокойно.

Мешкая, юноша неохотно присел за столик, где уже ждали две полные кружки пива. Они подняли сосуды и стражник выдал тост:

— За новое знакомство!

Морвас, уже изрядно хмельной, делал жадные глотки, пока у кружки не осушилось дно. Лексан же не хотел туманить разум перед сном и лишь слегка отхлебнул. Стражник, с силой ударил кружку о стол и обратился в гуляющую суету:

— Что же, господа. Давайте-ка исполните песню нашему корчмарю, поблагодарим его за чудесные напитки! — Он подбросил целый Элен, который пролетел через всю комнату и приземлился в шапку одного из музыкантов. На миг в корчме стало тихо, и человек с дудкой у губ завёл неспешную мелодию, с ним заиграл лютник, и музыка прошлась эхом по корчме. Мужики стали подыгрывать ритму, кто-то топал, кто-то бил ложками по столам, иные хлопали. Суматоха сменилась слаженным звучанием, и один из музыкантов запел под весёлый мотив:

— Прыг-скок, по болотам

За холмами облака.

Прыг-скок мимоходом

Шли мы в «Сети рыбака»

(Постепенно большинство посетителей подключились к пению)

Полям, полям, шаг добавим,

Обходя патруль чужой.

Древних предков мы восславим,

До краёв налей, родной!

(И вот, весёлое пение обратилось в громогласный гимн)

Эх, старый корчмарь,

Лет былых шальной бунтарь.

Наливай до краёв,

В честь ушедших боёв.

Наливай же, не скупись;

Денег хочешь? — На, не злись!

Будем пить и песни петь,

Нам сегодня не стареть!

Лютня затихла и дудка замолкла. Люди расслабили голосовые связки и вернулись к своим выпивке и еде. Морвас уселся на стул и закатил глаза, затягиваясь свежим табаком из трубки, заранее подготовленной после песни. Лексан в жизни не видал такой слаженности, и был тронут подобным единением голосов и сердец. Он поднял кружку, и сказал Морвасу: — За вас!

После, гонец осушил стакан и наслаждался, ставшим милым сердцу, гулом.

Морвас затягивался, выдыхая кольца едкого дыма. Протянув трубку юноше, он получил

отказ, но это его не смутило:

— Что же ты, часто за городские ворота выезжал?

— Впервые. — Голос парня сильно смягчился под действием пива.

— Хороший первый раз, а?

— Хех, ну да. Лучше и быть не могло.

— Ты стало быть в Каргополь, к Нестору-царю?

— К нему.

— А знаешь ли, через какой путь пролегает твоя дорога?

— Через хвойный лес, там равнина и за Братьями-холмами дорога «без ветров».

Старик затянулся, медленно выпуская дым из сухих губ, он перешёл на тихий полушёпот:

— Пусть равнина не страшна, но в лесу можно добраться до того, чего тревожить не стоит.

Лексан изменился в лице, видя серьёзный вид своего собеседника. Он положил обе руки на стол, и внимание его было полностью посвящено стражнику:

— В лесу может быть опасно?

— А что ты знаешь о хвойном крае, именуемым «Место игл»?

— Так его называют. На деревьях вместо листьев растут иголки. Там часто бродят разбойники, и задерживаться в столбовой чаще не следует...

— И почему же?

— Ну, как же?.. Разбойники...

— Вздор! Лет сорок назад они могли себе позволить там обитать, но не сейчас!

— Так, кто же пугает даже бандитов?

Морвас достал флягу, налил своей пахучей жидкости в кружку и осушил до дна. Затем он затянул табаку и продолжил:

— Эта чаща полна теми, кого обходят стороной не только бывалые разбойники, но даже полководцы, пожалуй, сам Кондр не полез бы к большаку через эти места. Это обиталище чудовищ, живущих лишь по правилу «Съешь или съедят тебя». О, ты едешь через тропы, где солнечный свет — твой злейший враг, а ветер — его первый помощник, ведь они увидят тебя под лучами светила и почуют запах от воздушного потока. среди лесных просек живут не только ветвяные обвитуни — мерзкие червеобразные твари, сидящие на ветвях и бросающиеся тебе за шиворот, чтобы впиться в твоё тело и помутнить разум так, что не будешь в силах ни снять их, ни противиться их гадкой воле...

Старик покашлял и, отхлебнув из фляги, снова рассказывал:

— В давно заброшенных хатах, посреди чащи, обитают огромные бирюки — страшные существа, сопящие и шипящие в темноте одно лишь: «Т-с-с-с-с», они появляются в домах, охраняя жуткую тайну и не позволяют кому-либо раскрыть её... Высокий, лохматый как бурый медведь, дух имеет искажённое человеческое лицо хранителя секрета, ступни у него людские, а на руках по два длинных толстых пальца, ими он и душит тех, кто позарится на охраняемую тайну... Вытьи — жуткие духи не погребённых умерших, их омерзительный крик заставит и тебя, и твоего верного коня оцепенеть от ужаса, пугающий вид вытьи заставит тебя бежать в слезах, но не ошибись — они не вредны, подойдя к их останкам, ты пробудишь несчастную душу, которая на самом деле просит лишь похоронить свои, никому не интересные кости... И ендари обитают среди тех деревьев — эти гадкие подонки, выродки природы обращаются в красивых людей и норовят поцеловаться, и стоит поддаться

их желанию, как эти твари обхватят тебя своими длинными руками, крепко вопьются в твой рот своими тугими хоботами и высосут весь драгоценный воздух...

Лексан не мог оторваться или переспросить недопонятое, он, словно, прирос к стулу, слушая такое, отчего точно не сможет уснуть. Морвас тяжело выдохнул, видимо готовясь закончить разговор:

— Много разной твари в той чаше ползает. Не останавливайся и не оборачивайся, скачи по дороге и никуда не сворачивай, и свою жизнь спасёшь и коня не погубишь. Но... Коли увидишь на пути своём некий, взявшийся ниоткуда туман, ощутив который, почувствуешь тепло, разворачивай коня, бери поводья покрепче и пришпорь своего гнедого. Не верь тишине, что таит эта белая дымка — в ней обитают создания, чья природа столь ужасна и непонятна, что лучше пережить тысячи ран, нежели их прикосновение... Зовут их туманами, обитателями дымки... Бороться с ними ты не сможешь, разве только убежать, ибо не живы и не мертвы эти существа: полупризрачные неуязвимые и беспощадные, они поглощают любого, кого найдут, до кого доберутся. Говорят, душа растерзанного ими несчастного встаёт в бесконечные ряды новых и новых туманов, становясь мучеником беспощадной дымки, стерегись их мальчик, нет на свете силы, способной их остановить, и не сможет помочь никто, когда тёплая мгла раскроет свои объятия...

Мурашки бегали по коже гонца, зубы стиснулись, и он горько сглотнул. Он слышал, что едет через не безопасные места, но и вообразить не мог, что на столько. Теперь стало ясно, почему в такую непростую дорогу послали именно его — неумелого, никем не ожидаемого мальчика, ведь, в случае неудачи, княжеские люди просто отошлют почтового голубя. Лексан, покрылся холодным потом и его глаза покрыла пелена... Но старый Морвас быстро откинулся от стола, выпил ещё немного из фляги, и, уже хорошенько опьянев, громко сказал:

— Да не тужи ты так, и не ахай попусту. Просто смотри, куда едешь и езжай куда смотришь. Ты парень, не пропадёшь, я-то знаю (показывая перемотанную руку).

Лексана это не очень утешило, мысли о жутком пути не давали ему уснуть, даже в тихих покоях. Но усталость поборола страхи, и гонец предался безмолвному сну.

Морвас остался один на один со своей флягой, и в пьяном блаженстве искал себе собеседника, выкрикивая в толпу:

— Эй, сядь, выпей со мной, я никогда не пью один, понимаешь?! Никогда! Вашу мать, где народ? Я за всё заплачу, неужто никто за компанию не присядет?

В суете мирского веселья стояла фигура, едва различимая в полумраке хмельного вечера.

— Эй, ты, ну ты, в середине зала, иди сюда, угостись, друже!

Фигура медленно двинулась с места, бесшумными шагами, плавно и неторопливо она плыла по зале, приближаясь к столу.

Глаза Морваса были опущены, шея не могла удержать пьяную голову, сквозь мутное сознание он с усилием поднял флягу и налил в кружки:

— Первый тост — за жизнь! — сквозь хмельной туман в мыслях, он пригубил кружку, алкоголь полился в горло, но его взгляд уже был устремлен в молчащее тело. Даже лютая выпивка перестала отравлять его разум.

С ужасом на лице он замер, осознавая, с каждым редким вдохом, что это не сон.

Перед ним стояло безмолвное невиданное нечто. Существо походило на человека лишь отдалённо: оно стояло на двух ногах очень ровно, как солдат на построении, нижние конечности переходили во втянутый живот и широкую грудную клетку, рук ОНО не имело

совершенно, но плечи были широки, голова не имела ни носа, ни рта ни ушей, ни волос, но зато ярко виднелись глаза — углём адского тления светились две маленькие точки; всё же тело выглядело не плотным, словно вода, мутная и чёрная, заключённая в тонкую невидимую оболочку — такая же плавная и переливающаяся.

Морвас ужаснуля, словно кроме него никто не видел ЭТО! Откинувшись от стола, он, спотыкаясь и тяжело дыша, бросился к выходу, и прямо перед дверью стукнулся о корчмаря который возвращался с улицы:

— Опять перебрал, старый пёс? — возмутился корчмарь.

Глаза, полные безумного страха, смотрели в недовольное лицо, но губы стражника не могли позвать на помощь, он онемел и прекрасно понимал: если ноги позволяют — беги!

Оттолкнув корчмаря, он вылетел в дверь, снова споткнувшись лицом в грязь, ведь тучи уже пустили влагу, и улица изрядно промокла, но дождь на время остановился. Его движения имели смысл — он стремился к холодной воде, ему нужно было остудиться. Повертев головой, Морвас увидел лошадь, пьющую из корыта. Скользя и тяжело вздыхая, он ринулся к ней, но споткнулся у самой воды и упал на спину, крепко ударившись позвоночником.

Сумев открыть тяжёлые веки, он увидел это молчаливое существо прямо перед собой, трясаясь в ужасе, он набрал воздуха и решительно открыл рот, чтобы заорать на весь мир, но как только показался зев старика, существо бушующим потоком стало заливать в его горло. Захлёбываясь и давясь, Морвас закатывал глаза и дрожал в страшных, мучительных конвульсиях, не способный контролировать себя. Существо полностью поглотилось стражником и лишь немного пузырей вышли из глотки старика, желающей позвать на помощь.

Утром, с лучами осеннего рассвета, Лексан встал с постели. Одевшись и затянув сумку, юноша решил спуститься вниз, чтобы умыться. Корчма была пуста, к удивлению, даже корчмаря не было на положенном месте. Лексан положил ключ на стойку, и вышел через дверь. Его подхватили двое мужчин и поволокли к дому лекаря. Гонец пытался вырваться и разузнать, что происходит, но двое ничего не слышали и, с каменными лицами, вели гонца.

У лекаря толпился народ, все галдели и причитали. Увидев гонца, кто-то вскрикнул: «Вот он, держи его крепко!»

Люди стали бросаться в его сторону, пытаясь оцарапать или ударить его. Лексан, недоумённо, отбивался, в чём ему помогали двое, что не отпускали рук юноши. Пробравшись через людскую кучу, мужчины впихнули парня в комнату лекаря.

Дверь за гонцом закрыли, и его взору предстала пугающая картина: на крупном столе лежало бездыханное тело пожилого стражника, живот и грудь его были вспороты и вместо внутренностей плавала чёрная болотная жижа.

Смотритель и молодой стражник стояли у стены, а крупный лекарь вытирал почерневшие руки. Заметив гонца, Клор, бросился на него:

— Ублюдок, что же ты натворил, паскуда!

Смотритель оттащил стражника, сжимая его озлобленные руки. Затем он вывел Клора через вторую дверь и запер её. Вернувшись к дрожащему Лексану, он спросил:

— Что за зелье было выпито вами вчера, отчего мой стражник умер таким ужасным образом?

Лексан был в полнейшем ступоре, не понимая чего от него хотят, парень упёрся спиной в стену и медленно сполз по ней на пол. Смотритель начал заметно гневаться, не получив

ответа на вопрос, и, подозревая юношу в мести старому стражнику, решил надеть на него кандалы.

Но его движения остановила здоровая мужская рука, лекарь смотрел на тело стражника и, не поворачиваясь, говорил:

— Морвас рассказал тебе о немалых чудовищах, обитающих в наших краях.

Затем лекарь отпустил зрителя и подошёл к гонцу, открыв ладонь, он показал Лексану два маленьких камушка — угля:

— Одного он не упомянул, и именно он явился вчера в гости к нашему стражнику.

Вложив камушки в дрожащие ладони гонца, лекарь подошёл к столу:

— Днобокал — так в наших землях именуют это воплощение мучительной смерти. Существо из легенд, приходящее к человеку, изрядно перебравшему алкоголя, и превращающее его органы в жижу, которую мы с вами наблюдаем. Морвас знал о его существовании, но не ожидал увидеть ЭТО самому. Однако, уважаемый зритель, старый пройдоха не растерялся и попытался себе помочь. Видите ли, увидев днобокала, сказания советуют омыть себя чистой водой, к чему наш стражник и стремился, так же из его руки я с трудом вырвал флягу со спиртом. Не думаю, что он хотел допить его, напротив, у легенд есть и на этот счёт совет — «сожги в костре отраву хмельную, да кинься в омут с чистой водой». Однако, как вы помните, вчера прошёл дождь, и костров Морвас не смог бы найти. Его решения были правильными, но цели оказались слишком несбыточны.

Глядя на тело и после на зрителя, лекарь заключил:

— Мальчик не мог ничем помочь. Наш Морвас совсем много пил в последнее время. Он хвастал — что это победа над старым телом, и алкоголь его совсем не пугал. Что ж, победа, его победа, даровала Морвасу заслуженную награду, и он принял её. И вины в этом нет ничей.

Зритель не мог повесить эту смерть на нечисть. Так уж принято — людей убивают люди. И гонец подходил на эту роль: двое людей схлестнулись, не сумев найти общий язык, оскорбление и удар в лицо после честной победы — это серьёзный повод, чтобы напасть на обидчика. Но этот юноша не прост, его первая остановка могла быть только здесь и народ прекрасно запомнил парня в ярком одеянии... Начнись поиск, даже Кивское баранье догадается, откуда растут ноги. Но так же многие помнят, что стражник был пьяницей, это могло бы стать причиной неаккуратного падения головой о какой-нибудь камушек...

Раскидав возможные варианты, рыжебородый решил, что правду этого дела стоит оставить в стенах лекарского жилища:

— Решено. Лекарь, необходимо почистить тело, — разглядывая мутную жижу, — а после, мы раздобудем свиные органы на бойне — пусть никто не впадает в панику. Итак, отныне, Морвас — страж головных врат, в хмельном бреду выбежал из корчмы, далее, спотыкаясь и скользя по грязи он сошёл к корыту, неловко ступив, старик упал затылком о твёрдое дерево и погиб.

Лекарь решил добавить:

— Но его тело нашли в трёх шагах от корыта...

— Ударившись, он сполз по скользкой дороге, ибо был дождь! — Зритель нервничал, понимая, что людям просто необходима правда, которая их устроит.

Лексан сидел у стены и его взгляд отчаянно ловил лучик солнца, падающий на большой палец мёртвой руки. Ещё вчера этот кашляющий мужчина предупреждал юношу об ужасных существах, способных и желающих убить любого на своём пути, а сегодня он сам лежит на

столе, павший жертвой одного из них.

— Мальчик, мальчик, посол княжеской воли, чёрт тебя дерит! — смотритель заметно повысил голос, привлекая внимание Лексана.

Увидев, что гонец не реагирует, он рывком поднял остолбеневшего беднягу и несколько раз потряс его расслабленное тело:

— Смотри на меня, смотри, — решительно изрыгал пламя смотритель, — этот человек умер сам, ты не знаешь почему и как, ты просто выпил с ним пива, после чего лёг спать. Искавший смерти на дне фляги, её нашёл. Точка. Нет никаких чудовищ или демонов, только несчастный случай с печальным финалом. Понял меня? Отвечай, мой мальчик, не разочаруй.

Глаза Лексана были матовы и неподвижны. Слыша и чувствуя тряску и натиск смотрителя, он горько кивнул.

Гонца отпустили, при этом смотритель похлопал его по плечу и, поднеся суму, вручил юноше. Затем, что-то сказав лекарю на ухо, вернулся к юноше:

— Мы выйдем вперёд через основную дверь. Пока люд будет слушать заключение этого дела и нравоучение о вреде алкоголя, ты обязан выйти через задний ход. Прошу тебя, не жди и не мешкай, просто забери свою лошадь и скачи по своему пути, не спрашивай ничего, стражники предупреждены. Ты всё понял? Ответь же?

Юноша бессознательно кивал.

Совсем не понравилось безучастное лицо смотрителю, и он отвесил гонцу добрую оплеуху. Лексан пришёл в себя, даже левый глаз дёрнулся и из него потекла слезинка. Удар привёл его в чувства, и, следуя указаниям старшего, он направился к задней двери.

Дальнейший путь был туманным и нечётким. Он с трудом осознавал, как взобрался на коня и проскакал, почти не замечая времени, до следующей деревни. Молча и осторожно, он досидел до утра в комнате, не способный уснуть и двигался к Каргополю, не придавая значения ничему, что было на его пути. Перед въездом в заветный город, Лексан смутно осязал происходящее, он не мог отличить лица князя Нестора, от морды придворного пса.

Отдав княжеский указ о приглашении на празднество, Лексан уселся на лавке княжеского двора, отвернувшись к стене, он уткнулся в рукав своего кафтана и молча крутил в голове слова старого стражника. Не видно было никому — плачет ли гонец или просто молчит, но выдавалась в его положении настоящая скорбь.

Призвав гонца на ответ, Нестор передал согласие и желание быть на пиру. Лексан слушал, по правде говоря, делал вид, что слушает. Он видел, что князь улыбается и кивает, на что гонец и сам кивал.

Никто не обратил внимания на тусклый свет в глазах юноши, все считали длинные дороги утомительными и гонцов не мучили расспросами, а лишь предлагали откусать и отоспать. Но Лексан вежливо отказался, ссылаясь на ожидание ответа брату от брата, и, взяв дорожный паёк, водрузился на коня и умчался по пыльной дороге.

По обратному пути он не встретил никаких тварей, но прекрасно слышал отсутствие голоса живого леса: пение птиц, постукивание копыт, беличью суету. Миновав последние вёрсты, гонец вернулся в Великий Кив, привезя счастливую весть для всего княжеского двора, и печальную тайну для своего колотого сердца.

Глава 4. Стейк из акулы.

У берегов Мракоморья возвышался замок из белой глины, его блестящая крыша отливала радугой, когда южное солнце освещало царские владения. В великолепном дворце правил третий князь — Творимир. Сегодня к нему на поклон приехал столичный гонец.

Князь принимал ванну в своих покоях, почему и пригасил вестника прямо к себе.

Войдя в прекрасную залу, состоящую из ослепительных белых колонн и мраморного пола, гонец заметил большую ванную из монолитного светлого камня, в которой, полной пены, возлегал красивый мужчина. Итак, решив, что время зачитать речь пришло, гонец приступил:

— Княжеским указом в три великих города высланы гонцы! В Вышеград лежал мой путь, путь второго гонца.

Князь лежал в пене, положив руки на края ванной, и сладостно говорил: — Да-а продолжай.

Гонец смутился, но не ослушался:

— Именем князя Святослава, вы и ваша свита приглашаетесь на пиროванье, в честь великой победы над враждебной Летрией!

— О, о! Это то, что нужно, не останавливайся.

Гонец покраснел и продолжил:

— Кхм, кхм. Великий князь ждёт скорого и положительного ответа от своего младшего брата, ожидая его присутствия за столами великой столицы!

— Конечно, конечно, да-да, не останавливайся, прошу!

Гонец и вовсе ошалел, сумев выдать лишь: — Это всё...

В этот же миг прямо перед князем из воды появилась юная дева, судорожно выдохнувшая накопившийся воздух, князь возмутился:

— Почему ты остановилась?!

— Мне нечем было дышать!

Вестник стоял в полнейшем недоумении, наблюдая, как юное грациозное тело выскользнуло из руки князя. После чего, обнажённая девушка промчалась мимо гонца, оставляя мокрые следы, и выбежала в дверь, посмеиваясь на ходу.

Гонец провёл её взглядом и тут же обернулся к Творимиру, снова покраснев и выпрямившись как перо. Князь вытер лицо мягким полотенцем и, как есть вышел из ванной. Не прикрывая достоинств, дарованных от природы, он подошёл к гонцу, взял свиток из его рук и спросил:

— Это что?

— П-приглашение, Ваша Светлость. Князь приглашает...

— Хороша, да?

— Д-да. Весть хороша.

Не поняв ответа гонца, князь развернул свиток:

— Ну надо же, так чего ж ты молчал? Если брат приглашает на такое событие, грешно было бы ему отказать! Конечно, я буду, более того, выеду на пару дней раньше, — он положил руку на плечо гонцу, — застану врасплох.

— Врасплох. — Выдохнул бедняга.

Собираясь в путь, князь всегда выходил в море — это была его стихия. Обнимаемый волнами галеон возмущался и тяжело дышал, но не выходил из под контроля величественного правителя. Творимир не раз говорил (порой он повторял это даже во сне): «Морские границы бережёт Вышеградский волнорез». Это было так: враги судорожно наблюдали, как корабль, на борту которого никогда не было слышно ни единого звука, до тех пор пока палубы не поравняются, нагоняет их, глубоко въедаясь в морскую лазурь.

После тихого возвращения на берег, прекрасный мужчина созвал дружину. Готовясь к

отъезду, он лично прошёлся по рядам и поприветствовал своих морских демонов. Когда же время отъезда пришло, князь воссел на коня — ласково заплетённая грива блестела на солнце ранней осени, и Творимир провёл рукой по прекрасной шее животного:

— Гербы поднять, — его капитанский голос слышала не только дружина, но эхом отдалился звон капитанского глагола по всей округе, — не только войну мы встречаем громогласно, праздники тоже греют наши души!

Горожане прощались с правителем, махали и хлопали в ладоши — этот человек давно стал их идолом и примером для подражания.

Дорога была не извилистой, путь лежал ровный и покорный. Князь наслаждался просторами родных земель, но желтеющие волны полей не могли сравниться с пеной морских волн. Его взгляд всегда устремлялся дальше за горизонт, и мечты влекли князя к новым землям и новым морям.

Двое волхвов, чьему мнению князь придавал не малое значение, ехали позади. Дело в том, что Курьян (он был помоложе) страдал пыльной хворью, и поднятые копытами песчинки не давали ему покоя. Второй же волхв — Матвей (он был и постарше, и борода его, уже седая, свисала ниже груди) всё пытался облегчить муки своего преемника.

— Морской воздух, где он? Он нужен. — Жаловался и плакался Курьян.

— Ну — ну, — с тёплым снисхождением повторял Матвей, делая заговоры над пустой чашей, — я обещаю, дальше — легче.

Глаза Курьяна слезились, нос был красным, и руки всё время чесались. Морской воздух был ему полезен, а выезд в полевые условия дал болезни повод разыграться:

— Умираю, святые духи, умираю я!

Как старая нянька, успокаивал юношу Матвей: — Ну потерпи, сказано же!

Закончив очередную порцию словоизлагания, Матвей поднёс к лицу Курьяна чашу, она светилась переливами салатно-жёлтых цветов, внутри этих огоньков, как звёзды мерцали чарующие магические частицы. Курьян завопил:

— Я специально пыль вдыхать не буду, даже волшебную!

Старший волхв возмутился с особым повышением голоса:

— Дураков в бурсе волхвов много, но за что мне пал самый дурацкий из них? Ты зеньки-то от слёз протри и вдыхай. Не то дам посохом по голове, чтоб насильно тебя обезмолвить.

Курьян, обиженно, подтянулся к чаше и сомнительно стал втягивать в себя магическую субстанцию. Матвей подогнал: — Быстрее!

Курьян одним быстрым вдохом поглотил содержимое чаши.

Матвей снова перешёл на приятный тон: — Не жмурься, выдохни.

Волхв-ученик расслабил лицевые мышцы и осторожно выпустил воздух из лёгких. Это было чудом — ни чихания, ни раздражения, хворь отступила и волхв хотел восторгнуться, но наставник прервал его:

— Не хлопай, овации для меня более роли не играют. Лучше читай книжки — я не вечен, а вот болезнь твоя всегда будет ходить тенью по пятам.

С этими словами волхв прибавил шаг, и нагнал князя.

— Хворь? — поинтересовался Творимир.

— Хворь, — вздохнул Матвей, — это не ученик, а чума в чистом виде.

— Что ж, ты сам ткнул в него пальцем при выборе послушника.

— Великий князь, — чародей перешёл на шёпот, — кто предлагает человеку с бодуна

себе ученика выбирать?

Творимир смеялся:

— Так у тебя, что не бодун, так храп. А во сне к тебе не подойти!

— А ещё Великий Князь... — Отшутился волхв.

— Но-но, потише. Да поласковой, ты, конечно, мне дорог, но не забудь, почёт и, ты сам знаешь...

— Субординация?

— Субординация!

Применив свой приятный и снисходительный тон, Матвей обратился к правителю:

— И у тебя взгляд не здоровый. Может и твоё тело в излечении нуждается?

Князь вздохнул.

— А может не тело? — продолжил волхв.

Князь снова вздохнул.

Волхв чувствовал, это не получится описать обыденным писанием, но тонкие нити человеческого бытия и переплетения их эмоций были ощутимы опытным волхвам. Но поход и дружина за спиной не предполагали задушевных бесед, и путники кивнули друг другу, ожидая восседания за столичными столами.

Ночь была хмурой, с севера дул ветерок, а грузные облака скрывали небесную бесконечность. Князь крепко спал в своём шатре, предаваясь мечтам о столичных красавицах. За тканями шатра дул ветерок, а постовые внимательно смотрели в изгибы танца пламени факелов. Тихим резким движением сверкнула наточенная сталь и оба стража собрались полететь к земле, но их подхватили крепкие руки, что-то шепча, две тени отпустили бездыханные тела постовых, а те выпрямились и стояли как прежде, разве что по их глоткам стекала кровь.

Почти невидимые, двое скользнули в шатёр. Один из похитителей достал маленькую емкость с голубой жидкостью. Опустив туда пипетку, он втянул микстуру и капнул князю в каждую ноздрю. Тело Волнореза расслабилось, а дыхание стало едва слышимым. Один из них поднял спящего князя на свою широкую спину. Приподняв подол шатра, они выскочили позади лагеря и скрылись в тени Спиралесья, чьи причудливые деревья скручивали свои стволы, как верёвочные канаты.

По лицу князя, постукивая, что-то ползало. Подняв глаза, Творимир обнаружил омерзительную сколопендру с чудовищными оранжевыми лапками и отталкивающими клешнями у пасти. Князь было вскрикнул и задёргался, но оказался привязан к движущемуся неизвестному, его руки и ноги были связаны, а рот затягивал плотный кляп.

— Прыть, ко мне! — послышался низкий грубый голос прямо за головой князя.

Мерзкое существо соскочило с лица Творимира, и, стрекоча, поползло вперёд, вскоре умолкнув.

Оглядываясь и ёрзая, князь понял — его похитили, и, судя по пустынной дороге, а также по виднеющимся горам Аль-Арум, увезли далеко от дружины. Покачивания дали понять — он привязан к кому-то живому, к кому-то большому, так как дорога виднелась метрах в полутора под ним.

Кто-то болтал впереди него, он не мог разобрать слов. Затем один из идущих обошёл несущего и обратился к князю из-под тени капюшона:

— Не укачало?

Князь было крикнул, но кляп плотно сжимал его рот. Тогда он глазами указал на

невозможность ответить.

Из-под капюшона снова послышался голос:

— Что скажешь, Лентус, развяжем рот княжеский?

Тяжёлый низкий голос ответил из-за княжеской головы: — Орать ведь будет. На помощь звать. Вопить начнёт.

— Так, а кто его услышит. Зайцы и мыши на помощь не поспешат. Тебе не интересно, о чём говорят великие правители?

— Интересно...

— Ну, тогда! — Человек в капюшоне одним прыжком достиг князя, и быстрым движением незаметного лезвия срезал ткань, закрывающую рот Творимира. Так же резко он отпрыгнул.

Выплюнув кляп и хорошенько покашляв, князь взглянул на человека под капюшоном. Вскоре он обратился к несущему:

— Эй, Лентус, так?

— Так. — Ответил тяжёлый голос.

— Воняешь, как манда невытая!

Несущий остановился, были слышны вдохи, очевидно существо принюхивалось к себе, что вызвало у князя улыбку:

— Плохой людь. Акут, сунь кляп обратно!

— Спокойно, Лентус. Это нормально, когда связанный Волнорез острит. Но ему стоит помнить, что сейчас он не на палубе своего дырявого корыта и, что Лентус очень любит неожиданно падать на спину...

Князь громко захрипел носом и сплюнул вниз, едва не попав в идущего сзади:

— Ой, мои медвежьи манеры. Ты что-то говорил? Продолжай, а заодно пойми — я не князь, тупицы! Думаешь, вам, двум олухам, удалось бы похитить великого Волноре...

На этот раз перебили его, в прямом смысле: ударом тыльной стороной ладони. Акут опять был поверх князя, сжимая его щёки пальцами, чтобы не было возможности говорить. Он продолжил:

— Заметь, это ты привязан к спине тролля. И великая попытка обмануть меня только что с крахом провалилась. Дело в том, что царская кровь неподдельна, и я уже взял пробы, так что, тупица здесь не я и не Лентус, ясно?

Глаза Творимира стали понимающими, видимо это не простые похитители. У них явно есть план, и этот план явно не закончен. Прыгун отступил вниз и снова зашагал вперёд. Выяснилось, что попутчиков было трое и голоса, смешивающиеся с магического похмелья, сейчас были точно различимы.

Спустя какое-то время они забрели в лесную чащу, тролль остановился. Князь решил, что эта громадина и вправду плюхнет на спину, но Лентус лишь присел у полянки и грузно выдохнул:

— Устал я.

— Мы достаточно далеко, — отозвался доньне незнакомый третий голос, — всяко дальше смысла топать нет. Значит здесь.

В голове Творимира забегали плохие мысли: что здесь? Почему они остановились? И что будет дальше? Но виду подавать князь не стал.

— Пока мы отдыхаем, милочки, приспустите штаны моей ночнужки, а то спина этого пахуна станет теплее и мокрее.

Тролль зарычал и начал нервно дёргаться, не желая быть помеченным. Но его успокоил Акут. Третий незнакомец обошёл тролля, и князь увидел этого человека: среднего роста, среднего сложения, лысеющий и в меру бородатый, он был похож на большую часть населения континента. «Таким должен быть шпион, — думал князь, — даже подойди он ко мне и в открытую доказывая причастность к шпионажу, я бы не поверил».

Человек осмотрел князя с ног до головы, приложил руку к его лбу и потрогал кожу лица, князь воскликнул:

— Если я тебе понравился, то сразу убей. Обещаю, буду тёпленьким в ближайшие часы.

Незнакомец едва заметно фыркнул, затем подозвал Акута. Похитители перешептались. Князь смотрел на них свысока, понимая, что его уже ищут по всей округе, и скоро найдут. Человек в капюшоне подошёл к Волнорезу, тролль взялся за князя обеими руками, крепко сжимая, делая беспомощным. Акут разрезал верёвки и едва князь глубоко вдохнул, как пальцы Лентуса сжали его ещё крепче. Совершив резкий разворот, тролль оказался лицом к затылку князя. Незнакомец прошёл вперёд и вернулся к ним с крупной чашей в руках, из неё выходил пар. Тролль прижал Творимира к земле, опустив его на колени. Князь понимал, что ситуация выходит из-под контроля и решил задержать неминуемую казнь:

— Эй, Лентус, да? А ты крепкий?

— Ну, крепкий...

— Значит и удар держишь?

— Держу...

— Ну так держи! — собрав волю в кулак, князь изо всех сил махнул головой, как хлыстом, попав затылком прямо между ног гиганту. Тролль завопил, распугав всех птиц, только что поющих в округе. Поняв, что диверсия удалась, он решил закрепить начатое, — держи второй!

Но удара не произошло. Сухие жилистые руки прыгуна поймали голову Волнореза, и ему в нос ударил запах настоящего зловония: — Хватит с тебя фокусов.

Теперь князь чувствовал отчётливо — руки этого существа были ледяными. Кости выступали под кожей и она явно гнила. Из-под капюшона исходил смрад тысячи могил. И крепко держали голову сильные окостенелые руки.

— Лентус, выдохни. — Сказал третий.

— Больно бьёт, не людь, а скотина! — Жаловался, едва не плача, гигант.

— Я сказал, угомонись. Это пустые попытки привлечь внимания. Здесь никого нет. Поверьте, ваша светлость, мы перестраховались. Акут, держи его крепко. — Третий похититель уверенно подходил к князю.

Князь попытался вырваться резким рывком, но теперь его держали четыре руки и шансов освободиться не было. Не сумев совершить побег, он поднял взгляд на третьего, пытаясь что-то сказать, но мощный поток кипящей жидкости разлился по его лицу. Послышался невообразимый вой, словно, односекундно, под кожу были загнаны тысячи раскалённых игл, а после ими стали вертеть в разные стороны. Князь чувствовал, как кожа сползала и стягивалась, образуя кашистую поверхность. Разрываемый болью, он стал судорожно трястись. Похитители не ослабляли хватку. Погодя несколько секунд, незнакомец плеснул в сгоревшее лицо какой-то неведомый порошок, и боль, секундно, исчезла. Сорвав голос пронзительным криком, князь зашипел, как старый удав:

— Мерзкие твари, если бы вы знали, какую участь вы только что избрали для себя и своего окружения. — Его голос звучал грозно, надменно, но тихо. — Моё лицо вы украли, но

не более. Я был и остаюсь князем. Один из вас сам сказал — княжеская кровь неподдельна.

Третий похититель прервал его:

— Сколько порошка ты уже вдохнул?

Князь притих.

— В твой организм попала «Субстанция очищения», поэтому боль сразу стихла. Но с этим и стихнет твоя княжеская сущность. Кровь очистится от опознавательных знаков и ты перестанешь быть особенным.

Услышав о знакомом снадобье, князь перестал слушать. Он помнил, как Матвей упоминал о подобных чарах. Но жуткая обида вырвалась из глубин княжеского нутра:

— Я — Князь!

— Больше нет, — тихо прервал его незнакомец и приложил к груди Творимира, до сих пор не увиденную раскалённую металлическую печать, — уже нет.

Боль вернулась и князь сжал зубы. Незнакомец убрал печать:

— Клеймо Эллеанского раба. Дело сделано.

Услышав эти слова, тролль и смердящий похититель отпустили измученное тело, князь тут же рухнул в траву. Оттащив едва дышащего Творимира к дороге, они содрали одежды, сняли перстни и фамильную цепочку с кулоном, небрежно натянули на него лохмотья и направились к лесу. Гниющее существо в капюшоне колко выбросило злобную остроту:

— Стейк.

Уходя, главный похититель различил сквозь тяжёлое хрипение из уст Творимира: «Обещаю. Я вам обещаю. Не меня настиг кошмар, он явится в ваши постели...» После былой князь потерял сознание, а похитители исчезли в дремучем Спиралесе.

Листья отрывались от ветвей, поднимаемые ветром к самому небу и спускаемые в вихре к земле. Князь лежал к солнцу передом (увы, сказать лицом, полагается, неуместно), а ветерок с севера обдувал обгорелую кожу.

У ног Творимира послышались шаги, и плотная ткань коснулась его стопы. Князь приоткрыл левое веко, наполовину обнажив глаз, второй же не имелось возможности открыть, и увидел длинную мантию из плотного материала, она покрывала тело незнакомого создания до лица... до костей лица. Из-под мантии на него глядело пустыми глазницами нечто: череп обтянутый кожей и видными под ней сосудами. За спиной у необычного существа виднелся сделанный из светлого дерева посох, загнутый к концу. Прямо в середине изогнутой дуги посоха горело маленькое синее пламя, как от свечи, но оно не касалось дерева, а просто нежно плавало в воздухе. Это последнее, что видел князь, в очередной раз потеряв сознание.

«Видимо, застолье в столице откладывается» — была его последняя мысль.

Глава 5. Болотная крыса.

***

Княжеские уделы обрели силу, когда отец четырёх братьев, Великий Князь Кондр, пришедший с предгорий земли Аль-Арум, прошёл тараном по материку. Жаждавший власти и беспощадный, он оставил сыновьям покорные народы и раскидистые просторы. Добравшись до самого сердца Камнеземья, он основал Великий Кив. Столица стала отправной точкой к завоеванию новых земель, к покорению новых народов. Щедро вкладывая ресурсы в снаряжение и обучение воинов, он пророчил своё единогоподство.

Выстроив Кивскую стену, князь уже был отцом семилетнего Святослава. Оставив первенца на попечительстве доверенного воеводы, он двинулся к западу, где генмельский

люди возводили свои постройки. Грозная сила Кондра — завоевателя покорила долину от пустыни "Забытых дорог" до самой границы "Дымного моря". Генмель перестал быть самым богатым государством: они столкнулись с когтями чудовища, потеряв значительную часть земли и людей. Они были вынуждены перестроить свою политику под военное время и отступить к морю. Расширив границу к западу, Кондр основал Каргополь, к тому времени его второй сын достиг возраста восьми лет (два года князь не появлялся в столице).

Назначив своего советника регентом, и оставив второму сыну княжество, Кондр двинулся ко Мракоморью. Эта плодородная и цветущая часть материка была заселена эллеанцами, которые видели войну лишь на вечерних представлениях театров под открытым небом. Качество их вооружения было ниже, чем у генмельских сеятелей. Не более трёх месяцев заняло подчинение этих райских земель. Кондр был огорчён — он ожидал сопротивления, борьбы, но за всю войну у берегов двух морей погибла лишь старая ослица, перевозившая провиант (споткнувшись о верёвку, она упала в ущелье). Большая часть эллеанского народа бежала на восток, им предстоял тернистый путь обретения нового дома в местах, поросших тёрном. В построенном Вышеграде, среди пальм и белых камней, был оставлен его третий сын Творимир, достигнувший к тому времени возраста семи лет. Его попечителем оставили одного из самых значимых магов той поры — Матвея.

Решив раздвинуть границы к северо-западу, Кондр, доведший армию до смертоносного уровня, направился по склонам крутых гор Шинтер, желая поставить свои флаги у северо-западного края материка, омываемого океаном Анилан. Войско Кондра было велико, но сражения с крестьянами и прибрежными пьянчугами ослабило их крепкие спины. Ледяные ветра настигли их, кося здоровье и жизни грозных солдат. Советники умоляли Кондра повернуть к столице, но пелена желаемой власти давно застелила взор князя, а северный ветер размыл трезвый взгляд на мир.

Не менее тысячи человек полегло у Клыкастого перевала; таким образом, до города, стоящего последней точкой перед океаном, многочисленная армия сузила круг до трёх тысяч ослабленных бойцов. Северяне холодно встретили князя из каменной долины.

В решающие минуты сражений, Кондр, именуемый Камнеземным чудовищем, сильно застудил лёгкие. Последняя битва, которую Кондр назначил главе северян не состоялась. Ближайший военный советник грозного захватчика выступил с предложением, не продолжать кровопролития, ведь северяне потеряли в тех сражениях немало людей, и потеряли бы ещё больше, если бы отказались от перемирия.

Понимая, что там, за горами Шинтер и долинами камня и песка, врага ожидают подготовленные войска, северный народ добровольно вошёл в состав Кивского правления, но пакт имел ряд пунктов, освобождающих северян от власти Камнеземного главенства. Итогом стало нареkanie северной столицы Мирградом (или же городом Мирный). Это место осталось под самоконтролем, однако было очевидно, что безумное желание овладеть северными рудами в горах могло привести Кивское государство обратно. Уходящие понимали это, оставшиеся понимали это ещё лучше.

Тяжёлое состояние князя становилось всё плачевнее. Однажды ночью на край его кровати села красная птичка, размером не более перепела. Пение этого маленького существа пробудило Кондра от тяжёлого сна, и его взору предстал маленький красный певун-предвестник — харад. Эта птица своевременно появлялась, знаменуя обязательную смерть. Чудесные песни харада мог слышать лишь тот, чья жизнь непременно оборвётся спустя три дня после появления предвестника. Кондр грузно дослушал жизнерадостное чириканье с

закрытыми глазами. Как только предвестник вылетел из шатра, князь, ослабший и едва похожий сам на себя, решил освободить столицу от своего присутствия.

Подозвав своего младшего сына, который был любимым ребёнком в семье грозного родителя, он велел следовать к брату в Кив, а сам направился на восток, имея не более двух сотен бывалых вояк, дабы водрузить гербы Кондра в землях, пустующих без власти. Последние дни Кондра остались тайной. Неизвестно, сгинул ли он, утонув в восточных болотах, или умер от тяжёлой пневмонии. Судьба же его младшего сына стала известной по всем окраинам.

Совет братьев, к тому времени уже успевших почувствовать вкус и послевкусие власти, решил, что поступок Василия не достоин знатного рода. Гневный Святослав, подбадриваемый мнением братьев — царей, изгнал брата вслед за отцом, не веря, что княжеский сын оставил тяжело больного родителя идти в болота на погибель в одиночку. Гонимый роднёй, Василий уходил всё дальше, обретя свой дом среди зловонных, поросших тиной прудов. Указом столицы, его город стал самой большой тюрьмой Камнеземья. Сюда стали стекаться самые недостойные преступники, самые отвратительные личности, самые мерзкие животные. Могиль — так стали называть это холодное место. И остался Василий в Могили один; без братской поддержки, без царского чина.

***

Переехав через Релену — самую крупную реку Камнеземного края, гонец, направленный в Могиль, сбавил ход.

Дороги, проходящие к городу, лежали поверх трясиной болотистой земли. Конь и сам не желал скакать: один неверный шаг, и ты погублен в этих затхлых местах. Указательные столбы смогли направить гонца, и дорога остановилась у тяжёлых каменных стен.

Под чернеющим небом располагался пункт его назначения. Стена, окутывающая Могиль, превышала порядка тридцати метров, влево и вправо не было видно границ этого грузного строения. А за ней царила лишь тишина...

Гонец направился к виднеющимся воротам. Они были сделаны из металла, почерневшего от времени, представляя собой плотную решётку. Увидев, что ворота открываются изнутри, гонец поднял голову, в надежде увидеть часового, который оказался как раз над ним:

— Прибывший, назовись? — послышался голос сверху.

— Посол царской воли прибыл с приглашением к князю Василию от брата Святослава!

За спиной, среди туманного болота зашевелилась тина, и ветер потрепал высохшие листья, наполовину затянутых в воду, деревьев. Это место нервировало, наводило тоску и страх.

Гонец поднял глаза и увидел, как стражник с кем-то говорит, ожидание было невыносимым. Казалось, что сзади кто-то замер, притаился, коварно желая напасть со спины. Гонец вспотел. Вдруг ворота заскрипели и стали медленно подниматься. Гонец слез с коня и повёл его под узду.

Войдя во внутренний двор, посол княжеской вести увидел совершенно не похожий на столицу мир. Здешняя земля была серой, трав на ней практически не росло, а имеющиеся застилала пыль. К нему приставили проводника, и оба шли по направлению к виднеющейся крепости, расположенной глубже от стен. Недружелюбные взгляды упирались в гостя, ощущение за воротами было похожим — будто кто-то хочет наброситься и нанести удар в спину. Гонец вновь вспотел. Над городом стоял смог, дым резал глаза и слёзы не увлажняли, а обжигали. Каждый, кто попадался на пути выглядел отталкивающе, иного ожидать было

бы нелепо, всё-таки, это город — тюрьма. На обочине главной дороги стояли виселицы, в петлях веревок неподвижно висели люди с мешками на головах, словно красная ковровая дорожка, они указывали путь к крепости. Ещё одной колкой деталью было полное отсутствие женщин.

Врата в крепость точно повторяли вход в город — та же решётка, та же чернота. И весь город был таков — однотипен. С тяжёлым скрипом поднялись ворота. Двор перед замком отличался, здесь было не так грязно, но серость Могилы обретала ещё более гнетущий образ среди широких стен. Дерево, из которого была сделана дверь, было прокопчённым и потеряло вид благородной древесины. На удивление, они открылись без скрипа.

Гонца провели по тусклым комнатам мимо чучел убитых хищников. Повсюду было мрачно, тени от освещения были длинными, распространяясь по залам, пересекая комнаты от начала и до конца. Вьющаяся лестница вела наверх, где располагался рабочий зал князя. Проводник постучал в дверь и вошёл. Гонец стоял в ожидании, обстановка напоминала логово злодея из сказок и легенд; сердцебиение участилось.

Дверь открылась, гонца впустили, дверь закрылась.

Мрак окутывал кабинет правителя. Факелы, пытающиеся развеять темноту, едва горели, прикованные клёпками к стенам. Разглядеть удавалось лишь очертания комодов и книг на полках. Стол, стоящий в глубине комнаты стерегли два рыцаря полностью закованных в латы, а за ним сидела тёмная фигура.

Гонец потянулся к сумке, достав свиток, он произнёс речь, однако голос его был не таким звонким, как на подготовительных занятиях, это место пугало:

— В три великих города высланы гонцы. В Могиль лежал мой путь, путь третьего гонца. Князю Василию от брата прибыло приглашение...

Перед гонцом послышалось шевеление, его последние слова, видимо, возымели особую важность. Он продолжил:

— Победа над Летрией — всеобъемлющий праздник, великий князь Святославе приглашает своего младшего брата, дабы вместе вкусить плоды успеха...

Гонец не заметил, но слушающий встал из-за стола, тихо пройдясь до маленького окна, больше походящего на щель в стене. Гонец замешкался, подняв взгляд, но тут же продолжил:

— Кивский правитель ждёт скорого и положительного ответа от брата с востока...

Человек у окна выпрямился, гонец затаил дыхание. Молчание повисло в воздухе. Гонец не осмелился даже пошевелиться. Скрытная фигура отошла от окна, медленно продвигаясь к гонцу. Лицо невозможно было разглядеть, этот человек молча прошёл к двери. Спокойно взяв свиток из рук посыльного, он прошёлся по нему глазами. На самом деле, гонец с трудом мог разглядеть письма в почти полной темноте. Но написанное было выучено ещё в столице, так что он был готов. Человек стоял совсем близко, однако разглядеть его было невозможно. Тишина стала невыносимой, она давила и сжимала нутро. Тёмная фигура оторвалась от чтения и подняла взгляд на гонца. Глаза человека отражали блеклый свет, и он разрезал тишину:

— Когда именно князь ожидает ответа?

Сложилось ощущение, что его вопрос был порождён этой гнетущей темнотой, словно это было не сказано, а лишь услышано. Гонец пришёл в себя и учтиво ответил:

— Князь не торопит, пированье назначено на две дюжины лун спустя победы над Летрией.

— И сколько лун уже прошло?

Неожиданный вопрос и вовсе выбил гонца из равновесия:

— Н-не, не более пяти...

Человек прошёл к своему столу, возложив свиток на его поверхность, он обратился к гонцу не поворачиваясь:

— Мой ответ ты получишь завтра, с восходом солнца. Дождись его в гостевой комнате.

Дверь открылась, будто ожидавшая этих слов, проводник позвал гонца. Они спустились по винтовой лестнице, минуя всё те же мрачные комнаты, тяжёлые комоды и чучела. Гонца привели в маленькую комнату, достаточно гнетущую, но, в её пользу, прибранную, здесь была одна особенность — на маленьком резном столике в вазе стояли полевые цветы. Здесь он и остался на ночь, которая почти не отличалась от дня.

В тёмном кабинете, князь снова и снова перечитывал рукопись, помеченную царской печатью. Лунный свет пробивался в щелевидное окно, тщетно пытаясь разогнать главенствующую здесь тьму. К читающему князю подошёл человек, до этого скрывающийся во тьме угла дальней стены:

— Стало быть, важное событие ожидается?

Князь вчитывался в строки, отвечая безучастно:

— Несравнимое ни с чем, видимо. — Он водил глазами по бумаге, совершенно не меняя выражения лица.

— Ваш брат собирает семью воедино. Хороший повод, для примирения и прощения старых обид.

Отвлечённое лицо князя не двинуло и мускулом. Он будто не слышал, о чём говорил человек позади. Молчание вновь повисло среди тёмных стен. Приблизённые князя привыкли к такому. Человек снова обратился к Василию:

— Это могло бы стать добрым поводом, чтобы покинуть стены Могилы, хотя бы ненадолго.

— Ты прав, — оборвал князь, — это приглашение принять стоит. Сколько времени займёт путь?

— Не сомневаюсь, что врата Кива мы увидим по прохождении пяти дней.

— Значит завтра выдвигаемся. Вандрий, предупреди людей. Завтра утром я обращусь к ним, а затем мы направимся к столице.

Советник благосклонно кивнул и направился за двери, исчезая во мраке замка.

Князь снова и снова перечитывал писание. Его взгляд не менялся. Ничто не нарушало тишину в комнате. Даже факела горели безмолвно, будто покорно соблюдая обет молчания.

Утро наступило не скоро. Гонец проснулся с ощущением горечи во рту. Вокруг всё так же стояли серые стены, тяжёлые бесцветные комоды; за окном виднелась чернеющая кисть умирающей ивы; единственным проблеском жизни были цветы. Он потёр свой кафтан, пытаясь хоть как-то сбросить серость Могильской пыли с дорогой ткани, что было тщетно. Чувствуя некоторую неловкость, он ходил от окна к кровати и обратно. Разглядывая каждый уголок своего пристанища, он заметил, что камни, были выстроены кладкой мастерской руки, между ними не было никаких изъянов или трещин. Всё сильнее погружаясь в отягощающую среду Могилы, он стал отмечать какую-то особенную красоту. Всё-таки, возвести такую громадную стену на болотистых местах, где каждый новый шаг может затянуть в пучину — это сила характера и воли.

Размышления прервал скрип двери. В комнату вошёл проводник, монотонно пригласив следовать за собой, он вышел для ожидания. Гонец накинул суму на плечо, вновь отряхнул

кафтан и вышел к проводнику. По знакомому пути они поднялись к тронному залу, где, несмотря на утро, было весьма приглушённое освещение. Гонiec осматривался, вконец убедившись: ничего кроме стен, комодов, чучел и стражей в доспехах здесь обнаружить не удастся.

Его провели через длинный коридор. Перейдя через несколько однотипных помещений, они подошли к каменной лестнице, ведущей высоко вверх, и, заканчивающейся открытым пьедесталом, с крышей из плотного сукна. Поднявшись, гонiec обратил внимание на солнце, которое пробилось сквозь плотную пелену чернеющего дыма. Он прищурился. Это место было сделано выступом, с которого, вероятнее всего, произносились речи. Голос отсюда точно слышался далеко в городе. Князь стоял спиной к гонцу, обращая взор куда-то вниз. Подойдя к краю, посланник обнаружил, что высота была крайне ощутимой, стена, окружающая город, была, пожалуй, пониже. Василий был одет в походные доспехи, со спины свисал плащ, а правая рука была возложена на рукоять меча, которая была выполнена в форме вытянутой ладони.

Гонца подтолкнули в спину, он обернулся, видя каменное лицо проводника. Тот указал взглядом в сторону князя:

— Подойдите к господину. — Отрезал проводник.

Посланник безвольно двинулся робкими шагами, направляясь к ограде на краю выступа. Поравнявшись с князем, он невольно положил руку на каменную стойку. В воздухе висела тишина, гонiec смотрел вперёд, не осмеливаясь повернуться к князю.

Василий совершил уверенный жест, положив руку на плечо гонцу. Тот оторопел. Ощувив сильную ладонь, он повернулся к князю, раскрыв для себя доселе невиданное зрелище: кривой нос, тонкие сжатые губы, глаза разного цвета и размера, и всё лицо, будто собранное из разных неподходящих кусков, — это не могло быть лицом князя, а скорее какого-то пещерного уродца.

Отталкивающий вид был настолько нетерпим, что у гонца подкосились ноги, но он сдержал необъяснимое ощущение страха и тошноты, отведя взгляд на нагрудник Василия.

— Взгляд отводить смеешь от князя? — обратился вельможа.

— Простите господин! — очнулся гонiec, подняв глаза, и снова встретившись с лицом, будто отражающимся в воде, взволнованной брошенным в неё камнем.

— Ты видишь этот лик впервые, а я уживаюсь с ним давно. Мои люди к нему привыкли, как считаешь, в столице его смогут принять?

Гонiec нервно закивал, совершенно неспособный поверить в реальность безобразного лица. Князь обернулся к долине, рассматривая пейзаж зеленеющих болот. Гонiec сделал тоже самое, в его голове мелькнула одна лишь мысль: «Лицо достойное этих мест.»

*** — дорога в Кив заняла не более пяти дней.

Глава 1. Встреча и разлука.

В ожидании прибытия братьев, Святослав лично прохаживался по широким дорогам своего драгоценного города. На осеннем солнце его лысый, широкий череп блестел, как зеркало. Усы покачивались в ритм шагов, а сильная рука, таящая мощь быка, осторожно сжимала маленькие пальцы Кильяна.

— Значит, — его голос был сравним с ударами барабана, — каждый уголок в Киве тебе знаком?

— Каждый, великий князь, каждый! — радостно отвечал ребёнок.

— И даже если в угол загонят, сможешь выбраться тайным ходом?

— Ещё как смогу! — несколько обиженно выдал Кильян.

— Так что ж, а давай проверю. Вот старый колодец у западной стены. Позади частокол, с краёв дома приземистые, куда ж ты денешься от западни?

Мальчик освободился от могучей ладони, рванул с места в сторону колодца и, обежав его несколько раз, исчез из виду.

Князь приподнял бровь. Его удивил такой хитрый маневр. Обойдя деревянную постройку, он стал осматриваться — нигде не было ходов или подкопов. Святослав выпрямился, поднеся руку ко лбу, прикрывая глаза от солнца, он осмотрелся вокруг: мальчика нигде не было.

— Юноша, я тебе поверил, не желаешь показаться?

— Я же говорил! — послышался голос сверху.

Кивский правитель посмотрел на крышу одного из домов, оттуда доносился звук. Кильян сидел у самого края. Довольный мальчик расплывался в гордой улыбке: — В этом городе меня в угол не загонишь!

Князь тоже улыбнулся, ему приходился по душе этот проворный и смелый уличный мальчонка. Он видел в нём человека стойкого, человека, который был бы полезен городу и государству. Несмотря на то, что Кильян работал на кухне, такие дети вынуждены были жить в приютах: сироты всегда были неудобным живым материалом, за их жизнь и обеспечение отвечали они сами, и этому мальчику такая роль удавалась.

К высокой фигуре князя, быстрым шагом двигался советник Илларион. Он торопился, как можно быстрее сообщить князю новость. Немедленно приблизившись к Святославу, советник склонил голову в знак уважения и обратился к правителю:

— Государь, спешу сообщить, что один из князей прибыл раньше ожидаемого. Ваш брат Василий ожидает в палатах.

— Василий прибыл? — С удивлением воскликнул князь. — Это важно. Что же, Кильян, пойдём обратно.

Мальчик скрылся из вида, спустя несколько мгновений он был уже на дороге, вновь удивив князя. Трое направились к царскому жилищу. Войдя в широкую прихожую с высокими потолками, они встретили княгиню Милену. Приятная на вид, она всегда уделяла внимание своим длинным русым волосам. Эта женщина была постарше самого князя, но выглядела опрятно и достойно, не уступая столичным модницам.

Князь обратился к Кильяну:

— Сходи же на кухню, да вели, чтобы отмыли твои пыльные волосы. Да оденут пусть в

новые ткани, достойный человек должен выглядеть достойно.

Мальчик кивнул, затем поклонился княгине и выбежал через дверь, зацепив Иллариона. Советник, сморщившись, отряхнул испачканный рукав, и выйдя вслед за мальчиком, благосклонно склонив перед этим голову.

Милена подошла к мужу, взяла его за руки и совершила тот же жест, что и советник. Князь приподнял лицо жены, нежным прикосновением к подбородку. Он улыбался. Княгиня тоже подогнула уголки рта, но после смущённо посмотрела на дверь.

— Что не так, моя княгиня?

— Ты снова путаешься этим ребёнком. — Её голос не скрывал раздражения.

— Неужели я не могу провести время в окружении кого-то, кто не даёт мне советов, в какой руке держать нож или как нынче не выгодно убивать врага, ломая его оружие, потому что мечи — ценный ресурс? — Князь был искренне возмущён.

— Если помнишь у тебя есть свой родной сын, а впечатление складывается, что дворняжка тебе, будто, дороже.

— Княгиня! — его голос обрёл грозный тон, — я помню своё дитя. Но скажи же, как часто мы ходили с ним в город без свиты и кареты?

— Он твой сын!

— Он — твоя кукла! — почти сорвавшись на крик, воскликнул князь, — ты сделала из Ростислава беспомощного ребёнка, осталось нарядить его в платье и сплести ему венок из одуванчиков!

Милена отпустила руки князя, решительно собираясь уйти. Святослав остановил её:

— Ты мать, и воспитываешь сына как считаешь правильным. Я в походах и часто не могу тебе помочь, но прошу, дай ему больше свободы. Освободи мальчика от навязчивых страхов и дай ему почувствовать самостоятельность.

— Ты прекрасно знаешь, почему я берегу своё дитя! Мы могли потерять его. Ростислав чуть не упал в котёл с кипящим бульоном, который ты поставил во дворе, когда праздновал ещё одну победу, так что не учи меня, как обращаться с сыном!

Она ушла через вторую дверь, ведущую в покои Ростислава. Князь хотел остановить супругу, но его решением было оставить всё как есть. Здесь, вдали от баталий и смерти, он часто так поступал: оставлял всё как есть.

Пройдя до входа в светлицу, где собирался совет, князь вошёл в просторное помещение. За большим каменным столом восседал его младший брат.

Услышав звук шагов, Василий повернулся к брату. Приподняв закрытое капюшоном лицо, он увидел высокого, крепкого мужчину с пышными усами и широкой грудью. Князь поднялся из-за стола, приветствуя главу государства стоя:

— Князь Кива. — Склонил покрытую капюшоном голову Василий.

Святослав наполнился чуждым ему ощущением неловкости. Переборов некоторую смущённость, он ответил:

— Я приветствую тебя, князь восточных земель, — Клин (таково было военное прозвище князя Кива) прошёл к трону, который располагался на возвышении, таким образом, что обзор открывался на всю залу. Князь расположился на своём месте. Вновь нависла пауза.

— Твой путь лежал через восточные уголья. Как обстоят дела в Могили?

Василий прошёл к изголовью трона, находясь ниже старшего брата, и отвечал не поднимая глаз:

— Стены надёжно сдерживают заключённых. Могиль — это крепость, и крепость неприступная.

— Я слышал, что стена высока, но её толщ заслуживает особого внимания, не так ли?

— Три метра закалённого гранитного камня, без щелей и полостей, истинная стена. — Василий говорил с ноткой гордости за особый порядок в городе, но голос его звучал отстранённым шёпотом в глухой зале.

Святослав нахмурился и обратился к брату как-то свысока:

— Почему мой брат скрывает лицо, говоря себе под нос?

Нелюбим приподнял глаза, не выдавая своего лица на свет, он продолжил:

— Капюшон — часть моих доспехов, великий князь. Сейчас я облачён в них, а значит и в капюшон.

Святослав стал нервничать, теряя непринуждённый вид, и переходя со спокойного тона на привычный громогласный бас:

— Я не на одеяния желаю смотреть, князь. Покажись же, будь любезен.

Василий вновь опустил голову, снова проговаривая еле слышно:

— Как полководец восточного войска, я имею право на ношение доспехов в виде таком, какой необходим по моему личному мнению.

— А я имею право посмотреть на брата! — В конец сорвавшись на гремющий тон, воскликнул князь, — мы не виделись четырнадцать лет, и теперь я вынужден терпеть ребяческие выходки? Сними эту тряпку с лица.

— Ты этого правда желаешь, князь?

— Да, я хочу смотреть своему брату в лицо!

— Что ж, смотри.

Взявшись за подол капюшона обеими руками, Василий медленно обнажил своё искажённое лицо, с отвращением и неодобрением глядя в глаза старшему брату.

Святослав расслабил напряжённую спину, его лицо смутилось, а глаза приобрели изумлённый вид. Князь с трудом вздохнул, совершенно неожиданным стало подобное появление брата спустя столько лет.

— Брат мой, неужели этот вид истин?

— Да, великий князь, ты видишь то, что видишь.

— Прости меня, — Святослав поднялся с трона и спустился к восточному правителю, пытаясь протянуть руку к лицу Василия, — я и знать не мог, что всё могло повернуться так.

Василий отодвинулся назад:

— Что же, теперь ты знаешь.

Могучий Святослав смутился ещё сильнее. Он совершенно не был готов ко встрече столь неприятной. Он надеялся встретить брата за музыкой и вином. Теперь же горечь чувствовалась без хмельного напитка.

— Неужели, это дело наших рук? — Растерянно спросил Клин.

— Эта правда разделена лишь на вас троих, великие правители Камнеземья.

— Духи предков, клянусь честью, я бы и в жизни подобного не пожелал. Юность сыграла с нами злую шутку. Потеря отца свела наши головы с ума, и это не произошло со зла.

— Хватит оправданий, Кивский правитель. Я служу государству и государю, и если такова была цена службы, значит я её выплатил.

Нахмурившись, Святослав остановился. Наступило новое молчание; среди горящих свеч

стояли две фигуры, так или иначе презирующие прошлые поступки. Дверь позади князей быстро открылась, Илларион ворвался к правителям, стремительно направляясь к братьям с вестями:

— Прошу прощения господа, позвольте известить вас о случае с князем Творимиром.

— Почему ты так запыхался? Отдышись и продолжай. — Ответил Святослав, отвлекшись от тяжёлого разговора.

— Великий князь, Ваша светлость. Вышеградский правитель... Князь Творимир, он был похищен.

Братья внимательно вслушались в слова советника, Илларион продолжил:

— Свита Волнореза и старый волхв Матвей у дворца, князя среди них нет.

— Как можно похитить князя?! — Вырвалось из глотки Святослава.

— Прошу вас, господа, волхв Матвей ждёт во дворе, он хочет лично поговорить с правителем.

Святослав устремился во двор, Василий проследовал за ним, надев капюшон. У ворот внутреннего двора, с опущенными лицами стояли проводники Волнореза. Среди прочих выделялся старый волхв, стоящий впереди и держащий посох, в его полный рост. В руке волхва была стеклянная ёмкость с голубой жидкостью внутри.

Князя немедленно направились к нему. Матвей опустил голову, приветствуя владык. Не ожидая бессмысленных вопросов, волхв сиюминутно вымолвил:

— Великие господа, — его голос был подавлен, — смею сообщить, что князь восточных земель был похищен. Три вечера назад мы обнаружили пустой шатёр. Часовые у входа были убиты, а после подвергнуты столбовому заговору.

Солдаты позади Матвея раскрыли тела двух сторожевых, которые не были похожи на мертвецов, они лежали на досках с открытыми глазами и здоровым цветом лиц, князя бы не сразу поняли, что эти люди мертвы.

— Кто это мог быть? — спросил Василий.

— Этот вопрос не покидал наши головы уже три дня. — Ответил Матвей.

— Куда его могли увезти? — произнёс Святослав.

— Мы наткнулись на след, идущий к северу, уходящий от Спиралесья к горе Аль-Арум, на нашу беду, на утро поиска сошёл осенний ливень, вот единственная деталь, найденная по пути (он указал на ёмкость). Это отвар лёгкого сна, — пояснил волхв. По капле в каждую ноздрю свалят с ног буйвола. Шпионы Танамского озера — мастера в изготовлении подобных снадобий. Если Великий Князь был похищен ими, то... Вероятно на пир стоит ожидать лишь его голову.

— Не говори чепухи, старик! — разразился громом Святослав. — Смогут ли твои люди указать дорогу к месту потери?

— Место, где след был утерян в полутора сутках от Кива.

— Значит, княжеский отряд выедет немедленно. — Окончательно постановил Клин.

С этими словами Святослав направился в свой арсенал. Придворные понимали, что наступило время собирать отряд, в подобной ситуации Илларион быстро находил необходимых людей и необходимое снаряжение.

Василий помчался за братом. В личной оружейной Святослава располагались трофеи с его бесчисленных походов, всевозможные щиты и доспехи, умело расколотые тяжёлым двуручным молотом Клина. Там же и находилось его походное облачение.

Начав поспешный сбор к уходу, Святослав был остановлен младшим братом, который

говорил без той ненависти, заставшей столичного правителя несколько ранее:

— Быть может, мой отряд последует на Север? В любом случае, конница болотных земель не знает усталости, и, попав под дождь, мы не собьёмся с грязевых дорог.

На секунду Святослав остановился, отойдя к стене, на которой располагались одинокие олени рога, служащие подставкой для изумительного меча, выкованного не менее пяти десятков лет назад, но сияющего от лучей солнца падающих на лезвие. Святослав снял оружие с рогов, обернувшись к Василию, он сказал:

— «Рубин мятежного сердца» — это клинок нашего отца.

Василий взглянул на меч и вновь перевёл взгляд на брата.

— Кондр оставил его мне, как правителю столичных земель. Я желаю, чтобы ты занял это место на ближайшее время.

— Такой чести я не достоин!

— Я — Кивский князь, мне виднее, кто достоин подобной чести. Брат мой, поиски Творимира должны лечь на мои плечи. Никоим образом я не считаю твоих коней недостойными. Однако походы всегда были частью моей жизни, и наш брат был утерян, направляясь по моему приглашению.

Василий не мог противиться воле старшего по годам и чину. Его дыхание участилось, становясь глубже. Братские руки вручили восточному князю меч предка. Рассеянный взгляд Василия плавал от рукоятки к лезвию, он смотрел на клинок не как на оружие, но как на символ, символ силы и власти.

Не теряя времени, Клин направился ко двору, уверенный в том, что его ожидает дружина. Его целеустремлённые шаги, будто поднимали ветер под ногами, а усы развивались языками пламени. Верные воины были готовы к походу. Водрузившись на коня, князь отдал приказ о временном правлении в его отсутствие. Подняв свой двуручный молот, который умело использовался им и одной рукой, Святослав озарил свой новый поход лучом уверенности. Он знал — брат будет возвращён, при печальном исходе — брат будет отмщён.

Преклонив голову перед супругой, князь направился из врат на север, сопровождаемый дружиной и тысячами взглядов в свою широкую спину. Маленький Кильян наблюдал за уходом великого полководца с крыши, молча прощаясь и желая удачи.

Василия провели в тронный зал, Анфиса и Илларион преподнесли обязанности нового главы, прилюдно обозначив младшего брата главным. Василий перенёс процесс совершенно безмолвно, его мысли витали далеко от земли, от нынешнего времени Нелюбим перенёсся во время ушедшее:

Последние дни жизни Кондра не были поглощены болотным смрадом. Его полумёртвый отряд был найден юным Василием на окраинах топей. К тому времени, направленный заговор старших братьев уже сделал своё дело — прекрасное княжеское лицо изменилось, обретя тот вид, который Василий носит по сей день. Скрываемый капюшоном, он был рядом с отцом в последнюю ночь:

— Сын мой, я покидаю этот мир. Харад спел мне прощальную песнь.

— Я рядом, отец.

— Ты, ты, — он тяжело дышал, находясь в крайней близости от смерти, — ты — моё наследие. Святослав, твой старший брат, он сильный. Пожалуй, это единственная черта, которая поможет ему в правлении над людьми. Нестор же, он, он умён. О, да, Нестор умный юноша, но его руки скорее годятся для перелистывания книжных страниц, нежели для ношения меча. У Творимира есть много достоинств, но среди недостатков он имеет глубокое

самолюбие, которое роднит его не с княжеским родом, а с павлинами в саду... Ты же совсем иной... Я хочу, хочу чтобы правление в Киве досталось именно тебе, мой сын.

— Отец?

— Выслушай. Твои братья поймут, в вас течёт одна кровь и бьётся одна жизнь, держитесь друг друга и правьте достойно.

Вытащив из-под тканей грамоту, с указом о передаче правления в столице своему младшему сыну, Кондр продолжил:

— Ты мой преемник, моё наследие, мой князь...

Под толщей капюшона послышались всхлипывания. Василий смотрел вниз, проливая слёзы сквозь темноту покрытого лица. Кондр держал грамоту из последних сил, протягивая свободную руку к младшему сыну. Василий обхватил предплечье отца, второй рукой он снял капюшон, так, что глаза Кондра расширились:

— Вот единство твоих сыновей отец, вот твоё наследие! Ты принимаешь меня, отец? Как сына? как наследника? Видишь ли во мне достойного правителя, отец?!

— Нет, нет... — едва выдавливал из себя Кондр, видя искажённое лицо сына почти вплотную прижатое к его собственному.

Под вопли Василия, великий единоправитель Камнеземья испустил дух. Василий побыл с отцом ещё какое-то время, сжимая грамоту одной рукой и прижимая голову отца к себе другой.

***

Эта грамота была в его руке и сейчас. Сегодня он занял место, дарованное отцом много лет назад. Он вспомнил гонца, присланного незадолго до отправления в столицу. Все будто забыли об этом важном элементе, которого в живых уж не было:

Обращаясь к горожанам, Василий держал руку на плече посланника. Закончив речь, он опустил взгляд, тяжёлый вздох сопровождал сильнейший бросок. Гонец воспарил над иными, подхваченный княжеской рукой. Его падение видели многие, так же как разможжённое тело на площади.

***

Сняв с головы капюшон, Василий сидел на троне, вглядываясь в закрытую дверь. Он не улыбался и не грустил, его безмолвное лицо не отражало никаких эмоций. Человек не должен иметь подобный вид, и уж тем более князь.

Проходя вдоль расщелиной дороги между скалами, Святослав не менял уверенной поступи, холодный северный ветерок подгонял правителя, не подозревавшего о приближающейся угрозе. Дойдя до середины ущелья, дружина услышала падение тяжёлых горных камней. Началось замешательство. Пытаясь выбраться, они направились вперёд. Однако огромный валун перекрыл свободный проход. Дружина оказалась в ловушке. Святослав оглядывался, видя, как его людей давят пласты горных пород. Подняв голову, он увидел людей на вершинах. Его разум был чистым, заглушаемые камнями крики не беспокоили грозного князя, лишь одна мысль не давала покоя правителю — кому же он доверил свой город? С этими мыслями, над Святославом возникла летящая плита, закрывшая ему солнце и жизнь.

До самого вечера, одиноким сычом просидел Василий в тронном зале. Спешащие Анфиса и Илларион несли весть об обвале на пути Святослава, которая не сильно изменила лица нового правителя. Увидевшие лицо Василия, советники ужаснулись, но князь встал с трона, сжимая в руке грамоту отца. Он обнажил «рубин мятежного сердца», провозглашая

себя новым владыкой Камнеземного края, не заметив, как северный ветерок подул в открытые двери.

Глава 2. Есть ли выбор?

Неподъёмная тяжесть собственного тела — вот что ощущал Творимир, приходя в сознание. Лишь один глаз его обожжённого лица получилось раскрыть, но этого было достаточно, чтобы разглядеть очаг синего пламени.

Он лежал на тряпичном настиле, прикрываемый тонкой простыней. В горле пересохло, а все движения, кроме как дыхание, были невозможны. Голова была свободна от мыслей, он словно выпался в собственной постели. Но князь понимал — это место — не Вышеград, а настил — не его перина.

Зорко рассматривая укромное убежище, он искал того, кто пришёл к нему на выручку. У входа виднелся силуэт, освещаемый солнцем и засим недосыгаемый для детального рассмотрения. Он снова попытался пошевелиться, но поражённые ткани напомнили о себе, отчего князь всхлипнул. Незнакомец обернулся и стал медленно продвигаться к похищенному Творимиру.

Дыхание князя участилось, он занервничал. Тонкая костлявая ладонь потянулась к его лицу, князь онемел. Незнакомец приложил пальцы ко лбу Волнореза, убеждаясь в отсутствии жара. Подняв с пола чашу, он поднёс её к губам пострадавшего; князь обратился с вопросом:

— Магическое зелье?

— Самое целебное из существующих, — ответил пронзительный и тихий голос, — пейте.

Князь отхлебнул, тут же воскликнув:

— Обычная вода!

— Эликсир жизни. Ни вы, ни я, никакая иная жизнь не могла бы возникнуть и быть без этого чудесного дара небес. Допивайте.

Творимир послушно осушил чашу. Ему полегчало. Сознание прояснялось, а с ним возвращались фрагменты последних событий. Похитители, тролль и клеймо! Он приспустил взгляд на свою грудь и увидел зияющую рану с ровными краями — эллеанская метка раба. Бывший правитель откинулся на постель, тяжело вздохнув. Переведя дух, он обратился к своему спасителю:

— Вы принесли меня сюда?

— Именно.

— Но зачем вам это нужно?

— Вы начали не с того вопроса, князь.

Творимир слегка приподнялся:

— Знаете кто я?

— И снова не тот вопрос.

— Что значит не тот? Ты один из них, да?

— Вы почти вплотную приблизились к верному вопросу, но всё же...

— Чёрт возьми (напряжение вызвало боль по всему телу), кто ты?!

— Что ж, теперь вы начинаете спрашивать правильно. Порядок получения ответов стоит иметь ввиду до того, как задан ряд вопросов.

— Значит, я могу узнать, с кем имею честь?

— Я спас вас. На пустынной дороге мне довелось обнаружить едва живое тело. С вами

беда приключилась, но не смертельная. Я — пастырь. Что спросите теперь?

Волнорез напрягся, ему удалось разглядеть внешность своего собеседника, повернутого к очагу. Значит это ему не померещилось: длинное одеяние, покрывающее всё тело, за исключением головы, черепа в кожаном мешке, если точнее. Точно различив пустые глазницы, Творимир спросил:

— Вы мертвы?

— Нет. — Сухо ответил спаситель.

— И я не мёртв?

— Вы тоже живы.

— Но как вы узнали, что я князь, неужели моё лицо не обезображено?

— И снова прозвучал достойный вопрос. Ответ таков: от пастыря трудно скрыть истину. Хотя, ваши похитители постарались. Боюсь, что теперь доказать кому-либо ваше происхождение будет затруднительно.

Творимир стал припоминать последние события одно за другим. Жгучая боль тающего лица, затем затишье, новая боль в груди от раскалённого металла, и самое главное... очищение...

— Почему вы помогли мне?

— Потому что вам это было нужно.

— Подаёте страждущим? — сострил Творимир.

— Глупый вопрос, князь. Вы нуждались в спасении. Вы его обрели. Не по собственной воле, но по знаку свыше.

Волнорез смотрел на пещерный потолок, улыбаясь:

— Вы — посланник божественной воли?

Ответа не последовало. Творимир, приложив усилия приподнялся. В пещере он был один, очаг более не горел завораживающим огнём, вместо него тлели синие угли. Творимир почувствовал достаточно сил, чтобы попытаться встать. Прилагая немалую волю, он сумел поднять своё изнеможённое тело, приняв сидячее положение. От входа в пещеру дул ветерок, приятно ласкающий его искажённое лицо. Спустя некоторое время, он смог подняться на ноги, неустойчиво держа равновесие. Прикрываясь простынями, он направился к выходу из убежища. Солнце ослепило его открытый глаз, но князь был рад его лучам. Привыкнув к свету, он увидел равнину Апар, расположенную в Кивских землях. Находясь на возвышенности, он рассмотрел опушку Спиралесья, с её лихо закрученными деревьями, в глаза попал незнакомый ему изгиб реки, и левее от просторов земель Святослава он увидел городок.

Вернувшись к своему ложу, князь обнаружил одежды. Они были простого покроя, узоров и вышивки не имея, они оказались очень удобными, как для надевания, так и для ношения. Прикрыв своё, жутко похудевшее тело, Творимир подобрал палку, нарочно оставленную у огня, и спустился по протоптанной тропинке к дороге.

Нельзя сказать, что князь был доволен тем, что остался в живых, о нет. Скорее наоборот, ему казалось, что утопиться в реке — пожалуй, лучший выбор. Но ноги несли его по пустой дороге, и он не сопротивлялся. В конце концов, его внешность ничего не значит, думал Творимир; стоит найти братьев, либо добраться до Вышеградских врат, как его тут же узнают. Эти мысли грели его расколотый разум.

«Значит, пастырь, — думал Волнорез, — кто же он был такой, почему же спас меня? И почему исчез?» — его голова была полна вопросов без должных пояснений. Подходя к

открытому подвесному мосту, он увидел чистую лужу, отражавшую дневной свет, а с тем и его внешний вид. Вглядываясь в зеркало природного происхождения, князь пришёл в ярость. Не желая признавать потерянную красоту, он ударил концом своей палки об отражение, которое взволновалось, но отразив гнев расходящимися брызгами, снова стало гладким, показывая всё то же изуродованное лицо.

Творимир фыркнул, недовольно зашагав по мосту. Стражников украшал герб, на котором изображалась рыба, с золотой чешуёй. Очевидно, что это был рыбацкий городок. Пойдя на площадь, где царил суёт, Творимир успел словить на себе несколько удивлённых взглядов. Стараясь не привлекать внимания, он прошёлся от солнца к тени, где обнаружил торговцев. Князь обратился к одному из горожан:

— Какое название носит сие поселение?

Немолодой мужчина, разделяющий рыбу, поспешно ответил, не поднимая головы:

— Парганот, град, стоящий на озере Кондра.

«Не может быть!» — подумал Творимир:

— Значит это озеро, именуемое в честь первого правителя Камнеземья?

— Именно так, — мужчина оглушал рыбу, ловко орудуя ножом, затем разворачивал своё орудие лезвием вниз, снимая чешую, — озеро Кондра, как вы и изволили сказать, господин. — Доброжелательно подняв глаза, мужчина застыл, выронив нож и начав нервно мычать.

— Что случилось? — спросил Творимир, сделав шаг к мужчине, но наскоро вспомнив своё искалеченное лицо, отступил, уйдя в сторону по улице прикрывая ожоги рукой.

Стараясь не попадаться людям на глаза, он свернул под мост. Находясь у канала, рассекающего город на два маленьких островка, разбитый усталостью, князь присел на траву, уронив палку куда-то в сторону. Он взялся обеими руками за лицо, с горечью к нему приходило осознание — более его не узнают. Никто. Ни братья, ни Вышеградские горожане. Его внешность отталкивает даже собственное отражение. Опустив взгляд на грудь, он увидел яркую метку.

— Мерзавцы, они всё продумали! — воскликнул Творимир.

— Вы зря бросаете свою опору. — Послышался голос из-за каменного настила.

Князь повернулся в сторону говорящего. Это было существо из пещеры. Оно протягивало длинную палку костлявой рукой. Князь принял дар обратно.

— Почему вы исчезли тогда?

Существо стояло неподвижно, прикрытое тело не двигалось, казалось оно и не дышало вовсе. Пастырь глядел пустыми глазницами, не проявляя эмоций.

— Потому что вы должны были преодолеть ту часть пути самостоятельно. Пастырь может дать вам опору, но не ноги.

— Почему же пастырь это делает? Даёт опору безногому? Вы видите меня? Судя по этим безжизненным впадинам вместо глаз, нет.

— Вы повторяетесь, восточный вельможа. Пастырь указывает заблудшим на дорогу. Вы явно сбиты со своей. Теперь вопрос появился у меня самого.

— Извольте, — князь относился к фантастическому существу, как к данности, принимая пастыря, словно это сосед по комнате.

— Какую именно дорогу вы выберете? — он указывал на расходящуюся тропинку. — Я понимаю, что ваш путь избирается самостоятельно, поэтому могу лишь предложить его продолжение.

Князь несколько вытянулся:

— Куда же поведёт каждый из них?

— Я ждал этого вопроса, князь. Та дорожка, что уходит направо извилистая, покрытая терновым кустом и ядовитым плющом тропа раскроет в вас жизнь, дарованную первым князем Камнеземья. Вы займёте своё место среди совета братьев, наставляя весь народ Камнеземья на путь истины: покалеченной, обожжённой, разбитой, но единственно достойной...

Творимир прищурил открытый глаз:

— А второй путь?

— Что же. В любом случае и левая тропа скалиста и непроста. Но она может послужить лишь продолжением вашей жизненной колеи. Вы не собьётесь, идя и по ней. Но мы оба знаем, куда поведёт эта дорога.

Князь обратил взор на пастыря. Собеседник, не имеющий глаз, словно, пронизывал до глубины души. Князь почувствовал, что это создание имеет очень много полезной информации под толщей костяного черепа. Тайны, которые нельзя обнародовать, более того, ему могли принадлежать знания, о которых не должны знать даже самые близкие. Осознавая, что скрывать ничего не выйдет, князь молча встал земли. Упираясь о палку, он подал знак, о принятии помощи, но после, стараясь изо всех сил, принял свой горделивый вид и прошёл мимо пастыря на левую тропу.

Существо проводило Волнореза пустым взглядом. Пастырю не дано менять мир, пастырь проводит черту, а пересекают эту черту лишь люди.

Князь шёл твёрдо, словно тело было в порядке, а дух не надломлен. Но у расходящихся троп он всё же остановился. Глядя на совершенно разные пути, он задал ещё один вопрос:

— А какой путь будет верным?

После короткой паузы, с надлежащим бездушием, пастырь ответил:

— Тот, который вы сами решите выбрать.

Князь не оборачивался, он понимал, что существо уже, скорее всего, ушло. Придав самому себе уверенности, он устремился по ранее выбранной дороге.

Рыбаки шумели, вытаскивая сети из вод озера Кондра. Пойманные осетры бессильно извивались, всё сильнее запутываясь в сетях. Парусники открыто и свободно ходили над глубинами озера, подгоняемые северным ветром. Этим же потоком обдувало спину Творимира, который сделал судьбоносный выбор.

Глава 3. Караван.

Блеклый свет пробивался сквозь полураскрытые ставни. В пространстве небольшой комнаты на одноместной кровати лежал юноша, разгоняющий потоки пыли дыханием трёхдневного запоя. Лексан не так часто выходил из этого состояния. Прибыв из Каргополя, гонец всё чаще гостил на дне бутылки. Ему не задавали лишних вопросов. Заслужив право на собственное место при царском дворе, он протягивал каждый новый день, который ничем не отличался от предыдущего. Всё потеряло былые краски: рассказы наставников о невероятных подвигах гонцов и правоте их дела остались далеко позади, ещё в той самой гончей школе. Сейчас реальность представляла собой один-два выезда в пригород с несрочным заданием, которое начиналось кубком вина, а заканчивалось бочонком медовухи.

Когда беспокойный сон всё же овладел его сознанием, в дверь постучали.

— Я не дома! — слышался пьяный отзыв.

Стук повторился, звучал он настойчивее.

— Я не дома! — отозвался Лексан, ещё глубже зарываясь в подушку.

На этот раз в дверь не стучали... её снесли с петель. Рухнув на пол рядом с кроватью, она неожиданно разбудила гонца. Его окосевший взгляд направился вниз. Не осознавая до конца, почему дверь не стоит во входном проёме, а находится тут, он посмотрел на место, где дверь висела обычно. Два огромных стражника, пугающе похожих на великанов, стояли позади молодой женщины, прикрывающей лицо платком. Это была советница князя По-видимому, запах грязных сапог, смешанный с трёхдневным перегаром и наглухо завешанными окнами был ей несколько не приятен.

— Для тебя есть поручение, будь любезен выйти ко двору, разговор продолжим там.

— Я уже говорил, — бормотал Лексан, отворачиваясь к стенке, поднося при этом к губам стальной кубок, — меня нет, — после этого он беспардонно стал отхлёбывать вино.

— Демонстрация затянулась, — нервно прошептала Анфиса.

Поняв суть слов советницы, громилы вошли в комнату. Один из них резко выдернул кубок из рук гонца, что выглядело как личная обида, на что Лексан резко вцепился в сосуд с выпивкой. Не плошая, второй стражник лёгким движением своей огромной руки взялся за шиворот его кафтана, подвесив гонца в воздухе. Лексан пытался дёргаться и изворачивался, как обезглавленная змея. Вскоре, осознав свою беспомощность, он просто расслабил мышцы и свис без сил, как трофейная охотничья туша. Второй стражник перекинул его через плечо, подвесив, словно мешок с картошкой, и все четверо направились к заднему двору.

Оказавшись в указанном месте, стражник сбросил юношу на землю.

Лексан был похож на побитую дворнягу. Его глаза расходились в разные стороны, чем-то напоминая рачи. Анфиса стояла в трёх шагах от Лексана, позади неё закрывали солнце двое стражников.

— Не в моих правах навязывать нравоучения, тем более, когда передо мной взрослый человек. Однако твоё несвоевременное пьянство не позволяет воспринимать тебя всерьёз. Пожалуй, отступлений достаточно. На данный момент при дворе нет посыльных дальнего следования. Вспоминая достойно выполненное в срок поручение по Каргополю, совет решил назначить тебе ещё один поход.

Лексан ощущал вибрации, исходящие из вне, подсознательно понимая, что с ним говорят, он пытался воспринимать речь, но увы...

— Ты слышишь? Ты понимаешь? — повысила тон советница.

Гонец кивнул.

— Вполне возможно, что путь будет особо длителен. Дорога может занять не месяцы, а сезоны. Посему, в твоё распоряжение будет дана грамота царского приближения, — она протянула гонцу свиток, стянутый золотой плетью, и скованный восковой печатью. — Береги её, данный документ действителен на всём протяжении Камнеземного края: от северных гор, до южных морей, предоставляя владельцу право на одну ночь в постоялом дворе, один прием блюд и так далее. Главное, что в одном заведении грамота действует единожды.

Словно великан, заваленный камнями, гонец стал подниматься на ноги. Приложив недюжинное усилие, он сумел совладать с тяжёлым телом. Вдохнув очень глубоко, он продвинулся к бумаге. Подойдя к советнице почти вплотную, он приложил усилие для выдоха, что вызвало струйную рвоту. Окотив землю перед почётными людьми, он вероломно попал на каждого из трёх.

— Это более чем достойный ответ, — прошептала Анфиса, поднеся к носу платок.

Один из громил толкнул гонца в грудь, с силой, достаточной, чтобы он снова оказался на земле. Лексан расстелился на пыльной площадке, злобно хихикая.

— На закате быть у конюшен, — говорила в нос советница, зажимая его платком, — если не о себе, так о животном хотя бы позаботься.

Вечерело, гонец приближался к хлеву, выглядя совершенно иначе. Его лицо было выбрито, волосы помыты, кафтан вычищен от грязи, а сапоги натёрты до блеска. Анфиса ожидала его у одноглазого коня, теперь без стражников. Ведя своей мягкой белой ручкой по мускулистой шее, она чувствовала тепло этого несломленного исполина.

— Жизнь не справедлива, — полушёпотом говорила советница, не оборачиваясь к приближающемуся гонцу, — я помню, каким был этот гнедой на скачках.

— Благодаря потере, он смог увидеть новые места, Каргополь, например...

— Все что-то теряют, приобретая иное взамен.

— Хотелось бы верить.

— Что же, теперь пришло время увидеть ещё одно новое место. — Она протянула гонцу грамоту.

Лексан вытянул руку, прикоснувшись к плотной бумаге, он дотронулся до пальцев Анфисы. Лёгкие мурашки пробежались по их спинам, после чего молодые люди отодвинулись друг от друга.

Стоит ли говорить, что среди серых кардиналов княжеского окружения, где каждый напоминает восковую куклу, стремящуюся занять место потеплее, да откусить более жирный кусок, найти существо чувствующее — большая редкость?

Опустив глаза, она развернулась и ушла. Лексан остался с грамотой в руках, наблюдая неуверенную поступь. Желание догнать девушку и прижать к себе усиливалось с каждым её шагом. Однако, разумом гонец обделён не был. Ясно осознавая невозможность столь противоречивого союза, он просто опустил бумагу в суму и, пригладив гриву гнедого, водрузился в седло.

Дорога из города была широкой, протоптанной. Сейчас в столице было много гостей, лишь одинокие путники и часовые появлялись по дороге следования. Конечно, в голове гонца таились мысли о близком общении, возможно тёплом и взаимном, но проникаться ими он не желал, ибо это могло стать слишком тяжелым грузом для дальней дороги.

Когда городские ворота исчезли из поля зрения гонца, он ослабил осанку и потянулся в седле. Вокруг было тихо, следуя указателю, он повернул влево и двинулся сужающейся дорогой. Вдыхая прохладный осенний воздух, он наслаждался; в его груди проросло поэтическое зерно: «Чудесно быть природы порождением...» подумал гонец и тут же отхлебнул из бутылки, которую заранее подготовил ещё в городе: «Чудесно...».

Достаточно быстро голова стала тяжёлой. Гонец не решился продолжать путь в непотребном состоянии и сошёл с седла, усевшись в траву. Продолжая заливать терпким напитком, он постепенно отрёкся от реальности, не заметив, что позади зашевелились кусты. Лексан не оборачивался, придавая своему занятию с большим интересом. Когда же бутылка почти опустела, прямо на спину посланника бросился маленький полевик:

— Поймал, поймал!

Едва не уронив ёмкость в траву, гонец поперхнулся:

— Гхм, гхм. Я так испугался!

— Не ожидал, не ожидал же?!

— (Намокшими глазами, обращаясь себе под нос) Чуть не пролил... — после чего он

вылил последние глотки в раскрытое горло.

Полевик нахмурился, не получив достойной реакции на свой маленький розыгрыш. Разжав худенькие ручки, он сполз по спине Лексана. Надувшийся от обиды, Лисик плюхнулся рядом с гонцом. Скрестив ручки перед собой, он отвернул лицо.

— Хорошо под небом Кивских земель, правда? — С упоением спросил Лексан.

Лисик фыркнул.

— И небо, как — будто голубее.

Полевик нахмурился сильнее.

— И трава зеленее.

Мальш задрал подбородок.

— И мёд здесь золотистее...

Казалось, полевик уже готов замолчать навеки, закрыть рот на засов, но нагло используемая слабость снова оказалась козырной картой в рукаве гонца. Не поворачиваясь, всё ещё пытаясь держать мину обиды, полевик нащупал горшочек левой рукой, завернул правую руку с ложкой за спину и зачерпнул угощение.

— Полегче? — спросил гонец, слыша достаточно громкое жевание.

— Пока не полегче. Ещё.

— Да, пожалуйста!

Лисик снова наполнил ложку мёдом.

— А теперь? Лучше?

Лисик расслабился, но не остановился:

— Наверное, нужно ещё.

— Конечно, конечно.

Третья ложка окончательно погубила театральную обиду, и полевик обернулся:

— Да.

— Что значит, да?

— И небо голубее, и трава зеленее, и мёд... А-а-а, как мёд?

— Золотистее.

— Верно-верно, золотис... А куда сейчас?

— А сейчас за горизонт.

— За что?

— Не за что, но куда. — Лексан повернул малыша лицом к себе и усадил его на свои колени. — Это путь далёкий. Знаешь, к ночи я окажусь на переправе, где нам придётся расстаться до моего возвращения.

— А как же я?

— А ты, мой друг, должен дожидаться.

— А ты мой друг? — надломленным голосом спросил полевик.

— Самый близкий, — тепло ответил Лексан.

— Самый близкий... Но оставишь меня тут?

— Я должен. Слишком далёкий путь окажется не по силу даже моему коню, а он вон какой большой и сильный, — продолжал Лексан указывая пальцем на гнедого.

— Я тоже сильный, — загорелся полевик, напрягая свою тонкую ручку.

— И правда, вон какие мускулы. Но дорога оговорена на одного человека.

— Так, а я же не человек, ну?

Лексан оценил активность полевика, но уверенно продолжал свою речь:

— Более того, вдали от родной земли тебе будет совсем не по себе. — Лексан говорил это не просто так. Дело в том, что в книге бестиарии камнеземного края, полевик — существо с крайне осёдлым образом жизни. Для них покинуть родное поле — это самый крайний случай, покинуть же родную область является поступком из рук вон. Сейчас же Лисик пытается уйти в края, совершенно не похожие на родные, такой поход может попросту закончиться гибелью.

— Значит до переправы? — спросил Лисик, нахмурившись.

— Да, до переправы, — ответил Лексан, снова протягивая горшочек.

— Ну, до переправы, значит до переправы. — На удивление задорно сказал полевик, зачёрпывая мёд с горкой.

Вечерело достаточно быстро. Привал затягивался, а значит времени на дорогу к переправе оставалось меньше. Юноша поднялся на ноги, отряхнулся, затем отряхнул Лисика. Перед тем, как влезть в седло, Лексан поднял на него полевика. Лисик уселся на подстеленное полотно, мягко втираясь в своё гнездо. Затем на коня забрался Лексан. Похлопав гнедого по шее, он подтянул узду. Рысью направились трое к переправе. Лисик подскакивал на насиженном месте на лад такта копыт. Лексан стал трезветь от ветерка, обдувающего его гладко выбритые щёки.

Привычным стали подобные выезды. Дело в том, что Лисик никуда не делся после близкого знакомства по пути в Каргополь. Напротив, маленькое создание стало, пожалуй, причиной того, что гонец не выпил последние капли собственной жизни. Теперь, каждое выездное задание сопровождалось высоким голосом и жизнерадостным смехом полевика. Видимо, Лексан не соврал, напомнив малышу, что тот его лучший друг.

Плеск и прохлада доносились от ночного течения реки. Здесь на переправе качались немые лодки, а в них располагались такие же немые капитаны. Сбавив ход, друзья добрались до побережья Пальенты вовремя.

Заметив на берегу будку с горящим светильником, Лексан направил вожжи к нему. Одиноким сычом сидел распределитель в будке. Хотя солнце закатилось за горизонт, очертания этого человека были вполне различимы — старый, весьма старый. Пожалуй это единственное, что могло охарактеризовать и его голос, и манеры, и характер поведения. Но, ещё одна деталь бросилась в глаза, когда он вышел из будки: внутри он не сидел, распределитель был горбат.

— До полуночи на плавь сойдёт лишь одна лодка, — слышался хриплый голос, — а потому, требуется доказательный документ.

Лексан, сошедший с коня, раскрыл суму и вынул свиток царского двора. Едва завидев золотую нить, обвивающую грамоту, он тут же взял уздечку в руку и повёл коня к стойлу, а пальцами другой руки подал знак следовать за собой. Гнедой стал нервничать, потому Лексан пригладил его, а паромщика попросил не подходить слева. Столь же безучастно переправщик перехватил узду в другую руку и повёл гнедого к стойлу.

Когда же все необходимые бумаги были заполнены, Лексан направился к полевику. Их прощание оказалось очень прозаичным. Переживая, что Лисик расстроится, гонец вручил ему мёд. Вложив горшочек в его маленькие ручки, юноша сказал:

— Неважно как долго мы не увидимся, от времени друзья не стираются из жизни.

— Да, да, — поспешно ответил Лисик, после чего подтянул горшочек к груди и стал поспешно уходить.

Удивлённый и возмущённый Лексан было окрикнул малыша, но сухая рука

распределителя одёрнула его.

— Плот собран, извольте на борт.

Повернувшись в другую сторону, гонец совсем потерял полевика из вида. Тьма затянулась над причалом, отчего видимость совершенно терялась, если над головой не горел факел. Лексан подумал, что расставание оказалось непосильным грузом для маленьких плеч; расстроившись, он проследовал к непримечательной лодке. На борту сидел лодочник, в его руках находились вёсла, концы которых были опущены в воду, а во рту дымилась прямая трубка.

Переправщик подал знак с помощью колокольчика, отчего лодка тут же тронулась. Видимо, переправщик спал или дремал, но по привычке пустил вёсла по реке. Лексан обернулся к берегу, где видел полевика в последний раз, и его разум овеяла грусть. Скорее он расстроился этой разлуке, нежели полевик.

Сплаваясь на другой берег, он ощутил истинную близость к Кивским берегам. Эта поездка отличалась от пути в Каргополь. Не только потому, что в ней не было кровавых событий с обвинениями в его адрес, но и оказалось достаточно времени, чтобы почувствовать тоску по родным землям.

Освещаемая луной, река изгибалась, где-то поднимался ветер, после чего гладь вновь становилась ровной. Тишина прерывалась гребками, которые походили на такт, будто создавалась незабываемая, характерная музыка.

Достаточно быстро они очутились на другом берегу. Переправщик помог гонцу вынести вещи, подняв шляпу в знак уважения, он прокашлялся и снова забрался в лодку. Когда же плот отплыл, и Лексан засобирался к приречному селению, в котором его ожидал ночлег, к берегу подплыла ещё одна лодка. Она располагалась метрах в пятнадцати от места высадки гонца, поэтому увидеть прибывших он не смог. Его озадачило появление неизвестных, ведь распределитель точно указал: «До полуночи отправится только одна лодка».

Опустив тревогу, он направился к посёлку, периодически оборачиваясь, чувствуя, что высадка другого пассажира затянулась. Невысокие ворота показались впереди, отчего гонцу стало легче. Он прибавил шаг, желая поскорее оказаться под крышей, однако остановившись у входа, он услышал кроткую поступь позади. Сошедший с лодки следовал за ним, такое не может оставить равнодушным. Лексан застыл; шаги прекратились. Сглотнув, он робко постучал. Часовой отворил засов, перед глазами тут же возникла грамота. Двери со скрипом открылись, гонец вошёл. Быстро пройдя к ближайшему дому, он спрятался за стену, даже не спросив о положении корчмы или постоянного двора. Он ждал. Ждал того, второго.

Снова послышался стук. Засов был вновь открыт. После некоторой паузы, двери снова закрипели. Тьма медленно разрезала хорошо освещённую площадь при входе. Лексан затаил дыхание, его страх и любопытство подступили к горлу, голова стала кружиться и подкосились колени. Когда в поле зрения едва появились очертания незнакомца, кто-то хлопнул гонца по плечу.

Лексан одёрнулся, сума выпала из рук. Его глаза широко раскрылись и сердце заколотило изо всех сил.

— Вы ожидаете кого-то, господин? — Чётко произнёс патрульный.

Лексан, едва опомнившись, сразу заглянул за угол, чтобы открыть завесу тайны и увидеть преследователя. Увы, времени, чтобы скрыться от ворот было более чем достаточно, и гонец обратился к солдату:

— Наверняка у вас в селении есть не только исполнительные вояки, но и путные

корчмари? — говорил он с иронией, подняв суму.

Не заметивший подвоха, патрульный гордо ответил, придавая словам оттенок некоего генерализма:

— Естественно! Пройдите-с прямо к трём факелам, затем-с, обернитесь на девяносто градусов, и ву а ля! — окончив напутствие, солдат кивнул на индюшачий манер.

«Неужто, вне столичных стен и впрямь живут одни лишь болваны?» — подумал гонец, направляясь к факелам.

Хотя три огонька горели во мраке ночи совсем неподалёку, прогулка до них казалась непомерной. Постоянное чувство слежки совершенно не покидало его мыслей. Практически переходя на бег, он добрался до заветного ночлега. Отдышавшись, гонец вошёл в здание, отличающееся от постоянных мест столицы. Сделанный из добротного сруба двухэтажный чертог был близок по описанию с запомнившимся «Сетями рыбака». Здесь же вывесок не наблюдалось, но на входной двери была приколочена потёртая табличка — «Прорубь».

Вполне приличное место для обычной деревенской ночлежки. Было видно, что хозяин трепетно относился к своему имени. Столы были чистыми, на них стояли кувшины с полевыми цветами, и в целом место совершенно не подходило по предназначению для солдатских попоек. Показав грамоту усатому корчмарю, Лексан был вежливо приглашён к столу. Во время приёма деревенской похлёбки, он заметил, что корчмарь просматривал какие-то бумаги, после нескольких минут одиночества, к нему присоединился мелкочинный офицер. Они оба вглядывались в пергамент, ведя пальцем сверху вниз. Что-то найдя, они переглянулись. Последующим оказалось, что они проверяли подлинность грамоты по перечню всеобъемлющей энциклопедии, и — таки нашли упоминание о конкретной бумаге.

Офицер лично поднёс к столу бокал вина, после чего, поклонившись, и, совершенно не навязываясь, ушёл.

Комнату Лексану предоставили наверху, это навеяло воспоминания...

Как и следовало ожидать — спалось плохо. Ворочаясь и перекатываясь с бока на бок, он мешал в голове воспоминания о Морвасе, прощание с Лисиком и самые тяжёлые мысли одолевали о втором переправленном через реку.

Утро накатывалось медленно, осеннее солнце не торопилось показаться в небе. Поэтому гонец решил выйти на воздух; возможно прогулка сделала бы голову полегче.

Совершенно другие края были раскинуты перед его взором. Невзирая на расположение вдали от больших городов, деревушка выглядела достойно. Это красивое, тихое место. На улочки стали выползать маленькие люди, скорее всего это были предприниматели (так в столице называют тех, кто владеет своим делом), на глаза попался и корчмарь — Лексан приветливо кивнул.

Обойдя несколько домов, юноша вышел к колодцу. Луна ещё гостила на небе, и Лексан решил взглянуть вниз. У самого края, он остановился. Почувствовав прохладу, исходящую со дна, он укутался в кафтан. Лексан вытянулся, привстав на носочки. Луна и правда отражалась в воде. Будучи повисшим в данном положении, он ощутил присутствие кого-то за спиной. Мурашки пробежались вдоль позвоночника. Гонец застыл, его охватил леденящий ужас: сейчас не придётся приложить усилий, чтобы сбросить его вниз. Отчётливо слыша шаги позади себя, он зажмурил глаза, готовясь встретиться с бездной колодца.

Кто-то кинулся ему на спину, кто-то... небольшой. Лексан резко развернулся на месте, сбросив нападавшего.

Оказавшись на земле, полевик захныкал:

— Ай, коленку расшиб!

Описать возмущение гонца не выйдет обычными словами, в то же время он испытывал облегчение, узнав своего преследователя.

— Не верю! Откуда и, и как?

— На лодке, как! — раскричался малыш.

Лексан поспешил на помощь, осмотрев коленку, он сказал:

— Ты и впрямь поранился, — его голос звучал тепло, — нужно обработать. Пойдём в мою комнату.

— Не пойду, не смогу. — Надулся Лисик, театрально выражая боль от глубокого ранения.

— Значит донесу, — сказал гонец и поднял малыша на руки.

Оказавшись в тёплом месте, Лисик расслабился и стал дрожать. Лексан поспешно укутал его в плед, и поднёс этот свёрток к маленькому камину. Малыш отогрелся и стал ждать медицинской помощи.

Опуская мягкое полотно в чашу с горячей водой, юноша улыбался. Он был рад такой короткой разлуке, и потому, совершенно не злился на полевика.

Лексан подошёл к камину. Он осторожно приложил компресс к ранке, отчего Лисик взбудоражился, будто укушенный змеёй.

— Тихо, спокойно, — утешил Лексан, — надо вымыть грязь из пореза.

Голос друга успокоил малыша. Они молчали, очаг похрустывал сгорающими поленьями и обстановка стала очень уютной. Когда процедура закончилась, Лексан отошёл к столу и заговорил уже оттуда:

— Я добрался на этот берег, по приказу царского двора. На переправе мне ясно дали понять, что более никто не отплывёт в ту ночь. Может ты объяснишь, как сумел переубедить их?

Лисик устроился поудобнее, но свежая травма мешала ему расслабиться; рассматривая танец костра, он надуто ответил:

— Ты знаешь про камни?

— Камни? — Лексан знал о камнях, а потому вопрос такого характера ввёл его в некое замешательство.

— Да, камни. Они разные бывают ещё.

— Конечно разные, валуны, например большие, щебень — наоборот, а из некоторых строят дома.

— Я про другие!

— Не совсем понимаю, может пояснишь?

— Ну вот! Ты же знаешь! — возмутился полевик и снял свой крохотный сапожок. Когда он потряс обувку, из неё выпали несколько блестящих самоцветов, — вот такие камни!

Лексан подошёл к камину и стал разглядывать драгоценности, но трогать их не стал.

— Эти камушки меня и раньше выручали.

(Неужели, так просто переправщики пошли на нарушение договора, увидев несколько блестяшек? Почему подобное толкает наш вид на недостойные поступки?)

— А ещё я сказал, что рожаю.

***

Неловкий ступор.

***

— А-а-а, — очень недоверительно заговорил Лексан, — но... они не заметили, что ты, как бы, мальчик?

— Не, — ответил малыш, глядя на искорки костра, — голос писклявый и волосы длинные. А под штаны они не заглядывали. И пузо я наел себе, во — смотри!

Тишина. Они просто смотрели друг на друга. В какой-то момент угол рта одного из них чуть поднялся вверх. За этим тут же последовал раскатистый смех.

Первые лучи солнца привели городок в движение. В дверь друзей постучались.

— Завтрак!

В открывшейся двери никого видно не было, служанка стала осматриваться. Вдруг послышался голос снизу:

— Спасибо! — две маленькие ручки потянулись к подносу.

Бедняжка откинулась назад, отчего опрокинула поднос прямо на голову полевика. Хватаясь за сердце, она никак не могла прийти в себя. Лисик попытожил:

— На чай ни гроша.

После этого дверь закрылась. Лисик шел к столу, на котором виднелся кувшин с водой, приличный след от яств тянулся сразу за ним. Гонец спал, поэтому малыш подставил стул и вкарабкался наверх. Рука ухватилась за край кувшина, но скользкие подошвы были коварны, и вот, спустя мгновение, он с грохотом полетел на пол, попутно держась за скатерть, от чего всё полетело за ним вниз.

Лексан подорвался с кровати. Сузив веки он увидел следующее: длинный шлейф грязи на полу от самой двери к столу который заканчивался крушением корабля!

Среди кучи побитых вещей лежал маленький полевик. Пока гонец вставал с кровати, Лисик принял сидячее положение, вся его голова была мокрой и грязной. Даже сапожок полевика висел на настенных рогах. Его взгляд был пусто уставлен вперед.

Потирая затылок, Лексан подошёл к месту бедствия. Лисик поднял глаза:

— Искупаешь?

— Искупаю.

— Только сам тут не убирай! Служанка сама.

— Думаешь, ей это понравится?

— Она пожелала приятного аппетита и сказала, что всё сама приберёт.

— Приятного аппетита? И где еда?

На правой коленке полевика лежал желток от яичницы:

— Приятного аппетита?

Они снова засмеялись. Пока Лексан отдираал засыхающий на теле полевика завтрак. Лисик смотрел в окно. Вид открывался на рынок. Мимо прилавков ходили покупатели, пышные румяные дамы заманивали людей купить выпечку и ткани. Сидя в тазу с тёплой водой, полевик спросил:

— А ты всегда хотел стать гонцом?

— Думаю, — Лексан натирал спину малыша губкой, — думаю, да.

— И больше никем?

— Думаю, да.

— Думаю-думаю, точно скажи! — Возмутился малыш.

— Может, в детстве и были мысли, но гонец — это моё призвание. В школе нас воспитали и выходили, родителей ведь я никогда не видел.

— А кем они были?

— Старшие рассказывали, что отец был человеком военного времени. А мать была совсем юной, ничем не известна была...

Лисик приуныл:

— Она, наверное, была красивой?

— Наверное, очень.

— Значит ты похож на неё!

— Спасибо! — Лексан отвечал глядя в зеркало и прихорашиваясь. — Думаю, ты прав. А какими были твои?

Лисик промолчал, Лексан догадался, что не следовало спрашивать подобное. Решив перевести тему разговора, он хотел разузнать про камни в сапожке, но Лисик ответил:

— Они были ужасные!

Лексан оторопел.

— Я младший, поэтому ко мне сносно относились. Но к Рарику... Его всё время ругали.

— Рарик?

— Старший брат мой. Всегда получал за нас двоих.

— Старшие должны вступаться за младших.

— Должны, и в тот день он тоже вступился за меня.

Лексан остановился, внимательно вслушиваясь в слова полевика. Дым затихающего очага стал извиваться. Сплетаясь в неповторимые узоры, он рисовал небольшое воспоминание:

«— Лисиик! Лисиик! Мать уже дала мне под зад! Если ты сейчас же не явишься, я надеру твой!

— Не надерёшь! Мать снова тебе навалает!

— Мелкий, хватит шарить по болотам, ты ж в трясину угодишь! — голос Рарика выдавал усталость.

— А ты зачем нужен? Не вытащишь?

— Ещё ногой на макушку давить стану, чтобы побыстрее затянуло!

— Ха, мать тебя рядышком потом и притопит!

Глаза Рарика поблекли ещё сильнее:

— В этом-то всё и дело...

Лисик высунулся из кустов камыша, отряхнулся и подбежал к брату. Ловким заворотом он оказался позади и запрыгнул к нему на плечи:

— Ты потяжелел.

— Я просто покушал!

— Съел другого полевика? Чего ты такой тяжёлый-то?

— Всё, всё, кони говорить не могут, сена дома получишь, коняшка, а теперь, но!»

Сплетения дымного рисунка стали ровнее, когда в дверь постучали. Друзья отвлеклись. В комнату вошёл офицер, он был взволнован. Позади него стоял солдат.

— Господин посланник, извиняюсь! До нас донесли, что в вашей комнате есть нечто!

Лисик успел накрыться полотенцем. Лексан ответил офицеру:

— Вы правы. Нечто — это разбитый завтрак, — он указывал пальцем к столу, — моя рассеянность, но уверяю, гувернантка обязалась прибрать сама.

Лисик прошептал из своего убежища: «Я наврал! Она ничего не обещала!».

Гонец искривился, ведь он лгал, более того, не стоило приводить незваных гостей без предупреждения.

Видя неловкий вид столичного гостя, офицер поправил осанку и сказал:

— Рассеянность прощительна, господин. Ведь вы с большой дороги и на неё же собираетесь снова?

— Ваше утверждение верно, — гонцу стало полегче.

— Что же. Беспорядок будет исправлен, а вам прибыло послание. Я распоряжусь о новом завтраке!

— Нет, что вы, уверяю. Я совершенно не голоден.

— Тогда, извольте. — Он прошёл к окну, положил на подоконник конверт, закреплённый печатью Великого Кива, возвращаясь, он заметил, что полотенце слишком заметно поднималось и опускалось. — Видимо, мало воздуха в помещении, господин.

После этого он поспешно удалился. Лексан смотрел на послание, а малыш молниеносно скинул с себя полотно:

— Я чуть не задохнулся! Чего он так долго не уходил?!

— Прости, Лисик. Думаю, он выручил нас.

— Думаю, думаю... Ты слишком много думаешь, — бормотал малыш, натягивая штанишки.

Лексан развернул конверт, нежный женский почерк оповещал его о следующем шаге (стоит отметить, что от пергамента доносился запах садовых цветов):

" О прибытии в приречный городок нам сообщил голубь, сей указ действителен на протяжении ближайших суток, затем его сила теряется, посему незамедлительно требуется направиться к месту отправления указанного в условии следования каравана.

Представитель княжеского двора А.М.»

Без сомнения, это послание было необходимым напутствием к действию. Ведь, Анфиса знала, что гонец портит отношение к себе, придворные это прекрасно видели. И теперь можно заслуженно задать вопрос — кто настоял на кандидатуре именно этого гонца? Но стоит отбросить потоки мысли, ведь Лексан прекрасно понимал возложенную на него ответственность.

У путников появилась новая задача. Хотя полевик и не был одарен ростом, пронести его мимо деревенских было проблематично. Лексан решил, что будет разумно спустить малыша из окна, но Лисик яро кричал, что боится высоты. Сложно сказать, фортуна ли, а может чья-то великодушная воля, но когда отчаяние вот-вот настигло гонца, в дверь вновь постучали.

Лисик спрятался, Лексан открыл. Перед входом никого не было, но прямо перед дверью стоял деревянный ящик. Гонец занёс предмет в комнату и разглядел его. Оказалось, что это была сколоченная клетка, сделанная так добротнo, что никакие любопытные глаза не увидят находящееся внутри.

Долгие уговоры дали плоды — Лисик забрался в новую обитель. Гонец спешно стал покидать корчму. На первом этаже он отдал ключ от комнаты и решил направиться к выходу. Корчмарь остановил торопящегося путника, сказав, что нужно расписаться о сдаче комнаты. Лексан поставил подпись и снова направился к двери, корчмарь опять остановил его:

— Кхм, кхм. А что находится, простите, в этом ящике?

Сердце гонца стало биться, как дятел о ствол дерева. Он застыл, как мышь перед глазами гремучей змеи.

— Господин гонец, клетка пуста? — корчмарь говорил заинтересованно.

Словно заколдованный, Лексан положил клетку на стойку. Он отошёл от неё, будто

собираясь рвануть через окно.

Корчмарь сильно возмутился:

— Вы хотите, чтобы я сам открыл?

Лексан молчал.

— Ну, что же, извольте. — Он осторожно стал оттягивать дверку.

Лексан стал трястись. Его нутро сжимали тысячи кожаных ремней, и то, что он был вынужден скрывать, было готово вот-вот раскрыться. Неожиданно, из клетки послышался почти собачий лай. Корчмарь откинулся, потом посмотрел на гонца, но решил всё же уточнить, кто издаёт столь неправдоподобный звук?

Когда клетка была почти отворена, рука корчмаря была остановлена офицером.

— Господин корчмарь, это не вежливо, обыскивать подарок!

— Подарок? Но, гонец...

— Никаких но! — радушно возмутился офицер, — это мой подарок гостю из столицы!

И клетка, и то, что внутри.

— Ну, раз уж всё так. — Корчмарь посмотрел на гонца, который сменил бледный окрас, на нормальный цвет кожи.

— Господин посол княжеской воли, — офицер прикрыл дверцу и протянул клетку гонцу, — надеемся, что вам понравилось у нас?

Лексан благодарно кивнул.

— Мы будем ждать вас снова, господин. Надеемся, что вы оцените этот жест.

Корчмарь подумал, что даровать гонцу зверушку — это не самый приятный и уместный жест, ведь ему придётся таскаться с собачкой по целому миру, но Лексан прекрасно понял о каком жесте идёт речь.

Повозка с друзьями была отправлена напрямиком к каравану. Лексан ехал спиной к подступающей дороге и разглядывал деревья и поля, скрывающиеся одно за другим. Когда колёса остановились, спереди послышалось:

— Господин, мы прибыли!

Лексан повернулся, и его глазам предстояло небывалое зрелище: слева — направо, от одного конца горизонта до другого, один за одним, заключённые в единую цепь, стояли исполинские существа — алифанты. Они были похожи на серых слонов, но очень и очень отличались своими великанскими размерами. Составляя высоту, которую могут воссоздать пятнадцать человек, встав друг другу на плечи, они были похожи на горные скалы. Крупные ноги стояли на земной тверди, казалось, что они могут протоптать её до самого ядра. Их бивни расходились надвое, осуществляя защитную функцию. На каждом звере был растянут шатёр, кончики которого украшали разноцветные флаги.

Напротив друзей развернулась подвесная лестница. Рядом с ней спустился канат, по которому сошёл юркий паренёк. Он был смуглым, со щетиной, как у старой обувной щётки.

— Грамоту, пожалуйста! — Обратился он к гонцу.

Лексан был приободрён видом исполинов и показал княжеский документ.

— Хорошо, — задорно сказал юноша, — ваши вещи со мной, а сами, пожалуйста, взбирайтесь по лестнице.

С этими словами он собрал все пожитки гонца в кучу. Невзирая на тяжесть, он бойко забрался по канату на спину животного.

Оказавшись наверху, гонец стал очевидцем бесподобной картины. За полосой нависающих облаков, перед смотрящим раскрывался мир созерцаемый глазами летающих

существ. Здесь на высоте ветер обтекает тебя, он шепчет тебе на ухо, словно правителю миров, шепчет своё благословение и откровение. Закрывая глаза, ты чувствуешь себя неодолимым, самым большим, единым со всем миром и единым над всем миром. В раскрытые веки заливается солнечный дождь, и взор озаряется горизонтом, который лежит здесь, под твоей пятой, он принадлежит только тебе.

Когда желание стоять на краю животного прошло, гонец оглянулся вокруг. Вид под ногами был великолепен, но и здесь, наверху, было чему подивиться. Так как они поднялись на головную часть транспорта, Лексану довелось узреть нечто необычное: в лобную часть головы животного были вбиты два кола, от них тянулись равномерно сплетённые канаты, которые соединялись с двумя кольями, так же пристроенными к задней части существа спереди. Меж тяжами была проложена досочная раскладка. Вся конструкция представляла собой подвесной мост, соединяющий звенья каравана. Лексан посчитал, что добровольно по такому переходу он бы точно не ступил.

Когда гонец перевёл взгляд на спину исполина, он был удивлён ничуть не меньше: мастерски сотканный шатёр из шёлковой ткани, цвета небесного заката, соединяющие конструкцию крепления из столетнего красного дерева, раскинутый туда-сюда противовес.

Сооружение касалось небес своими верхушками, которые, казалось, разрезали облака, как плуг, разделяющий гладь Камнеземных полей.

С нетерпением гонец последовал за встречающим. Внутри всё оказалось ещё более сказочно: прекрасно отделённые мягким занавесом отсеки, которые здесь назывались квартирами; в одном из них перед гонцом оказалось просторное помещение. На полу, то есть непосредственно на спине алифанта, были разбросаны подушки, расписанные бархатом, маленькие резные столики были украшены блюдами с фруктами и гроздьями винограда и цветами, также в глаза бросалась приметная ваза, от которой отходила длинная трубка, позже Лексану пояснили, что этот прибор называется кальян.

Пространство было достаточным, чтобы расположиться не одному. Наконец, Лисика можно было освободить из хранилища, в котором он находился так долго, что практически привык к сжимающим стенам. Когда Лексан прикоснулся к клетке, дверца аккуратно раскрылась.

Лисик выкатился на свободу, его тяжёлая одышка походила на признак недостаточности сердечной мышцы. Подняв глаза к своему освободителю, он воскликнул:

— Никогда, никогда-никогда, не нарушай законов!

— О чём ты говоришь, приятель? — Лексан поспешно отряхивал запыленную спину полевика.

— Если законы нарушать, в тюрьму угодишь! Я не знаю как в людских, но, но если она такая как эта! — развернувшись, полевик со всей силы пнул свою клетку, — ай!

— Тихо, спокойно. Не шуми, пожалуйста. Нас с тобой раскрыть не должны.

Полевик прикрыл рот ладонью, покачивая головой в знак согласия; через мгновение он снова пнул клетку, в этот раз, прислонив вторую ладонь ко рту, отчего визг прозвучал приглушённо.

Они стали располагаться. Приятные запахи доносились со всех сторон. Вот, кажется, слева за занавесом готовится мясной бульон, справа же ощущается запах тлеющих благовоний, в коридоре гуляет свежий воздух, который охватывает шатёр насквозь, гонимый мятежным ветром. И главное — ароматы не навязчивы, они не пытаются бороться за место в носу, все эти запахи сливаются воедино, они как крупички сложенные между собой в

прекрасную мозаику песчаного пляжа.

Стало вечереть. Лисик наелся фруктов, поднос был полностью опустошён. Теперь он спал на одной из подушек, накрывшись другой. Лексан сидел на стуле и смотрел в вырезанное в стене шатра окно. В коридоре послышался колокольчик. Лексан отодвинул занавес, перед ним предстал тот самый парень, встречавший Лекскана внизу.

— Господин, предлагаю вам выйти к смотровому мостику, караван скоро двинется.

— Неужели более никто не выйдет?

— Шатёр был подготовлен для вас лично, господин. Вы обнаружите мостик сразу справа при выходе из шатра. Позвольте откланяться. — Он приклонил голову и направился к выходу.

Лексан вернулся в квартиру, у него уже было занятие, не трудно догадаться, что гонец пил: со стола в корчме в его суму были вложены несколько заполненных бутылей.

— Нельзя оставлять дело не доделанным. — Шёпотом заключил Лексан и осушил сосуд.

Комната плыла, но разум был достаточно твёрд, чтобы ходить ровно. Тем более выход на свежий воздух стал бы отличным продолжением вечера. Более того, калейдоскоп запахов стал надоедать.

Оказавшись точно на мостике, он увидел тот же пейзаж, что и несколько часов назад. Но солнце уже закатилось, и вдали были видны маленькие огоньки Камнеземных деревень. Звёзды над ним были так близки, что гонец протянул руку, предполагая, что сумеет коснуться одной из них. Чудесный вид вдохновлял. Весь мир был у ног одного человека.

Откуда-то сверху послышался крик:

— Подняться над землёй.

Внезапно со всех сторон послышался шорох заплетающихся верёвочных лестниц. Всё происходило быстро.

— О готовности сообщить!

С мостика было видно всех семерых алифантов. Гигант, замыкающий колонну, подтянул хобот и взялся за хвостик зверя идущего впереди. Каждый алифант сделал то же самое. Они постепенно стали сливаться в единый механизм. После данных действий, стоящий во главе каравана алифант издал звук из хобота, походящий на военный рог.

Животные двинулись вперёд, толчок был ощутим, поэтому пришлось ухватиться за перила, дабы не грохнуться вниз. Но после первой раскочки тряски совершенно не было. По протоптанной колее караван направлялся вдоль неведомых пустынных земель. Ощущения пассажира этого чудесного транспорта невозможно передать, их можно лишь прочувствовать.

Лексан долго стоял на мостике, восхищаясь величием подобного зрелища. Ветерок обдувал его мягкие выбритые скулы. Он дышал полной грудью. Это привело к частичному отрезвлению.

Оставлять свои бутылки в одиночестве было неприемлемой инициативой. В комнате было темно, Лексан зажёл настенный светильник. Лисик спал, сума была раскрыта, и горлышко бутылки манило своего хозяина, выглядывая исподлобья. На какое-то время гонец задержался на бархатной подушке, снова доведя себя до хмеля.

Прибывая в занимательном состоянии, сидеть в полупустой квартире совсем не хотелось. Вдруг он задался вопросом: а почему шатёр полностью предоставлен исключительно ему? Любопытство — это такая потребность, которую необходимо утолить,

поэтому он двинулся к выходу, чтобы получить ответ от паренька, что взбирался на спину животного, как обезьяна по лиане. Бутыль была взята с собой, как обязательный спутник.

Оказавшись перед подвесной лестницей, гонец остановился. Конструкция была внушительной, но высота над которой был проложен сей путь казалась бездонной. Сделав ещё один плоток, для храбрости, он ступил на мост. Невероятно оказалось то, что закреплена эта конструкция была понадёжнее, чем мосты над пропастями Камнеземных гор. По бокам были натянуты канаты для хватки руками, но в них совершенно не было нужды. Лексан шёл ровно, несмотря на опьянение. Алифанты шагали умеренно, могло показаться, что они и вовсе стоят на месте.

Путь был преодолён. Луна на небесах уже вошла в зенит и освещала своим холодным лицом землю вокруг. Над входом в шатёр висели два светильника. Охраны видно не было. Уверенной поступью, гонец вошёл внутрь. Это место отличалось от чудесной обители посла княжеской воли: единственный стол стоял с одной стороны комнаты, а в глубине шатра с другой стороны была возведена большая клетка, в таких обычно перевозят диких зверей. За столом сидели трое стражей. Кто-то спал, опершись о спинку стула, кто-то на сложенных на столе руках.

Лексану не хотелось будить стражей, было очевидно, что они здесь не просто так, и увидеть незваного гостя в их планы точно не входило. Поэтому он стал проходить мимо стола, обходя стражей на цыпочках. В клетке послышалось ритмичное дыхание, которое перешло в тихое пение:

— Над землёю стоит весенний туман,
Этот гость не прошен, этот гость не зван.
И мальчик видит в той синеве
Яблоки сочные на старом древе.
Дитя смотрит смело на плод за забором,
О сочности яблок он мечется спором;
Но не древо одно за забором сокрыто:
Там пылает изба, в ней хозяин двора.
Смотри на то, как растенья цветут.
Пусть огонь не тревожит сердце твоё.
Пока твои недруги сплетни плетут,
Ты окрепнешь, как зверь, и сожрёшь вороньё...

Гонец остановился, он заслушался, низкий голос и тихий ритм заманивал. В глубине комнаты, в глубине клетки сидел один единственный заключённый.

Вовсе не хотелось, чтобы кто-то увидел пассажира, болтающегося по коридорам без присмотра. Конечно, шанс того, что кто-то поверит заточённому крайне мал, но всё же рисковать не хотелось. Остановившись и убедившись, что узник не движется, Лексан осторожно направился к выходу. Из глубины клетки послышался разоблачающий кашель.

— Кхе, кхе. Если смотреть на человека так долго, появляется необходимость поздороваться.

Лексан остановился, ощущая дрожь. Через силу ему удалось повернуться в сторону говорившего.

— Не вежливо молчать, когда к вам обращаются.
— П-приветствую вас.
— Вы очень любезны. Подозреваю, что вы спешите?

Безрассудство и разоблачение привели Лексана в себя. Он пожелал тут же броситься к выходу, но, поддавшись завязываемому разговору, остался, тем более — речь узника была рассудительной, а стражники возражений не изъявили.

Беседа проходила полушёпотом, Лексан несколько расслабился:

— Спешка, видимо, ни к чему?

— Раз уж я оказался свидетелем вашего пути, то ни к чему.

Лексан полностью повернулся к клетке. Человек во тьме зашевелился и медленно встал во весь рост.

— Мы не знакомы, полагаю?

— Вас, к сожалению, не видно, поэтому судить поспешно.

— Молодой человек, вы, несомненно, правы. — После этой фразы заключённый направился к своему собеседнику. В свете факелов показалось лицо и тело. Человек, который стоял перед Лексаном полностью отличался от того, кто говорил с ним. Сложилось впечатление, что с гонцом говорил не этот бездомный: борода, разросшиеся волосы, грязные тряпки, прикрывающие худощавое тело. Это не мог быть человек, обладающий светским слогом. Однако размышления были прерваны следующим:

— Удивлены, полагаю?

Гонец действительно был удивлён. Без сомнения, всё это время с ним говорил именно этот человек.

— Не могу подобрать слов, если честно.

— Кажется, вы ожидали другого зрелища?

— Не думаю, но...

— А чего можно было ждать? Я узник, нахожусь здесь давно, в клетке есть сено и немного грязи, считаете, вы бы выглядели по-другому? — его голос стал твёрже и громче.

— Я не пытался вас оскорбить. — Лексан неожиданно понял: «Я оправдываюсь перед заключённым».

— Прошу простить мой порыв. — Узник приложил ладонь к груди и поклонился в лад придворного гостя. — Видите ли, тюрьма накладывает некий отпечаток. Никоим образом я не желал задеть ваше самолюбие, мне приятна компания человека, не рыгающего после каждого слова.

Лексан улыбнулся, ему нравилось общество тактичного господина.

— Лексан, посол княжеской воли, гонец Великого Кива и самого правителя. — Раскрыть свою личность, на тот момент, не казалось чем-то не правильным.

— Приятно познакомиться с таким важным гражданином. — Он снова поклонился, ещё ниже и изящнее. — Моё имя Бриннэйн, и похвалиться я могу лишь наличием личной, хотя и сомнительной, охраны. — Он указывал ладонью на храпящих стражей.

Приятный голос и обаяние вызвали новую улыбку на лице гонца:

— Откуда же вы прибыли и куда направляетесь?

— Мой путь достаточно длинный, чтобы совершенно позабыть, что именно происходит вокруг.

Лексан понял, что собеседник лукавит, кажется, новый знакомый и сам этого не скрывал.

— Видимо, у гонца княжеской воли есть особое назначение?

— Вы правы, я думаю, у каждого из нас оно особое.

— У меня точно, — Бриннэйн постучал по решётке.

Раздался негромкий смех.

— Я бы пригласил вас в свою обитель, но, видите ли, здесь не так много места, а мои собственные ключи совсем куда-то задевались. Пожалуй, единственный способ продолжить беседу — это присесть. — Он протянул сквозь решётку кусок ткани, который был на порядок чище его собственной одежды. Лексан постелился и присел в опасной близости к узнику. Пленник сделал тоже самое.

— Видимо, вы открыто доверяете незнакомому заключённому?

— Не вижу проблему, а вы?

— Я вполне могу протянуть к вам руки, взять вас в плен, в конце концов нанести непоправимую рану.

— Можете. Но кто сказал, что в этом случае, я не среагирую в ответ?

— Считаете, что успеете меня остановить?

— Считаю, что вы не хотите проблем.

— Проблем?

— Я представился послом княжеской воли, вы оценили мои одежды, манеры и свободу передвижения, в любом случае, стражи вряд ли встанут на вашу сторону.

— Вы удивили меня. Но, не кажется ли вам, — он придвинул лицо к решётке, — что мне плевать на них? А что, если я абсолютный психопат, убивающий людей этими руками? — Он поднял ладони перед своим лицом.

Лексан осторожно оттянулся назад, ведь только сейчас ему пришло осознание — узник действительно может быть опасен, крайне опасен.

Бриннэйн отодвинулся от решётки и ухмыльнулся:

— Юноша, вы считаете, что проявив любезность, я стану вести себя как дикарь?

— Тюрьма накладывает отпечаток, ваши слова.

— Верно. Но за её пределами я провёл куда больше времени, чем в её чертогах.

Лексан не осмеливался что-то говорить, ему казалось, что уже было сказано много лишнего.

— Что же, оставим карьеру, есть ли у вас занятия вне гончей службы? Естественно, кроме алкоголя.

«Учуял» — тут же заключил гонец.

— Учуял, — повторил мысль вслух узник.

— Я думаю, моя работа и есть главное увлечение. Я вижу мир с другой стороны, когда двигаюсь через столь длинные пути.

— И он вам нравится?

— В целом наш мир прекрасен.

— Через дыру в стене шатра я увидел мир во всём его величии. Лучше бы её зашили.

— Вас не устраивает происходящее?

— Находясь здесь, я не могу на что-то жаловаться.

Возможно алкоголь, а может личные мотивы, но Лексан несколько возбудился:

— А как же свобода?

— Свобода? И в чём же её смысл? Я могу позволить себе полежать на спине или, о чудо, на животе, разве же это не она?

— Вы рассуждаете о свободе с точки зрения птицы в клетке.

— Птица в клетке? Но я уверен в завтрашнем дне.

— Каким же образом?

— Я уверен, что меня, без сомнения, покормят, и, в отличие от «вольной птицы», точно не сожрут.

Лексан уловил смысл метафоры. Ему стало казаться, что голоса звучат слишком громко:

— Ваши спутники не будут возмущены незваному гостю?

— Будьте уверены, им это не понравится.

После короткой паузы, узник постучал кончиком пальца по решётке, а потом небрежно бросил фразу: «Хорошая работа». После этого он потёр ладони и встал.

— Как бы то ни было, чего вы — не птица в клетке, можете предложить такому, как я?

Лексан, будто ожидавший подобного вопроса, протянул бутылку.

— Неплохо, — прищурился узник и взял подарок, — не побрезгуете?

— Надеюсь, что вы сами не побрезгуете.

Узник вытянул пробку, покрутил бутылку, держась за горлышко, затем он прикрыл глаза и вдохнул благородный запах напитка — лицо Бриннэйна разгладилось, эмоции выдавали воспоминания, он улыбнулся и молча отхлебнул.

— Честное слово, — он разглядывал бутылку, — душа винограда теперь течёт в моих сосудах. Юноша, каким бы ни был ваш порыв, он благороден. Позвольте заметить, это суждение дал мне отец, полезнее его не припомню ничего: «Юноша, запомни: никогда не оборачивайся назад, когда идёшь дорогой славы».

Лексан нахмурился, его вид стал серьёзен. Почему-то в голове вспомнился старый стражник — Морвас. Бриннэйн протёр горлышко, протянул бутылку гонцу и приклонил голову:

— Поспешите, молодой человек, время быстротечно, а вы, кажется, торопились.

— Вы правы, мне стоит спешить. Я предполагаю, что этот разговор останется сегодня и здесь?

— Вы подарили мне чудесное общество, не менее достойный напиток. Было бы совершенно не вежливо, поступить как стукач.

Заключённый направился к дальней стене, Лексан окликнул его, желая вернуть ткань. Но Бриннэйн прошептал еле слышно: «А это мой вам подарок».

Стражники стали ворочаться, и гонец поспешил удалиться в свой шатёр. Только оказавшись в комнате с Лисиком, гонец смог отдышаться. Лишь тут он увидел, что красная шёлковая ткань имела на себе вышитый герб — это был щит, с двумя ветвями, оплетающими меч, с золотой рукоятью. Такой знакомый рисунок. Это был символ чего-то важного, недаром он находился в руках заключённого с повадками вельможи.

Через окно проглядывал лунный свет, звёздное небо не пряталось за облаками. Лексан уснул, ничто его не тревожило: приятный разговор действовал как снотворное, действующее до тех пор, пока не наступило утро. Жуткий, громкий, пронзительный кашель разносился на весь шатёр. Лексан подорвался с места. Лисик катался по полу и давился воздухом. Рядом с ним лежала трубка от кальяна. Видимо, полевик решил воспользоваться притягательным предметом, и теперь раскаивался за своё любопытство.

«Ещё одно не скучное утро» — заключил гонец и поспешно направился к другу, готовясь вновь помочь непутёвому компаньону.

Глава 4. Ирония.

Время шло, а в столице оно, казалось, мчалось. Тяготы правления легли на плечи Нелюбима, словно огромный валун. Могиль — это его мир, в Киве — граде было всегда тихо, он правил стадом, где никто не повышал голоса, а порой и вовсе не раскрывал рта. Кив

представился совершенно иначе. Здесь бушевали людские нравы, не выходящие за берега: злобные торгаши требовали снизить налог на продажи, военачальники просили прибавки к жалованию, представители других государств просились на личный приём, и каждый, абсолютно каждый, чего-то хотел. Эти люди находились в постоянном прощении, им не нужно думать самим — для них есть правитель, который должен решить их проблемы лично и, желательно, сиюсекундно.

Печально то, что исчезновение истинного столичного правителя не потревожило страждущих, во всяком случае, их горе оказалось не сильно. Василий же был погружён в раздумья. Бальзамом для души стали Илларион и Анфиса, эти люди бескорыстно выполняли свою работу, чаще беря на себя больше забот, чем предполагала присяга.

— Вы не покидаете чертогов собственных мыслей. — Заметил Илларион.

Василий сидел выше советников. Его подбородок упирался в кулак. Он не слышал ничего происходящего вокруг. Люди подле трона стали подозревать, не сошёл ли новый владыка с ума — два брата, две потери, и никто не стал припоминать о «Князе отхожих мест».

Повседневные заботы не вызывали отклика в сердце владыки. Каждый день его приглашали на совет, и каждый день за него являлись советники. Такое поведение не оставалось незамеченным. Среди представителей совета был тот, кому больше остальных показалось недопустимым, столь пренебрежительное отношение. Мегандер Кроллим вёл себя спокойно, призывая все силы души, он делал вид нетерпимого сноба, которому совершенно не интересна политика столицы:

— Любопытно (глядя в окно), деревья почти полностью сбросили шубы листвы, а новое правительство так и не появилось. Возможно оно расцветёт с весенними побегами.

Советники высокомерно захихикали.

— Предлагаю начать, — озвучил Мегандер.

— Но советники ещё не прибыли, — осторожно возразил старейшина Солан.

— Не проявляя уважения к нам, они сами вызвали подобное расположение. — Повысил тон Мегандер. — Никто не поспорит, что с советом необходимо считаться. Повторно предлагаю — начать!

— Итак, собрание советников Великого Кива официально начато. — Заключил один из присутствующих.

— Так скоро? — отрезал Илларион, ворвавшийся в залу. Он встал во главе стола, где уже крутился Кроллим. — Извольте, господа, начинать. — Он сказал это в затылок советника Кивской знати, тот поморщился. Но секундная слабость сменилась привычной миной безучастия, и Кроллим проследовал к своему месту. — Прошу извинить меня за опоздание, и отсутствие князя Василия. У владыки имеются государственные дела не терпящие отлагания.

— Не новость! — фыркнул под нос Мегандер, но советники подле него прекрасно это слышали.

— Итак, уважаемые советники, на сегодняшний день у нас есть ряд вопросов для обсуждения. Если вы не возражаете, я бы хотел начать с насущного. — Приступил Илларион.

— Можно послушать. — Промолвил Солан.

— К сожалению для каждого из нас, известий о судьбе князя Святослава не предоставлено. Разведывательные отряды прочёсывают пути следования, но, к великой печали, безуспешно. Князь Василий прилагает все усилия для продолжения поисков, однако

сейчас мы не имеем возможности дать каких-либо гарантий. По сему, имеет место просить помощи у уважаемого Пирина в предоставлении ещё одного отряда воинов.

— Ещё одного? — Недовольно переспросил начальник казарм.

— Именно так. — Спокойно и рассудительно ответил Илларион.

— Я итак жертвую своих людей на ваши нужды. Подчеркну — безвозмездно.

— Поиски нашего правителя требуют больше усилий, и вы, как один из приближённых государя, можете помочь отчизне.

— Эта помощь не окупается. Будто в море камни бросать — не наедается оно.

Илларион нахмурился:

— Это можно расценивать, как отказ?

Пирин смутился, нервно поправляя воротник, он ответил:

— Сейчас есть сложно с рекрутами. Тяжело будет выделить полноценный отряд. Но я постараюсь.

— И это не останется забытым. Княжеский двор ценит своих друзей. Лично благодарю вас за оказание поддержки. Далее хочется заметить достойный урожай зерна.

— Или же достойный урожай князей. — Вполголоса промолвил Кроллим.

Напряжение стало усиливаться. Мегандер был не доволен, а Илларион чувствовал, что люди, сидящие за столом чем-то озадачены. Княжеский советник посчитал не нужным давить на уважаемого в этих стенах Кроллима. Он сложил пальцы в замок и обратился к господину Кроллиму непосредственно:

— Если вас что-то тревожит, княжеский взор обратится и на вас. Не стоит утаивать своих мнений, господин Кроллим.

— Княжеский взор обращается лишь к его собственным ногам. — Он говорил громко. — Не я один считаю этого господина правителем не этих земель.

За столом послышался гул. Илларион прекрасно понимал, эти пчёлы готовы покинуть улей, их жало беспощадно настигнет неугодных, и сейчас неугоден был Василий. Конечно, его поведение не совершенно, ему привычен серый смрад Могилы, однако князь Святослав оставил правление в его руках — и это было неоспоримо.

— Ваше мнение важно, — советник был тактичен, — однако ни я, ни вы не имеем права сомневаться в правильности решений действующей власти.

— Мы этого решения не застали. — Мегандер сказал то, чего Илларион боялся с момента вступления Василия в должность.

Дело в том, что скорый уход Святослава был политически не удачен для нового правителя. Официального объявления Нелюбима князем не произошло, маленький жест в маленькой комнате не доказывает статуса. И меч в его руках — был лишь оружием из прошлого. Всё это стало козырем в рукаве змеи, сидящей за столом совета.

— Здесь, в столице, никто не сомневается в принадлежности Василия к княжескому роду, поэтому, считаю, вы согласитесь, он имеет полное право на свой пост.

— Как мило, может быть следующим шагом будет становление правителем женщины? — Мегандер акцентировал внимание на последней части своей реплики.

Среди сидящих послышался смех. Иллариону были ясны мотивы Кроллима.

— Ваш князь — гость в нашем городе. А гостить не следует слишком долго, он задержался, не считаете? Как же его родная Могиль и узники? Неужели его глаза не болят от отсутствия повешенных и копоты на их ногах?

— Я готов потерпеть! — внезапно Василий появился в дверях.

Кроллим сузил веки, его мерзкое лицо стало ещё противнее:

— Какая милость на наши головы!

— Присядьте, господин, ваша челюсть, пожалуй, устала от длинных речей. — Василий был серьёзен, отсутствие капюшона смущало сидящих. Мегандер принял снисходительный вид и сел на место, презрительно глядя перед собой.

— Вы оказали нам честь, князь. — Сказал старейшина Солан. Все остальные приклонили головы. — Надеемся, ваше присутствие будет более частым, нежели раньше.

— Господа советники, я не могу более испытывать ваше терпение. Уважаемый Мегандер прав — это не мой город, но и желания оставаться здесь я не излагал. Это не пожелание, а приказ вашего главы, и каждый должен проявить к нему уважение.

Все молча слушали.

— Я не привык к публичным выступлениям. Каждому в этих стенах знакомо моё имя, — он пристально вглядывался в глаза сидящих, — и я не говорю о наречении при рождении.

Люди за столом взволновались.

— Теперь и лик мой более не тайна для вас. Я открыт вам, господа, примите это как знак полного доверия. Жизнь столицы не может занять мой разум больше, чем жизнь братьев. Вот почему эти советы не нуждались во мне, ибо у города есть вы.

Пирин, взволнованный и воодушевлённый речью встал со стула, приложил правый кулак к сердцу и, едва сдерживая эмоции, громко крикнул:

— Братьям поклон!

Сидящий напротив, смотритель конюшен, тут же подхватил инициативу и повторил действие:

— Врагам почтение моё!

Все остальные встали, приложив кулаки к груди. Даже Мегандер засучил длинный рукав, и попытался убрать с лица свою гримасу. Хор слился воедино, что даже содрогнулись стены:

— Собрав зерно, точи копьё!

Наполненные решимостью, все уважаемы господа удалились восвояси. Василий и Илларион же остались в палате советов. Впервые Василий проявил инициативу, видимо, он осознал в полной мере — пришло время принять судьбу, возложенную на него.

— Господин, значит ли ваше присутствие, что у города есть шанс на благодатное существование?

— Моё присутствие — не символ благодати. Неужто этот лик внушает тебе спокойствие?

Вид советника не изменился, он был тактичен, как и всю осознанную жизнь.

— Если бы книгу судили по обложке, я бы остался безграмотен, господин.

— Что же. Князь знал, кого стоит держать подле себя. А теперь, уважаемый советник, скажи мне — как давно эта старая мразь тянется к короне?

— Господин, при всём уважении, ваш голос — это голос истинного оратора, но сейчас я бы рекомендовал не давать ему полной силы. — Он пригнулся к князю. — «Уважаемый» Мегандер здесь давно. И место своё он занимает давно. При всём яде, что он выливает на окружающих, семья Кроллим входит в тройку богатейших в столице. Позволю себе дерзость господин — княжеская в неё не входит.

Василий нахмурился, советник продолжил.

— Их фамилия всегда была подле вашей. По записям архивов, сам князь Кондр плотно сотрудничал с дедом Мегандера. Они крупнейшие землевладельцы в стране. С ними всегда приходилось считаться, как вашему отцу, так и брату, — Илларион склонил голову, — простите за ещё одну дерзость, но негласно, в тот же миг, когда Святослав выходил в поход, Мегандер тут же брал правление на себя.

— Серый кардинал?

— Боюсь, что это так.

— А теперь у него есть опасный конкурент, он станет выделять ещё больше отравы.

— Подозреваю, что во многие разы больше.

— Если со мной что-то произойдёт, престол будет запросто перехвачен его костлявыми руками?

— В этом случае есть преимущество: так уж вышло, что Мегандер Кроллим был уличён в nepотpeбных отношениях с маленькими девочками.

— Надо же, какая важная деталь. Уличён прилюдно?

— Совершенно верно. Его придали суду, публично. Но это было давно, и наш герой сумел откупиться.

— Но подобная формальность лишает права правления, не так ли?

— Так, именно так. Однако вы могли не заметить среди советников одного важного лица.

— Продолжай.

— Его имя Валерас. Он всегда сидит с краю. Пышный живот не даёт ему покоя за столом.

— Я заметил этого высокого мужчину. Уж больно походит на напудренного поросёнка.

— Всё же, фамилия Валераса вас может удивить.

Василий направил взгляд на место, где сидел Валерас:

— Кроллим.

— Вы правы, это племянник Мегандера, и...

— И он здесь по одной простой причине: так как дядюшка не сможет надеть княжескую корону, племянничек сделает это за него. А потом его ядовитыми словами заговорят уста этого пузана.

— Да, господин, пожалуй лучше не сказал бы никто.

— Хватит лести, советник. Теперь я понимаю. Люди в этой зале позаботятся обо всём, и о городе, и о правителе.

— Похоже, что наше с вами положение не столь радужно.

— Послушай, советник. Большая часть моих войск сейчас в Могилы. Они не придут мне на помощь. Судя по всему, здешняя военная сила — это наёмники, а их карман пополняет Кроллим. Что остановит их от захвата власти?

— Боюсь, что так они и поступят. Дружина вашего брата была грозной стеной неприкаяния. Когда они были здесь, никто не мог усомниться в его положении. Но теперь всё стало иначе. — Илларион стал хмурым, как и многие приближённые княжеского двора, он считал Василия главным подозреваемым; теперь в его голове рождались новые и новые теории, каждая из которых становилась тяжелее предыдущей.

— Моя жизнь под угрозой, но я привык к такому. Но в данный момент мне не дают покоя мысли о супруге и ребёнке Святослава.

— Думаю, вы должны знать. Ростислав стал объектом дружбы семьи Кроллим уже

давно. Несмотря на разность возраста, Валерас много времени проводит с вашим племянником.

— Они делают всё основательно. И как ты считаешь, советник, сколько мне осталось?

Лицо Иллариона побледнело. Он вытер лоб платком, и пожал плечами.

— Сейчас, каждое мгновение для вас может быть близко к последнему. Видите ли, мы изо всех старались удержать строй таким, какой он установлен давно. Но Кроллим проявил недюжинные усилия, чтобы заручиться поддержкой советников. И пусть ваше воодушевляющее выступление дало некоторый эффект, боюсь, их мнение будет непросто поколебить.

— Значит каждый тёмный уголок — может оказаться жёстким ложем судьбы.

— Для вас так и есть...

— Советник, — голос Василия стал твёрдым, — не засоряй голову. Пусть мне придётся делать то, что не нравится, я сделаю.

— О чём речь, господин?

— Люди ждут правителя, он у них будет.

По дороге в покои Василий заметил своего племянника в компании Валераса. Этот высокий толстый поросёнок совершенно не был похож на своего именитого дядю. Его голос был высок, не видя жирные щёки, можно было предположить, что говорит женщина. И манеры — если подобный недоумок будет править без помощи чужого мнения, Кива попросту не станет, Камнеземья не станет. Василий задумался, он стал размышлять о будущем, которое уже наступало на пятки.

Когда он снял свою лёгкую броню, лунные лучи полностью окутали мускулистое тело. Шрамы на идеальных мышцах будто специально описывали прекрасно обработанные контуры великолепной фигуры. Он стоял обнажённым, ветерок с улицы обдувал его сильную грудь. Если бы не события прошлого, сам Творимир стал бы ярим завистником такой красоты. Но лицо князя было обезображено, и мужественный вид совершенно не менял впечатления о нём. Василий мог стать прекрасным юношей, завидным женихом на всё Камнеземье. Но у судьбы всегда были свои планы.

Лёгкая ткань покрывала облегла его крепкие мускулы. Он сложил руки за головой и прикрыл глаза — тишина осенней ночи обнимала его чудесное тело, ласки хватило и для лица Князя отхожих мест. Лица, которое медленно изменялось в иные очертания — нос принял аккуратный вид, разрез глаз стал ровным, губы приняли пухлые черты, и всё сложилось, как чудесная мозаика. Василий лежал прикрытый простынёй, как воспетый в стихах идол. Невозможно не влюбиться в подобную красоту. Ни женщине, ни мужчине.

Князь заметил подобное преобразование, когда оставался один. Лишь в пустой комнате, когда ни один людской взор не был обращён в его сторону, Василий принимал вид, великодушно наделённый матерью природой. Раньше он был импульсивен. Неспособный смириться со своей внешностью, он снова и снова кричал на придворных, пытаясь доказать, что он не урод, что в темноте пустых покоев он становится собой. Знахари боролись с буйной головой, и никто не верил в возможность преобразования, ведь никто его не видел. Ирония. Князь смирился. Вместе с упокоением пришло кое-что ещё. Василий перестал чувствовать. Не совсем, следует уточнить. Его планы и решения основывались исключительно на умозаключениях, логике. Сердце же выполняло лишь функцию перегонки крови по сосудам, но в совершении деяний права голоса оно не имело.

Он раскрыл веки и почувствовал изменения. Прикоснувшись к своей щеке, он в сотый

раз нахмурился. Князь более не смотрит в зеркало — это не его лицо, он — это уродливое существо, он Нелюбим, он Князь отхожих мест, а эта красота — всего лишь тёмная мечта. Несбыточная.

«Если они будут подстерегать меня за каждым тёмным углом, — думал он, — необходимо добавить света!».

Он быстро встал и оделся. Спустя считанные мгновения он оказался на улице, выпрыгнув из окна. Покинуть город не выйдет — стражи слушают приказы врагов. Спасение нашлось скоро — бордель.

В окружении страстных девиц, он нашёл упокоение. Но провести остаток жизни здесь он не мог, а остаток ночи — вполне. Взяв себе троих, он разложился прямо посреди основной залы, здесь было много людей, много знати, здесь никто не нападёт, не посмеет. Любви к вину он не испытывает, голод пока не навестил его желудок. Шумное веселье, где он с лёгкостью распознает неприятеля — отличное место, чтобы провести ночь и остаться целым.

На утро Илларион стоял у княжеских покоев. Поправляя воротник, он постучал. Дверь оказалась не заперта. Советник был охвачен страхом, неужели костлявые пальцы смерти добрались до нового правителя? Подойдя к кровати он немного успокоился, ведь не было видно ни крови, ни следов борьбы.

Оказавшись у окна, он стал свидетелем невиданного зрелища — нелюдимый, закрытый от собственных советников князь Нелюбим стоял посреди улицы, окружённый народом. Из-под тёмного капюшона доносились громкие слова:

— Я выслушаю каждого, но только по одному.

Илларион бросился к князю. Анфиса уже стояла подле Василия. Советница обратилась к своему коллеге:

— (шёпотом) Это его план на ближайшее время.

— Стоять посреди улицы и привлекать внимание тех, кто хочет насадить его голову на пику?

— Тише! Привлекать больше внимания народа, он хочет стать эпицентром людских глаз.

— Кажется я понял (глядя на Василия), на него не бросятся в толпе. Гнев народа не остановят деньги!

— Поэтому стоит ему подыграть!

Илларион растолкал толпящихся и громко провозгласил:

— Князь ответит каждому, никто не останется обижен. Прошу всех задуматься над вопросом, ибо от всех только один можно будет огласить.

Они стали выбирать случайных людей из толпы, которая становилась всё гуще. За всем этим следил господин Кроллим, он щурил глаза и поджимал губы, всё его нутро сжималось от понимания происходящего. Скоро, очень скоро его план может пойти по ветру. Но Мегандер не отдаст своё, не так легко.

Когда Кроллим проходил мимо дворцового пруда, на глаза попался молодой Ростислав, беседующий с Валерасом.

— А ты бы съел слизня? — Поинтересовался княжеский сын.

— Конечно же нет! — Возмутился Валерас. — А что бы мне за это было?

— Скажем, пятьдесят монет?!

Племянник Мегандера вновь возмутился:

— Я ведь уже дал ответ! Нет, конечно же.

— А если так, пятьдесят золотых монет, и я бы дал тебе ключи от женской бани на одну ночь?

Тонкие брови Валераса приподнялись, он проглотил накопившуюся слюну. Покрасневший, предвкушающий возможность увидеть обнаженных дам, он безвольно кивнул:

— Где и когда?

Ростислав взбудоражился, такая потеха по вкусу юноше его лет. Валерасу было около девятнадцати, сын князя отставал на три года, но по уму не уступал простаку Мегандерской крови.

— Сегодня вечером здесь: слизень в обмен на ключ!

Мегандер не слышал, о чём шёл разговор, но был доволен тесной связью между этими юношами. Кроллим проследовал в свои покои, обдумывая следующий шаг, а племянник в свои, надеясь, что слизняк окажется не очень большим.

В дворцовых стенах, Ростислав был знаком с каждым лицом. Все коридоры и двери впечатались в его память навсегда — его детство прошло под этой крышей. Мать внушала ему каждый день одну и ту же мысль — весь мир враждебен, и только она будет способна защитить своё дитя. По её словам, в далёком прошлом, князь Святослав чуть не уронил младенца в чан с кипятком, когда подбрасывал дитя в воздух. И дитя поверило.

Ему всё чаще хотелось совершить что-то выходящее за рамки: отрезать хвост коту, подлить масла кувшин с вином, как-то раз он даже поджог комод кухарки, не доложившей, по его мнению, мяса в его обед. Ладони несчастной женщины обгорели, и путь на кухню ей был закрыт. Но наказания дитя короны не понесло — на его стороне была любящая, чересчур любящая, мать. А отец не знал, да и не мог вразумить своё чадо. Его вечные отъезды напрочь выбили авторитет в глазах сына. Лишь Илларион мог провести какое-то время с мальчиком, как-то вразумить, дать дельный совет, но этого было очень и очень мало.

Ключник был толстым. Его лицо требовало больше блюд на тарелке. Ростислав не мог упустить возможность стащить заветный ключ. И слизня он уже раздобыл. За некоторое время до встречи, как раз когда матушка придавалась вечернему сну, он взял на кухне жирный кусок копчёной свиной шейки натёртый пряностями и дошёл до места заседания ключника. Толстый мужчина дремал, перед ним стояла пустая тарелка, в которой совсем недавно томилась прожаренная до хруста куриная тушка. Ростислав заметил связку ключей, ключ от женской бани был оплетён красной ниткой. Ему показалось, что попытка просто стащить ключ провалится, ведь шум сможет услышать даже этот жирдяй. Поэтому ему пришла на ум идея — отвлечь «голодающего» пищей.

Подкравшись сзади, он закинул сочный кусок прямо в тарелку. Резко проснувшись, ключник потёр глаза. Его удивило подобное зрелище; обед планировался не скоро, очевидно, что святые духи послали ему кусок божественно пахнущей пищи. Он облизнулся, едва сдерживая слёзы, он вцепился в мясо и стал разрывать его, как голодный хищник.

Ростислав понял, что пришла пора действовать. Перебирая ключи, он стал создавать столько шума, что даже глухой обратил бы внимание, но только не ключник. Предавшись упоенному куску, он вгрызлся в подарок небес, откусывая всё больше, и совершенно не замечая происходящего вокруг. Для него не существовало ни дворца, ни ключей, ни мира, сейчас был он и его голод.

Ростислав удивился, что ключник совсем не обращал на него взора, он даже ткнул

мужчину в выпирающий бок. Добыв необходимый ключ, мальчик притаился — трапеза завершена. Распустив пояс, ключник с довольным видом откинулся на спинку стула. Выдохнув, он обратился в высь:

— Спасибо предки за хлеб насущный.

В глазах ключника отражалось неподдельное счастье, и он снова прикрыл глаза.

Валерас грыз ногти, ожидая своего друга в беседке. Он очень хотел сбежать отсюда. Но такая возможность не выпадает дважды, он предвкушал вид обнажённых женских тел, представлял, как прекрасные дамы трут спинки друг друга, а их нежные руки опускаются до самых непристойных мест. Эти мысли возбуждали и разум его, и достоинство его. Прикрывая руками пах, Кроллим прижался к опоре. Ростислав подросел как раз вовремя.

— Наша сделка в силе? — неуверенно спросил Валерас.

— Но я ведь пришёл! Подтвердил Ростислав. — И пришёл не с пустыми руками! — Он повертел в руках заветный ключ.

Ещё большее возбуждение охватило Кроллима. Он твёрдо решил — сейчас он готов проглотить хоть десять слизней и столько же червей. Этот ключ стоит любых жертв.

— Можем начинать? — лукаво поинтересовался Ростислав.

Его собеседник стоял весь красный. Безвольно кивнув, он снова прокрутил в голове мысли о красоте, которую отделяет от него ключ.

В руке княжеского сына блеснула склянка, на дне которой лежали серые слизи. Влажные, скользкие и совершенно не аппетитные. Ростислав покрутил ёмкость под светом ламп и обратился к Валерасу:

— Считаю, будет честно предложить тебе самому выбрать закуску. Не стесняйся, засунь туда руку и выбери.

Валерас в миг побледнел. К горлу подступил тяжёлый комок. Его желание тотчас пропало, как и твердое решение добыть ключ. Всё, чего ему хотелось — это убежать поскорее в свою спальню. Ноги Кроллима налились свинцом, и всё тело стало слабым, как сорванный ветром осенний листок. «Раз уж пути назад более нет, то лучше бы кончить всё побыстрее» — подумал он и вновь вообразил себе прелести, которые скрывает дверь в бани.

Кроллим с отвращением погрузил пальцы в склянку, Ростислав поддел её так, что рука полностью скрылась внутри. Валерас сморщился, он едва-едва сдерживал содержимое желудка в себе. Не глядя, покрытый холодным потом, он ухватился за одного из слизней и выдернул руку так, что все остальные полетели вслед за ней.

— Как неаккуратно! А что если у нас бы назрела ещё одна сделка? Прикажешь мне искать новых?

В одной руке Валерас держал слизняка, а другой прикрывал рот. Он отчаянно понимал, что сейчас произойдёт нечто неопишимо омерзительное. Ему было страшно, его тошнило, идея о поглощении слизкой твари сжимала нутро, и теперь даже самые нежные мысли о женских телах не помогали преодолеть ужас. Он сомкнул веки и решил сделать всё быстро — мигом проглотить скользкое существо, которое должно будет преодолеть пищевод без заминок. Валерас решительно потянул слизняка к раскрытому рту.

Неожиданно, его остановила рука Ростислава. Валерас воспрянул духом, неужели он сумеет избежать этого кошмара? Он был благодарен своему приятелю, и очень удивился, раскрыв глаза.

— Ты слишком торопишься, не находишь? — взгляд Ростислава был едким, как ядовитый пар, — думаешь я так легко отдам тебе ключ от святыни?

— Но-о, что не так? Я ведь делаю всё по договору!

— Не так быстро, уважаемый. Ты считаешь этот блестящий кусок металла ценным(указывая на ключ)?

— Считаю...

— И насколько он ценен?

— Бесценен? — Неуверенно подыгрывая, произнёс Кроллим.

— Совершенно верно, мой друг. Цена ему не придумана, а я соглашаюсь вручить его тебе за столь символическую плату (делая обиженный вид); кажется, будто тебе совершенно не интересны женщины и их прелести.

— Важны, важны, мой друг. Я готов признать, что несколько поторопился, и смело заявляю, что хочу обсудить условия.

— Условия просты(Ростислав зажёгся интересом), тебе нужно проглотить слизня, согласишься, не самого большого?

— Согласен, согласен!

— Так вот, проглотить его не целиком, а по кускам.

Нависла тишина, Валерас стал ещё блее. Он почувствовал потерю контроля над ногами — колени затряслись. Связанный собственным разумом, он попытался отшутиться:

— Но я не наблюдаю здесь ножа.

— Не переживай, друг мой — у тебя есть прекрасные зубы. — Ехидно прошептал Ростислав.

Мир помутнел. В глазах Валераса не находило отражение более ничего. Он полностью оторвался от реальности. Сломленный, безвольный ребёнок стоял в беседке со слизнем в руках. Будто посаженный на пчелиный улей, он трясся перед пристальным взглядом Ростислава. Княжеский отпрыск видел отчаяние своего собеседника. Он сунул ключ в карман и стал направляться к выходу. Валерас преодолел оцепенение. Он топнул по старым доскам, привлекая внимание Ростислава. Юноша остановился, криво улыбнулся и направил взор на беспомощного Кроллима.

Валерас подтянул дрожащую руку ко рту, в ней извивался слизень. В момент его тело и разум поработила ярость, и он, как помешанный, стал истерично отрывать куски от бедного существа.

Захлёбываясь слезами, давясь от гнусного привкуса, он вновь и вновь откусывал части слизня. Когда рука опустела, он поднял голову, чтобы из последних сил сделать глоток. Твёрдая хватка остановила его. Сжимая пухлые щёки, Ростислав зашипел:

— Нельзя глотать, не прожевав.

Сила княжеской крови была наполнена его рукой. Он стал сжимать и разжимать, сжимать и разжимать челюсть Валераса, который совсем потерял голову. Он просто подчинялся, как всю свою жизнь. Не сопротивляясь, не подавая малейшего намёка на протест, он послушно жевал. Каша из слизи и внутренностей, наконец, стала невыносимой, в момент, когда Валерас стал сокращаться, Ростислав разжал руку и откинулся назад. Кроллим извергся, как коптевший годами в ожидании своего часа, вулкан. Весь пол беседки разукрасился содержимым его желудка.

Валерас стоял на коленях, он держался за живот, а из глаз лились горькие потоки. Ростислав смотрел на всё это сверху. Кроллим чувствовал себя униженным, такого поганого ощущения ещё не довелось испытывать никому из его семейства. Он плакал и стонал, неспособный встать с пола. Мысль о том, что его «друг» сотворил с ним такое — убивала

изнутри. Он опустил голову и упёрся руками в пол, чтобы избавиться от вида своего нутра вплотную. Одна неловкая попытка, и рука соскользнула так, что лицо Кроллима стремительно направилось в эпицентр извержения. Закрыв глаза, он приготовился к очередной в близкой встрече со слизнем, но та самая твёрдая рука махом прервала надвигающееся свидание.

Ростиславу было тяжело, теперь он сам стоял в картине на полу и был в «скользком положении». Но крепкое наследие князя в его жилах помогло юноше выпрямить Кроллима и избавиться от неминуемого падения.

Когда оба оказались на ногах, их глаза были напуганы. Валерас был полон ненависти и отчаяния, неведомо почему, но эти же чувства испытывал и Ростислав.

— Никогда бы не подумал, что такое произойдёт. — Прошептал едва слышно княжеский отпрыск.

Валерас молчал. Он был отрешён от мира. Ростислав видел в глазах Кроллима умирающий свет. Юноша было развернулся, чтобы убежать, но тут он вспомнил о награде.

— Друг мой! — воскликнул он, — это было невероятно сложное испытание для нас обоих!

Валерас не реагировал на его слова. Он словно бы умер.

— Но ведь уговора никто не отменял! Пожалуй — это меньшее, что я могу предложить!

Он вытащил блестящий ключ из кармана и протянул его Кроллиму. Валерас заметил этот жест, но сощурившись, лишь вымолвил:

— Слизень съеден не был. Вот же он.

Ростислав был потрясён подобным ответом. Он точно знал, что Валерас тут же забудет обо всём, как только в поле зрения появится заветный предмет.

— Друг мой, я думаю, что произошло нечто ничуть не приуменьшающее акт поедания

— Да, друг... Ты думаешь?

— Как бы ни было, — неуверенно говорил Ростислав, — думаю, ты заслужил его.

Он вложил в ладонь Кроллима ключ и отступил. Юноши стояли молча какое-то время. Ростислав снова продолжил:

— И кстати, в знак моей некоторой резкости, я считаю справедливым отдать тебе, мой друг, все свои сбережения!

— Откупиться от такого? — пробормотал Валерас, указывая пустым взглядом на пол.

— В самом деле! — Ростислав грозно повысил голос, — это не катастрофа, и награда даже превышает затраченные усилия! Если этого мало, то могу отдать свою цепочку с изумрудом, на забирай! — он сорвал украшение с шеи и бросил его под ноги Кроллима.

Валерас всё больше терял человеческий вид, более походя на восковую фигуру. Ростислав сорвался к нему и стал трясти:

— Прошу тебя, друг мой! Мы ведь друзья! Такая мелочь не должна ломать дружбы! Просто взгляни в свою руку, взгляни на неё и скажи — не это ли мечта? Ты ведь желал этого так долго, куча женщин, обнажённых и томных! И всё это для тебя, друг, для тебя!

Лицо Валераса стало наполняться кровью. Разум потихоньку стал собираться в единое целое, а мысль о женщинах потихоньку разжигала свет. Он оттаял и слегка поднял уголок рта. Ростислав тут же среагировал:

— Вот видишь, друг! — радостно кричал он.

— Да, друг... — прошептал Кроллим, уже не замечая собственного творения на полу. — Об этом никто и никогда не узнает?

— Даю слово, даю княжеское слово, что эта неприятность навеки останется в этой беседке. Завтра же пришлю служанку. Более того, скажу ей, что это моих рук... то есть кишок, дело!

— Так значит, я могу отправиться к баням?

— Это твой ключ, друг мой! И желание твоё, так что советую поспешить, ибо ночь близка, и омывальни скоро закроют.

Валерас осторожно обступил красочное пятно, и тихой твёрдой поступью направился к баням.

Ростислав же откинулся к перилам, он был в ужасе. Какое же чудо помогло ему замять этот неловкий момент! Он последовал к себе, где не мог уснуть, думая о том, что же сейчас делает Валерас.

Следует указать, что ключ был от двери не самих бань, а их чердаков. Но огромные щели в балках давали прекрасный обзор и возможность оставаться не замеченным.

Когда Валерас оказался на месте, его сердце вновь заколотило. Кровь прилила к гениталиям и руки задрожали. Он опустил взор из своего укрытия и глазам предстало незабываемое зрелище:

В дымном одеянии, как на сцене большого театра, окутанные паром кипящей воды и благовоний, нежные богини омывали свои прелестные тела. Чудесные изгибы подмечал свет многочисленных ламп. Ласковые руки скользили по разгорячённой коже. Грудь воздымалась, когда горячий воздух наполнял лёгкие. Томные, горячие, они тёрли друг друга, прижимались друг к другу. Пальчики опускались ниже, касаясь самого сокровенного. При этом головы обращались к небу и раздавались вожделенным стоном.

Танец женской красоты будоражил Валераса. Он опустил руку в штаны и стал трогать себя. Поддавшийся первобытным желаниям, он испытывал наслаждение. Его наполняло чувствами. Он забыл о произошедшем только что инциденте, о постоянном давлении своего дяди, о тоске по родным, он был здесь и сейчас, подогреваемый жаром бань и жаром пылающих фигур.

В это время, в княжеских покоях на своей кровати, Ростислав взлетел с кровати на ноги, он вспомнил то, что ни в коем случае нельзя было забывать. Вылетая из комнаты, чтобы предупредить Валераса, он напоролся на мать:

— Мне срочно нужно выйти в город, матушка!

— В такое время? Даже не обсуждается! Я знаю, что ты только что вернулся с улицы. Немедленно к себе.

— Но матушка! Это очень важно!

— Я сказала нет! Скажи мне в чём дело, я сама передам необходимую информацию.

— Дело в том, что... — он запнулся. Обещание, данное Валерасу нарушать было нельзя, поэтому он покорно направился к себе, где из окна был виден дым банных печей.

Полностью преданный своему наслаждению, Валерас приблизился к пику. Когда спазм всего тела призвал семя из глубин, ставни открылись. Пар с силой помчался прочь из бань, раскрывая чаровниц внутри помещения. Валерас раскрыл глаза и увидел нечто. Когда манящая дымка развеялась, тела стали иными: безразмерные жирные руки, покрытые морщинами, обтирали складки фигур с седыми волосами. Старые придворные служанки, поварихи и швеи, все они мылись последними в банях.

Валерас сжал своё достоинство, пытаясь остановить извержение. Его глаза снова наполнились слезами. Стараясь удержаться, он бросился прочь. Не видя, куда бежать, он был

направлен судьбой в ту самую беседку. Поскольку он рухнул на собственной рвоте, он упал в неё лицом. Пока по щекам размазывалась рвота, в паху размазывалось семя. Раздался пронзительный крик. Без слов. Но в этих адских муках можно было понять, как сильно изменится отношение мальчишек друг к другу.

Ростислав слышал это. Слышал откуда доносится шум. Он сильно перепугался, не знал, что будет дальше. Поэтому, единственным выходом для него стал побег к матери. Оказавшись у колен своей спасительницы, он прижался к ней. Не понимая происходящего, княгиня была тронута чувственностью своего отпрыска, и восприняла её как благодарность, крепко обнимая сына.

Мегандер нашёл племянника в самом непристойном виде. В своём роскошном доме, он приказал отмыть юношу. Когда долгими уговорами, он смог добиться рассказа, ядовитый взгляд стал ещё свирепее. Теперь не Василий был проблемой, вся княжеская семья должна будет предстать перед ними в ответе. Он уже понял, что скажет завтра на публичном выступлении действующего владыки. Всем наёмным убийцам был отдан приказ не действовать. Теперь он сам будет решать вопросы, теперь он сам будет действовать.

Глава 5. Овцам нужен сторожевой пёс.

На поприще государственных игр засияли новые перспективы. Василий строил планы стоя в толпе, в то же время, Мегандер вынашивал их в комнате племянника.

Естественным было, что Ростислав не спешил трепаться о произошедшем. Он старался не думать о случившемся и надеялся на лояльность друга и поддержку матери.

Валерас же забыть не мог. Он не отвлекался ни на что. Еда и сон стёрлись из его жизни. Его отмыли от грязи, но унижение стереть не удавалось.

На очередном собрании совета царила тишина. Кроллим предупредил всех о надвигающемся перевороте, и рассчитывал на поддержку господ.

Василий появился на пороге. Он поприветствовал присутствующих и сел на надлежащее место. Видя беспокойное состояние в зале, он начал говорить:

— Люди в Великом Киве куда радушнее, чем ожидалось.

Все собрали внимание на нём.

— Я провёл не мало времени с ними, и теперь не могу оставаться один.

— Вы стали популярной личностью. — Откликнулся Пирин.

— Оказалось, что я более близок к народу, чем считал раньше.

— Вам пришлось по душе новое положение дел? — продолжил Пирин.

— Совершенно верно. Видимо, это и есть моё предназначение, — промолвил Василий, глядя на Мегандера из под капюшона. — Люди рассказали много интересного, проблемы из первых уст прекрасно слышатся. Теперь у каждого из нас найдётся работа. — Он снова обратил взор на Мегандера.

— Вы активно взялись за работу вашего брата! — Воскликнул Пирин.

Кроллим поднялся со стула. Он совершенно не скрывал своего отношения к князю и всему происходящему.

— Вашими ласками можно подсластить чай. — Он отвечал в тон Василия, эмоционально пусто, безучастно, — совет, вне вашего присутствия, принял решение, — он осмотрел каждого, — единогласное.

— Решение? — Переспросил князь.

— Именно.

— Озвучите?

— Для того и прибыл. Итак, как было указано, совет принял важное решение для города и государства — княжеский род не справляется с обязанностями, возложенными свыше. Долг за аренду земель, людских душ и вооружения перевалил за все границы.

— Я в курсе проблем.

— Мы все в курсе проблем, — снова зашипел Кроллим, — однако их решения не последовало. Вы можете выслушать жалобы каждого, принять советы от всех горожан, но если за этим не возникнет продуктивных действий, может возникнуть резонное мнение — правитель не справляется.

— То есть то, что мы наблюдаем сейчас. — Подчеркнул Солан.

Василий не менял своего положения. Он всматривался в лица сидящих, они же лица князя не видели, но можно быть уверенным — чувствовали его холодный взгляд.

— Наше мнение сходится в том, что что-то нужно менять. Люди поддержат наше решение. Народу требуется надёжный правитель. — Сказал Мегандер.

— И вы хотите помочь мне стать надёжнее? — съязвил Василий.

— Некоторых подобному обучить невозможно. — Пояснил Мегандер, слегка приподняв бровь. — Необходимо обладать сим качеством с ранних лет, вероятно с рождения.

— Интересно, как много самородков вы повстречали на пути? Если вы не заинтересованы в помощи правителю, возможно, вы хотите нового?

— Это решение далось тяжело, все мы поддерживаем княжеский род и уважительно относимся к памяти о вашем отце. Но совет считает, что вне времён завоеваний ваше правление терпит неудачи.

— А кто кандидат? Не вы ли, любезный Мегандер?

— Я слишком занят делом своих предков. Однако совет поддерживает кандидатуру Валераса Кроллима.

Все стали кивать.

— А почему же его нет лично? — спросил Василий. Он решил, что Кроллим младший, попросту, струсил.

Мегандер презрительно посмотрел в сторону князя:

— Он попробовал горький привкус опыта и в данный момент переваривает его.

— У меня есть иное предложение, — оживился Василий. — Я готов лично передать власть над Киевским правлением господину Валерасу. Иные княжества по этому пути могут пойти только после всеобщего решения. Я понимаю, что никто из совета не присутствовал при вступлении меня в должность, и я не слепец, чтобы не разглядеть — я действительно не справляюсь. Но вот мои условия, — он повысил голос, — я не покину город до конца поисков князя Святослава, более того, я останусь в качестве главного советника новоизбранного правителя; далее, преследования за моей головой прекратятся, и ещё одно: царский дворец останется во владении семьи моего брата.

Мегандер поморщился, он не думал, что Василий начнёт открытый диалог, но вкус власти уже коснулся кончика его языка.

— Это вполне приемлемо. Но вы должны официально признать Валераса новым правителем. Могу заметить, что никаких преследований не было и уж точно не будет, — Мегандер прошёлся глазами по советникам.

— И долг. Княжеские советники не раз упомянули о крупной сумме заимствованной у вас на государственные расходы. Раз уж правительственные дела переходят к вашей семье, эти деньги должны последовать за ними.

Тяжело вздохнув и закатив глаза, Мегандер согласился:

— Обязанность за эти растраты мы возьмём на себя.

Солан вмешался:

— В ближайшее время будут подготовлены необходимые документы. Мы лично будем курировать их составление. Ни одна из сторон не останется не удовлетворённой.

Василий встал со своего места, он приложил кулак к груди, касаясь грудины внешней частью большого и указательного пальцев, в знак одобрения.

— Братьям поклон!

Мегандер повторил жест:

— Врагам почтение моё!

Все советники поднялись на ноги и громогласно заключили:

— Собрав зерно, точи копье!

После собрания, Нелюбим остался наедине с Илларионом и Анфисой. Им была необходима минутка для рассуждений:

— Итак, итог, к которому катилась эта повозка, только что случился. — Отметил Илларион.

— Катилась она с горы, — добавил Василий. — Потеря титула оказалась болезненной, но потеря головы причинила бы куда больше неудобств.

— Несмотря на столь сложную ситуацию, вы сумели выгодно решить некоторые вопросы. — Анфиса поддерживала разговор полушёпотом.

— Я долго думал над этим советом. Совершенно точно, что Валерас будет говорить словами своего дядюшки. Но мы сумеем внести некоторые поправки в его речи. — Василий был хладнокровен, как всегда.

— Держи друзей близко, а врагов ещё ближе. — Подчеркнул Илларион.

— Именно так, поиски князя Святослава продолжаются, и что-то мне подсказывает, они могут затянуться навечно.

— Но сил выделено более, чем достаточно, — Анфиса была несколько взволнована, — терять надежду ни в коем случае нельзя.

— Как бы не вертелось чёртово колесо престола, мы сумеем усидеть на нём. Весточки в Каргополь и Могиль уже отправлены, осталось оттянуть время. — Пробормотал князь.

— Ваши публичные выступления отменяются? — продолжила советница.

— Ближайшие пару дней придётся посветиться. Людям понравилось быть подле господ, более того, не все могут быть предупреждены об отмене заказа. Нужно подготовить народ к смене власти. Пусть и люди и дом Кроллим со всеми его прихожанами думают, что мы сложили мечи в ножны, а руки в замки.

— Но господин, — Илларион взволновался, — не стоит недооценивать хитрость и коварство Мегандера. Он, я уверен, продолжит прижимать вас ногтем к столу, пока не раздавит, как блоху. Весточки дойдут до получателей, но до какой поры нам ждать ответа? И последует ли ответ вообще?

Василий направил взор в сторону советника, его ледяной голос тихо выливался из-под капюшона:

— Я уверен в верности своих людей, из Могилы прибудет достаточно именитых вояк. Пусть с братьями по крови мне не повезло, но братьев по оружию упрекнуть мне не в чем. Это ваша инициатива, послать донесение Нестору, не моя.

По спинам советников пробежались мурашки. Илларион достал платок и стёр холодный

пот со лба:

— Мы надеемся на любую помощь...

— Вы надеетесь, а мне необходимо лишь дожидаться гостей.

Василий отправился к себе. Заботы наступавшего дня он оставил на завтра. Никто не знал, что было в голове отстраненного от должности правителя, никто, кроме него самого.

В душе Мегандера расцвела настоящая весна. Будучи избалованным деньгами и пропитанным желчью (премерзкое сочетание, стоит заметить), он испускал звёздный свет. Его мечта практически сбылась, и вот, оставалось лишь подождать пару дней, когда он сможет самостоятельно отдавать полноправные указы. Нужно лишь вернуть молодого владыку на «путь истинный». В комнату Валераса он вошёл без стука. Улыбаясь, не вполне естественно, но вполне искренне, он обратил взгляд на племянника, который молча смотрел в потухший камин.

— Как всё-таки прекрасно жить в столице.

Валерас молчал.

— И кажется, будто весь мир принадлежит тебе одному.

Валерас не реагировал.

— Но постойте-ка. Кажется, не кажется! — Он изобразил неказистую попытку сострить. — Мир отныне и вправду принадлежит кое-кому другому. Не хочешь узнать кому?

Валерас не поворачивал головы. Мегандер возмутился и встал перед лицом молодого человека:

— Ты станешь правителем. Правителем Кива, а затем и всего Камнеземья! Эта новость облетит весь свет, каждый министр и каждый нищий будут носить твоё имя в речах!

На миг показалось, что Валерас заинтересовался, Мегандер воспользовался этим и привлёк внимание племянника:

— Я повторю, каждый признает твоё имя: каждый торговец, рыбак, каждый новый гражданин, и... каждый старый друг.

Глаза Валераса заблестели. Он полностью вернулся из состояния отрешения, в его движениях появился азарт. Он встал перед дядей и сильно обнял худого мужчину. Мегандер смеялся, он победил, пойдя на уступки и соглашаясь на условия, но победа стоила любых жертв. Валерас думал о другом. В благодарность для дяди он сделает всё, что Мегандер прикажет сделать. Лишь одно ему должно возместиться с полна — это месть.

Дом Кроллим стал готовиться к вступлению в должность, мать Валераса заказала сверх дорогое платье, Мегандер предался терпким напиткам и молодым «закускам», а Валерас лихорадочно перебирал ужасные пытки, которыми он сумеет наградить друга Ростислава.

Сам же Ростислав, узнав о грядущих переменах, тут же взмолился перед матерью. Он просил спасти его от неминуемой участи, оградить, протянуть руку. Княгиня, подавленная последними новостями, не теряла головы. Она знала о собственной неприкосновенности, и была готова разделить её с сыном. Они оба решили, что дворец станет их замком, их фортом.

Все значимые фигуры ждали: кто-то подмогу, кто-то кару, кто-то новые перспективы. Анфиса же ждала ответа на свои письма, который всё никак не приходил.

Далеко от столичных страстей, на берегу Мракоморья сидел путник. Он опирался на палку и вдыхал морской воздух. Обожженное лицо обнимал тёплый ветер, а единственный зрячий глаз устремлялся за горизонт, на котором появился статный парусник.

Глава 1. Плывущий против течения.

Берег Мракоморья был укрыт равномерным песком. Если тебе не довелось побывать среди этих красот, значит судьба к тебе не благосклонна. Этот уголок земли следует увидеть и ощутить, а не услышать или вообразить. Когда в своём зените солнце раскрывает объятия перед усталыми путниками, весь пляж переливается золотом истолчённого в пыль песка. Валуны, выброшенные на берег задолго до прихода Кондра к власти высыхают от морской воды за считанные секунды, пар, воздымаемый к небу, преломляет свет, рисуя перед зрителем размытое марево.

Клеймо Творимира перестало ныть, как и самолюбие князя. Здесь, на берегу Ткунского залива, он ждал корабль, о котором много говорили в рыбацком городке. Он не знал как попасть на борт, он не знал, как представиться капитану и команде, он знал лишь, что на борт попасть было необходимо.

Когда корабль подошёл к причалу, с его хвостовой части сбросили якорь. Моряки сошли на твёрдую землю и растеклись по побережью: кто в бар, кто к распутным девицам, но человек со шляпой, украшенной разноцветным пером стоял на палубе. Он смотрел в сторону океана, как будто слушая песнь непокорной волны.

Творимир решил действовать открыто, он поднялся на причал и ступил на палубу. Подойдя к капитану сзади, он был тут же остановлен, ловко обнажённым клинком. Капитан заговорил:

— Я не видел надписи «добро пожаловать на борт», так, какого чёрта, скажи на милость, ты взошёл на моё судно?

Ошарашенный Творимир захлопал веками на сохранившемся глазу, он слотнул, и кадык плотно прижался к лезвию. Князь попытался войти в доверие капитана:

— Корабль достаточно велик, а команда не достаточно. Я посчитал, что капитан рассмотрит кандидатуру опытного моряка.

Молодой мужчина помял свободной рукой краешек усов. Затем он резко поднял шпагу и сбросил капюшон с головы Творимира.

— Опытный моряк, говоришь? Глядя на тебя, я вспоминаю впервые приготовленный мною стейк, — он ухмыльнулся, — пережаренный.

Творимир никак не отреагировал. Капитан продолжил:

— Не похоже, что разбрасываешься словами. — Он убрал шпагу в ножны. — Но как ты сможешь подкрепить сказанное? На каком судне ты служил до этого момента, и почему не остался на нём?

Князь понимал, что правда будет не к месту. Он решил, что шрам на всё лицо сыграет ему на руку.

— На арктических водах мы ходили под парусом старика «Пороха». — «Порохом» называли военные корабли-исследователи, плавающие по, так называемой *aqua incognita*, — боцман был человек занятой, потому матросы брали на свои плечи его вахтовый долг. В последнем походе мы затарились тремя бочками со жгучим песком.

— Жгучий песок? Ты имел дело со взрывной смесью?

Творимир давно вёл военные реформы. Во флот вошли новые элементы вооружения: это были отлитые стальные пушки. В них заряжали металлические ядра, которыми

выстреливало орудие, когда поджигалось пороховое ложе у его основания. Он знал, что моряки слышали об огнедышащих пушках, интерес капитана подогревался, поэтому Творимир не сбавлял ход:

— Наше судно было оснащено одной из пушек. Но сила оказывается неконтролируемой, особенно, если не уделять ей пристального внимания. Бочка с порохом, она как женщина — со взрывным характером. Карма накренилась на льдину, пороховые покои были нарушены и грохотнуло на весь Анилан.

Капитан внимательно слушал, его увлекла история необычного человека. Князь продолжил:

— Моё лицо удалось сохранить в более-менее приемлемом виде. Лицо капитана собирали рыбы...

— А как ты добрался до спасительной земли? Это ведь Арктика, суровые края.

Творимир понял, что капитан нащупал брешь, но его ума хватило, чтобы додумать пошаговую последовательность:

— Порох плавает не один. За нами шло судно-кляча.

— И какую должность вручили такому толковому моряку?

— Стоял подле самого капитана, до старпома дослужился. — Он делал вид, что этот чин дорог его памяти.

— Какая занятная история. Вот взгляни, команда прибывает на борт. Перескажем им твой любопытный рассказ. — Капитан вёл себя слишком подозрительно.

— Господа-матросы, прихвостни волны, у нас появился очередной желающий взойти на борт. Его талантам позавидуют морские боги! Он выжил в тяжёлом кораблекрушении, и сумел добраться до нашей ласточки. Вот он, немного помятый, но по собственным словам, вполне пригодный для службы на нашем судне.

Творимир окинул всех взглядом, он чувствовал нарастающую враждебность. Но пасовать совершенно не собирался. Он должен быть на этом корабле, и он будет.

— Господин старший помощник, он утверждает, что занимал такой же пост, что и вы на судне, ни много, ни мало, настоящего Пороха. Как считаете, он справится с должностью лучше вас самих?

Старпом был серьёзным мужчиной, одетым по-простецки:

— На судне не может быть два старпома, а вот матросов сколько угодно.

— Матросов?! Неужели наш новый друг согласится на подобную должность?

— Снова быть на плаву — вот нужная мне должность. — Сказал Творимир, не поддаваясь на подколки.

— Значит ты готов подчиняться начальству корабля, не станет ли тебе это в тягость?

— Если можно идти по ветру, значит можно и послушать приказы.

Экипаж смеялся. Они ожидали какого-нибудь интересного поворота. Но, на удивление, капитан перешёл на серьёзный тон:

— Капитан Шмитль, приветствую на борту, мистер?..

Творимир попытался быстро сообразить:

— Тв... Твикс.

— Мистер Твикс, вы приняты на честную службу брига «Служанка», вечером мы отходим от причала, держа курс к морю туманов, подготовьтесь к принятию присяги. Боцман объяснит ваше назначение, хотя, судя по всему, оно вам и так знакомо.

Капитан исчез в каюте. Моряки осматривали искажённое лицо Творимира, и скалились.

Князь решил, что план сработал. Теперь нужно было дотянуть до вечера, и снова встать в паруса.

Вечер наступил скоро, матросы собрались на палубе. Капитан Шмитль держал «морской закон» в двух руках, и диктовал слова присяги, Творимир повторял всё слово в слово. Наконец, капитан поднял глаза на нового члена команды и спросил:

— Готов ли ты блюсти вахту, как традиции семьи?

— Готов.

— Готов ли принять каждого члена экипажа, как брата собственного?

— Готов.

— Готов ли нести заслуженное наказание, за проступки свершаемые?

— Готов.

— И последний вопрос, готов ли ты говорить правду своему капитану?

Творимир смутился, но виду старался не подавать, поэтому спокойно ответил:

— Готов.

— Что же, мистер Твикс, вы приняты на службу. Несите этот крест достойно. Не опозорьте честное имя флотилии великого князя Творимира, ака Вышеградского Волнореза.

Теперь уже Твикс широко раскрыл глаз, он не обратил никакого внимания на мачтовый флаг. Это был корабль его флота, здесь все служат его слову, но теперь его слово ничего не значит. Он просто должен был подчиниться новому порядку вещей. В любом случае, он утешался тем, что сейчас он идёт в море. Теперь осталось добраться до родного Вышеграда. Там его ожидает нечто важное, так называемая спасительная шлюпка.

Следующий день прошёл для Твикса, как чудесный сон в летнюю ночь. Твикс быстро привык к новому имени. На удивление, матросы не обращали внимания на необычную внешность. Все трудились на благо судна. Бриг рассекал волны, как горячий нож, входящий в масло. Твикса несло по его родине — морю. Матросы говорили, что «служанка» идёт в Виталию — город подле Вышеграда. «Попутный ветер» — вертелось в голове князя.

Морской воздух стал тяжелее, когда Твикс ступил на ночной пост по палубе. Тишина висела над парусами, но он легко почувствовал чужое присутствие:

— А я смогу так внезапно появляться? — Твикс задал вопрос в пустоту.

— Если судьбой было предначертано, то сможете? — послышалось за его спиной.

Приняв пастыря, как элемент своей жизни, он спокойно присел рядом с ним.

— Меня взяли в команду, взяли без особых проблем. Это благоволение судьбы?

— Вы не ступили бы на судно, без её веления. Она привела вас сюда. Однако, вы слишком легкомысленно отнеслись к новой должности.

— Сегодня ты особенно разговорчив, скелет. Они приняли меня, кормят, дают работу по моему плечу, везут к родному городу. Где же здесь подвох? Судьба даст мне новое испытание?

Пустые глазницы направились за борт. Он молчал не долго:

— Это ваша жизнь и ваша судьба, вы сделали собственный выбор, и будете нести последствия в своём собственном кармане.

— Опять бесполезный разговор завели! Давай исчезай побыстрее, вахта идёт, а если кто заметит тебя?

— Берегите себя, князь, вам уже выпало не мало, но кто знает, сколько выпадет ещё?

Капитанская каюта открылась, из неё показалась фигура капитана. Конечно, пастыря уже и след простыл. А Твикс делал вид, что ничего не произошло.

— Приветствую вас, капитан. Ночной воздух помогает уснуть.

— По-настоящему помогает бутылка рома. Сейчас направлюсь в трюм за одной. А может и за парочкой. Ты бы выпил с капитаном?

Творимир давно не пил, такое предложение выпадает не часто, особенно от капитана, но, по всем правилам морского похода, уходить с вахты нельзя, поэтому он сухо ответил:

— Опрокиньте глоточек за мою службу и здоровье, так будет лучше.

— За службу и здоровье? Получается два глотка! Хорошо матрос, пост покидать нельзя.

Твикс заметил, что капитан ведёт себя не совсем радушно. Конечно, он отвечает как положено, но будто скрывая что-то.

Когда ночь поста окончилась, Твиксу позволили отдохнуть. В глубине корабельного трюма ему приснились былые времена. Там за задворками реальности, он видел красивых женщин у его ног, огромные сундуки с золотом, добытым военными плаваниями, он был красив и силен, он был князем. И вот, когда сон отразил его преобразование в обгорелый сухарь, о борт судна что-то стукнуло. Крики на палубе окончательно лишили его сна, и боцман приказал немедленно свистать всех наверх.

Морские пираты напали на «Служанку» без предупреждения. Взятые на abordаж, матросы отбивались изо всех сил. Клинки звучали над краснеющей водой. Корабли шли парно, борт к борту. Пиратский налёт оказался неожиданным, поутру у моряков хватает других забот, а потому большинство из них зарезали безоружными.

Твикс выдернул шпагу из мёртвого тела и направился в пыл сражения. У края захваченного борта он сумел обрубить пару abordажных канатов, из-за чего пираты, висящие на них, посыпались в воду. Далее, чувствуя ту самую силу, которой он обладал в Вышеграде, Твикс одержал ещё одну победу в дуэли, перерезав горло пирату с одним глазом. Бои вспыхивали, когда противники встречались друг у друга на пути. Твикс разглядел своего капитана, который бился с мужчиной на рулевой части. Скользя сквозь толпу, он направился в их сторону. Бьющиеся отходили всё дальше. Мужчина смог сбить капитана с ног так, что тот укатился прямо в трюм. Пират не видел препятствий и направился следом за врагом. Твикс последовал к трюму. Он нашёл оппонентов, оба были сильно побиты, капитан еле держал шпагу в руках. Твикс не стал тянуть время и быстро остановил сердце пирата своим клинком. Мужчина рухнул на Шмитля. Капитан был во хмелю, и туго соображал, не видя, кто его спас.

— Старпом! Старпом, сними эту крысу с меня.

Твикс отложил шпагу и стал стягивать пирата. Капитан возился под ним, как беспомощный младенец. Разгорячённый ромом и неожиданным нападением он стал рычать:

— Точно говорю, эта атака — дело рук грязного раба!

Твикс остановился. Он понял, что капитан был осведомлён о его секрете. Но почему тогда он взял его под свои паруса? Твикс подобрал шпагу и приставил её к горлу Шмитля:

— Значит, ты видел метку? — Капитан узнал, стоящего перед ним. — Тогда, почему принял раба на борт?

— Мистер Твикс, выньте меня отсюда. Мы сможем побеседовать после сражения.

— Неужели? Я люблю поговорить, когда фоном звучит музыка. Звон стали и крики матросов вполне годятся.

— Твикс, сука ты, наземная! Немедленно достань меня! Ты принял присягу, ты поклялся служить мне!

Твикс убрал лезвие от горла и пронзил лежащее сверху тело.

— Клинок пройдёт насквозь, в зависимости от того, что ты скажешь мне, я решу, будешь ли ты под ним или нет.

Шмитль чувствовал, как по телу мёртвого пирата продвигается шпага. Он откинул голову и стал рассказывать, сквозь зубы.

***

Прошлой ночью

В каюте капитана собрались боцман и старший помощник. Шмитль уже выпил к их приходу, и теперь сидел в кресле, потягивая трубку.

— Господа, что вы скажете о свежем мясе?

Боцман вступил в разговор первым:

— Он исправно выполняет задания. Дерзок, возможно, но дело знает. Безусловно, это лодочка, битая штормом.

Старпом не был оптимистичен:

— Я бы не стал принимать такого человека в команду.

— Объяснитесь.

— Он не похож на обычного матроса. Вне зависимости от огромного шрама на всё лицо, он слишком открыто заявил о желании вступить в наши ряды.

— Более того, — пояснил Шмитль, — он является беглым рабом.

Лица господ выразили удивление.

— Но теперь не понятно ещё сильнее. Зачем вы приняли его?

Боцман поддержал своего коллегу:

— Да. За ним ведь могут охотиться, его захотят вернуть хозяину.

— Вы не догадались? Мы сами вернём его! Никогда бы не поверил, что человека назовут в честь перекрученного конопляного каната. Он беглый Эллеанский раб, и место ему в цепях Эллеании!

— Но почему сейчас он не в цепях? Давайте свяжем его!

— Господин боцман, — голос капитана выражал иронию, — почему в трюмной клетке нельзя запереть людей?

— Потому что, — боцман бормотал под нос, — в ней дыра...

— Потому что в ней дыра, мистер боцман, точно! Пусть он считает нас своим маяком, мы будем направлять его столько, сколько нужно.

— Можно просто оставить его связанным в трюме. — Вмешался боцман.

— Нет, не можно! Правила моря обязывают предоставить пленному место пребывания, и это не трюм с командой или бочками с рыбой!

— И, — старпом задумался, — эта его история, про огнедышащие трубы...

— Господин старпом, огнедышащие трубы знаете где?! На берегу у портовой шлюхи между ног!

Боцман невольно засмеялся. Старпом тоже присоединился.

— Господа, друзья мои. Я не верю ни единому слову беглеца, тем более беглеца Эллеанского. В порту мы сумеем передать его законным владельцам. На берегах другие порядки, господа.

***

Твикс дослушал рассказ. Он искривился в дьявольской улыбке и стал медленно продвигать лезвие в глубь пиратской плоти. Шмитль ощутил холодное проникновение смерти.

— Ты дал присягу, клятву! Будь проклят морем и всеми богами! Знаешь, какая кара ждёт предателей? Ты не моряк!!!

Твикс резко наклонился к капитану, он приблизил своё лицо к его лицу и тихо прошептал, не убирая одичавшую улыбку:

— Да, я не моряк, я — беглый раб...

Глаза Шмитля расширились, когда клинок полностью пронзил его брюхо. Крики не были слышны, ведь на палубе свирепствовала битва. Когда последний вздох покинул его тело, Твикс вынул оружие. Он был взбешён, но контролировать ярость он научился давно, контролировать и направлять по нужному пути. Убрав шпагу в ножны, он оттянул пирата подальше в глубь трюма. После этого он нашёл обломок, который набросил на труп капитана и отправился на поиски единственных людей, знавших о планах Шмитля.

На палубе продолжалась резня. Очень много крови было пролито, но жажда морских волков не утихала.

«Какая удача» — решил Твикс, увидев боцмана, рассечённого пополам. «Значит остался только один!»

Пробираясь, сквозь озверевших моряков, Твикс успевал наносить точные, глубокие удары. Он изо всех сил помогал «своей» команде. Вкладывая силы в победу «Служанки», он наконец заприметил старпома. Тот, выбившись из сил, сидел рядом с поверженным врагом. Твикс не стал терять времени и направился к нему. Над старпомом нависла тень смерти, клинок над его головой стремительно полетел вниз, но Твикс сумел парировать атаку. Изворотливой поступью, он пронзил сердце недруга и поднял старпома с колен.

— Капитан! Капитан! — кричал он. — Капитан в трюме. Он завален, скорее, мы должны помочь!

— Ох, — отдышался старпом, — веди же поскорее!

В суматохе кровопролития, они добрались до трюма и успешно спустились в него. Темнота не давала полного обзора. Твикс шёл впереди, ведя старпома на добровольный эшафот.

— Вот он, скорее! — воскликнул Твикс, указывая на балку.

Они бросились снимать кусок дерева, который оказался вполне подъёмным и для одного человека. Но старпом не обратил на это никакого внимания, он стремился спасти своего капитана. Подняв Шмитля на руки он попытался привести его в чувства, но опустив глаза ниже головы он заметил ранения не от древесины.

— Его пырнули в живот. Насквозь прошли. Он истёк кровью, а не от давления балки.

Когда старпом обернулся, острие шпаги уже смотрело прямо на него.

— Верно, он погиб не от падения балки.

Старпом не отпускал капитана и глядел опустевшим взглядом.

— Твикс, неужели это сделал ты?

— Боюсь, что так и было. Но, справедливости ради, стоит отметить — если бы не я, то вон тот кабан сделал бы точно. — Он указывал на мёртвого пирата, чьё бездыханное тело лежало неподалёку. Старпом снова направил взгляд на Твикса.

— Ты предал капитана, предал присягу! Знаешь, как карается подобное?

Твикс не смог сдержать нервного смеха:

— Вы говорите одинаковые реплики! Ей богу, ха-хах, вас учат такому на старших должностях? Старпом, я повторю тебе то же, что сказал твоему капитану: я раб, а значит верить нельзя ни моему слову, ни моей присяге!

— Так легко предашь тех, кто приютил тебя?!

— Приютил? По словам покойника на твоих руках, в Виталии меня ждало неизбежное пленение. Вы должны были вернуть меня хозяевам, — он неожиданно возмутился, — хотя хозяев у меня никогда не было!

Старпом не понимал, о чём говорил Твикс:

— Допустим, что ты не знал хозяев, откуда тогда метка? Откуда ожог на лице? Откуда ты взялся?

Твикс опустил шпагу:

— Ты и все, кто есть на этом судне. Все вы ходите под моим знаменем. Я — князь Творимир, владыка Мракоморья и великого флота!

Старпом стал истерично смеяться:

— И по берегу ты просто гулял! И кораблём ошибся на причале?! Твикс, ты ничтожество, бессовестное и лживое. Убей меня поскорее и избавь от этой брехни!

Князь стоял над ним, как гладиатор над поверженным соперником. Одно его движение, и жизнь старпома оборвётся. Но сейчас он не чувствовал желания проливать кровь. Почему-то слова совсем чужого человека тронули его. Ведь он говорил правду. Обидную и горькую, но заслуженную! Твикс убрал шпагу и стал отходить. Он решил, что постарается захватить пиратское судно и кочевать уже на нём. А трюм можно запереть, старпом выберется отсюда только тогда, когда Твикс окажется далеко.

Он развернулся и направился к выходу, как вдруг, рука старпома настигла его. В бок впиалась холодная сталь. Кровь медленно потекла по лезвию. Сердце потомка Кондра воспламенилось. Та демоническая сила, которая провела Кондра по всему Камнеземью разлилась по телу его сына.

Яростно отбросив старпома назад, он вытащил, зашедший не глубоко, клинок. Скорчившись от боли и гнева, он накинулся на моряка, легко повалил его на трюмный пол и несколько раз пырнул его в грудную клетку. Истекаемый кровью, старпом смотрел на озверевшего Твикса, последнее, что он смог выдавить из себя было:

— Ты не мой князь!

Твикс разгорячился ещё сильнее, и, проткнув плотку моряку, сказал уходящему в мир иной:

— Но и не твой раб!

Кровью старших по кораблю он совершенно не напился. Оказавшись на палубе «Служанки», где битва подходила к концу, и не в пользу команды Шмитля, Твикс взял в руки два окровавленных орудия и бросился в драку, не взирая на собственное ранение.

Как загнанная рососомаха, словно подбадриваемый божественным напутствием, он резал всех, кто только остался на ногах. Таковую силу не был способен остановить никто. Он походил на голодного тигра, попавшего в вольер к антилопам. Кровь разлеталась повсюду, пачкая корпус корабля, паруса и ошалевших моряков. Сумев зачистить палубу «Служанки», он пересёк море по тросу. На корабле пиратов осталось всего четыре человека. Эти парни не знали, что противопоставить настоящему демону. Но капитан был всё ещё жив. Он набросился на Твикса, крича за пределы горизонта, но был тут же убит.

Пираты бросили шпаги один за другим и встали на колени, сложив руки за головой. Твикс принял капитуляцию. Пробоины «Служанки» стали тянуть её ко дну. Поэтому, оставшиеся матросы перебрались на корабль пиратов. Когда пламя битвы стало угасать, Твикс поднял глаза к чернеющему небу. Две скрещенные кости на пиратском флаге

взбудоражили его, он наполнился решительностью и отрубил голову капитану.

— Я забираю ваше судно! И голову вашего капитана. Клянусь, что украшу его черепом нос корабля. — Он снова поднял глаза. — И наш новый флаг!

У моряков не было выбора, да и желания идти против такой силы, посему, они склонились перед Твиксом, отдавая свою службу в его окровавленные руки.

Полдюжины матросов «Служанки» — этого хватало, чтобы управиться с пиратским судном. Поступая по канонам моря, он отправил сдавшихся в трюмную камеру, их судьбу он думал решить позже. Как и обещал Твикс, череп бывшего капитана стал украшать нос корабля. Спустя какое-то время его силуэт нанесли и на флаг. Новый символ — череп и кости. Его перенимут не мало моряков, под его началом станут ходить целые армады!

В капитанской каюте, Твикс прижигал рану. Появившийся пастырь стоял молча.

— Не хочешь помочь? У тебя, вроде бы, есть навык?

— Вы идёте путём крови князь, — пастырь указывал на алую жидкость, вытекающую из раны, — наслаждайтесь же ею.

— Осуждать меня решил?

— Пастырь не может хвалить или осуждать, пастырь предлагает направление, выбор делает...

— Человек делает выбор, я помню! — он искривился, почуяв жжёную плоть. — Печёт, но не так как... — он протянул ладонь о искажённому лицу.

— Позвольте узнать? — обратился пастырь.

— Весь внимания, — Твикс был раздражён и подавлен.

— Вы приобрели транспорт. Судно теперь будет плавать...

Твикс резко и грубо перебил его:

— Плавает дерьмо в проруби! Корабли ходят по морям.

Не понимая неожиданной агрессии, пастырь осторожно продолжил:

— Судно будет ходить под вашим началом. Куда оно пойдёт?

— А ты само неведение, неужели нет мыслей на этот счёт?

— Догадываюсь, что вы хотите попасть домой.

— Верно.

— Но вы не держите курс к Вышеграду.

— И это верно.

— И куда?

— Надо пополнить запасы провизии и питьевой воды, очевидно же.

— Но не очевидно, почему не в ближайшем порту.

— Ты знатно осведомлён морскими ходами. Откуда пастырю известен ход моего судна?

— На вашем столе карта.

— На ней нет знаков, она пуста.

— А под ней рисунки.

Твикс пригнул голову и улыбнулся.

— Ты видишь сквозь предметы, своими пустыми глазницами.

— Я оценил вашу колкость. На бумаге изображены три фигуры.

— О, да.

— И это не ваши братья, так?

Твикс развернулся к столу, убрал карту и вытянул бумагу на свет.

— Вы направляетесь в Виталию?

— Да. «Служанка» и так шла туда. Направления я менять не собираюсь.

— Там есть информаторы, а у них ценная информация.

— Таков план.

— Значит, тропа крови?

Твикс посмотрел на рисунки, а потом на пастыря:

— Тропа с очень широкой колеёй.

Пастырь отодвинулся в тень и испарился в её недрах. Твикс оделся и вышел на палубу, когда он закрыл за собой дверь, ветерок прошёлся по бумагам, на одной из которых были изображены три разных существа — большой тролль, пригнутый гуль и самый обычный и неприметный человек...

Глава 2. Охраняемая тайна.

На безлюдном поднебесье общение становится теплее. В тесном для полноценных двоих помещении, Лексан всё больше постигал душу полевика. Мальш рассказывал о том, как вся его семья выходила на поиски драгоценных камней, как они снимали кольца и серьги с трупов, затянутых в болота, со знатных дам и мужей, оставшихся на ночлег в их полях. В замен гонец преподавал уроки хороших манер, помогал постичь азы самообороны, обучал языку.

Лисик всё время выжидал удобного случая, чтобы вновь попробовать дурманящий вкус кальянного дыма. Гонец был весьма бдителен, конечно, он мог попросту отдать манящую вещицу, однако ему приходилось по душе воспитывать своего компаньона.

Вина Лексану не подавали. Приёмы пищи же входили в договор. Когда алифанты останавливались, по их бокам и спинам рассыпались мелкими бусами маленькие смуглые мальчишки, в их руках были толстые веники из страусиных перьев или дубовых веток. Ловкими и твёрдыми движениями они смахивали пыль с тяжёлых тел. Животные закатывали глаза, то ли от удовольствия, то ли от щекотки.

Одной бессонной ночью, путники разговорились под светом тёплой лампы.

— Смотри, — повторял Лексан, — знак царского причастия. — Он указывал на статуэтку в виде кулака, держащего свиток.

— Так, ну щас будет! Знак царского прич... прича... причавствия! Я сегодня в духе! Давай ещё, посложнее.

Лексан возмущённо вздыхал, он прекрасно понял, что смысла переубедить Лисика в его неправоте совершенно нет.

— Ну что же. Смотри на это — шёлковая занавеска.

— Лексан. — Полевик неожиданно посмотрел в окно. — А кто ждёт тебя там, за шёлковой занавеской?

— У тебя вышло, ты повторил верно! — обрадовался гонец, но увидел вполне серьёзную мину. — Ты имеешь в виду там, в городе?

— Да.

— У меня не много знакомых. — Он перешёл на полушёпот, и в голосе прозвучала неподдельная тоска. — А в последние дни и вовсе не осталось ждущих.

— Твои руки.

Гонец осмотрел пальцы и запястья: — А что с ними не так?

— Когда ты выехал из города, они пахли полевыми цветами.

Лексан не совсем понимал, о чём идёт речь. Лисик протянул сумку к своим ногам и стал возиться внутри. Немного порывшись, он достал свиток с посланием и обнюхал его.

— Вооот, как эта бумажка.

Ты прав, приятель, — сказал Лексан, учуяв тонкий аромат, — но это не совсем цветы.

— А что? Я, честно-честно, чую шиповник и лаванду! Зачем бумажку обмазали запахом?

— Цветочный аромат и вправду есть, но на самом деле — это запах дамских духов.

— Что такое духи? Это новый цветок? А где он растёт? А он красивый? А каким цветом? Я люблю жёлтый, нет, стой-стой! Не жёлтый, давай оранжевый?! Найди мне оранжевый духи, ну пожалуйста?

Гонец был завален этими вопросами, и на каждый из них пришлось отвечать. Спустя какое-то время Лисик задремал. Лексан же повертел свиток в руках, после чего поднёс к ноздрям и затянул тонкий аромат духов княжеской советницы. Это не случайное совпадение, несколько капель дорогостоящего масла не упали бы на документ. Неужели она оставила частичку себя? Зачем? Может она не хотела, чтобы в дороге ему было так одиноко? Она хотела отправить хотя бы маленькую долю тепла родного края в этот длинный путь? Его мысли заполнили воспоминания о юности. Подрастая, он видел красивую девочку, которая была несколько старше его самого. Манерная и важная, она всюду ходила то за князем, то за его супругой. Она всё время находилась подле господ и внимательно слушала их разговоры. Зачастую, он представлял, как получает рыцарский титул и борется во славу прекрасной дамы. Только она могла бы занять это почётное место. Именно для неё он бы срывал цветы с горных вершин, одерживал бы победы над чудовищами во славу её имени. Время поменяло его отношение к жизни. Но не к этой девушке.

Когда гонец разложился на своём ложе и приготовился ко сну, где-то на «полу» послышался мышинный писк.

Маленький мышинный нос торчал из-за края мягкой подушки. Он дёргался вниз — вверх, был чёрным и влажным. Гонец застыл. Он очень не хотел спугнуть незваного гостя. Но второй путник не ведал о новом знакомом, отчего смело начал возиться на насиженном месте, по-видимому, его стали посещать эпичные сны.

Лексан зажмурился, услышав треск тканей под грузом ворочающегося полевика, и раскрыл веки, потеряв надежду встретить маленького гостя. Он ошибался. Мышь вытянулась сильнее. Она была крохотной, но, видимо, невероятно смелой. Гонец приподнялся на локти. Мышь не шевелилась. Он осмотрелся по сторонам и стал подтягиваться к серому пятнышку. Мышь не шевелилась. Когда ладонь коснулась гладкой шерсти, зверёк едва дрогнул, как и гонец. Но оба оставались на своих местах. «Такое несвойственное поведение» — решил Лексан — «С Лисиком было нечто подобное».

Мышонок был напряжён, но с места не дёрнулся. Даже когда человек полностью захватил его в руку. Любопытно было узнать, зачем грызун пробрался прямо к его ложу, и почему оказался столь смел?

Маленькая ниточка обвязывала пушистое тельце, она приматывала крохотную записку, на которой была вычерчена буква «Л». Лексан снял записку, окинув её взглядом, он ощутил, как животное начало дёргаться, стало проявлять агрессию, поэтому гонец тут же опустил его на «пол». Маленькое пятно ускользнуло из вида, предварительно (весьма громко), чихнув у уха маленького полевика. Лисик среагировал спросонья:

— Будь здоров. — После чего почесался и глубже зарылся в подушки.

Лексан наблюдал за своим компаньоном ещё недолго, чтобы убедиться в его погружении ко сну. После этого, гонец подтянулся к окошку, где под лунным светом

прочёл маленькое предложение, написанное углем: «Хочу отдать долг: утром будет трясти».

Гонец догадался о том, кто является автором строк. Трясти? Что это могло значить? Неужели диверсия? Юноша осторожно привстал, он не мог оставить подобное без внимания. Да, возможно, быть «стукачом» не почтительно, но, можно ли подвергать опасности целый караван?

Когда гонец оказался у выхода из комнаты, под его стопу ловко забежала мышь. Он наступил на серое создание, отчего сразу отпрыгнул назад. Не очень удачное приземление было встречено жёстким ударом. Затылком Лексан стукнулся о край стола, отчего потерял сознание.

Сильная тряска привела гонца в чувства. Он ещё не открыл глаз, но с ужасом понял — началось то, о чём его предупреждали ночью. Его одолела паника, но как же Лисик? Он ведь не сможет позаботиться о себе. Он так мал, совершенно не готов к подобному. Лексан собрался с мыслями и резко раскрыл веки. Каково же было его удивление, когда причиной тряски оказались две маленькие руки. Полевик проснулся совсем недавно. Увидев, что его друг лежит без чувств на не привычном месте, он стал изо всех сил приводить его в себя. И результат, как оказалось, был достигнут.

— Ты ошалел? — воскликнул Лисик, — зачем ударился? Вон там кровь!

Лексан был тронут подобной заботой. Он так обрадовался, что именно Лисик вызвал тряску, что потянулся к полевику и обнял его.

— Ну ты чего? — поинтересовался полевик, — крови испугался? Смотри, — он протянул руку и намазал немного крови на палец, после чего стал показывать гонцу, — вот, она совсем не страшная!

Лексан засмеялся. Полевик совсем не понимал, что происходит. Но решил не сопротивляться. Лексан разжал объятия и посмотрел на Лисика.

— Я очень рад, что ты пересёк реку за мною вслед.

— Ты же друг мой, Лексан, помнишь?

— Да. Да, помню.

Из ниоткуда донёсся громкий вопль. Вслед за ним последовал удар, от которого вокруг всё загремело. Это было не сном, вечернее предсказание сбылось. Звон в ушах стал давить на содержимое черепов. Шатёр раскачивался, как флажок на порывистом ветру. Лексан схватил сумку и потянул Лисика за собой к выходу. Тяжёлый грохот сменялся пронзительным визгом. На выходе из шатра, ткани стали разрываться, сваи и поперечные балки разлетались в щепки, будто их рубили топорами. На платформе снаружи от шатра ситуация выглядела куда страшнее — алифант, направляющий остальных, провалился в огромную расщелину посреди скал. Торчащая кость сочилась и обильно увлажнялась неиссякаемым водопадом струящейся крови. Животное ревели, отчего закладывало уши. Несчастный зверь пытался достать окровавленную конечность, но чем больше усилий он прилагал, тем шире и глубже становилась непомерная рана. Маленькие смуглые человечки суетливо пытались что-то предпринять. Но как только большая часть из них оказалась у начала каравана, замыкающий алифант взревел. Лексан быстро обернулся и увидел точь-в-точь повторяющуюся картину: яма, кость и кровь.

Ужас охватил путников. Они совсем не понимали, что делать. На помощь никто не стремился, но оставаться на разрушающейся платформе было нельзя. Лексан попросил полевика следовать за ним. Мост мотало от края к краю, так что ступить на деревянный подстил было крайне сложно. Лисик вцепился в руку гонца, как в последний оплот надежды

на спасение. Лексан крепко сжал дрожащие пальчики. Всё вокруг разваливалось. Шатёр, недавно плотно прикованный к спине исполина, теперь раскачивался на падающей опоре. Алифант падал вниз, под облака расстилающегося тумана. Мост стал тянуться вслед за ним. Лексан видел этот ужас. Полевик прикрыл свободной рукой свою голову, он был охвачен паникой. Гонец не поддался страху, в таких случаях он всегда проявлял умение трезво оценить ситуацию; он взялся за полевика двумя руками и с силой бросил его к алифанту спереди. Лисик приземлился на спину зверя и ухватился за кол, который был вбит в спину алифанта.

Юноша бросил взгляд в бушующую пропасть. Тут же, повернувшись к небу, он сделал глубокий вдох. Пара шагов назад, ужас, сжимающий нутро, и холодный пот. Пара мгновений, чтобы решиться, пара мгновений, чтобы попроситься. Прощаться, но с кем? С маленьким полевиком, который рассчитывает на тебя? С матерью, которой совсем не помнишь? Отцом, которого никогда не видел? Или же с ней, маленькой девочкой с важным видом?

Новый толчок, зверь под ногами вот-вот упадёт, как огромное дерево, сражённое молнией.

Лексан разбежался, оттолкнувшись от катастрофы за спиной, он устремился вперёд, как лань перепрыгивающая длинное русло реки. Гонец «приземлился» удачно. Всё тряслось и разрушалось. И вот она, маленькая ручка, которая надеется на человека впереди. Пальчики тянутся к своему единственному спасению. Лексан хватает малыша и подтягивает его к себе. Лисик жмётся к ногам друга, по его щёчкам текут большие капли. Лексан не представляет, как они выберутся из преисподней, развернувшейся кругом. Но вот она, дорога спасения. Смуглый юноша на другом краю зверя машет им, он зовёт их, он спасёт их. Лексан делает шаг вперёд, и как по зову, на спину юноше падает тот самый кол, разломанный тяжёлым ударом. Немного придя в себя, гонец увидел бревно, давящее сверху. Но настоящий ужас охватил его, когда он увидел полевика. Лисик висел на краю спины алифанта, маленькие пальчики едва удерживались за огромный канат. Лексан не мог допустить падения друга. Он обещал быть рядом, он обещал помогать и защищать. И вот он, шанс доказать, что слова посла царской воли стоят хоть чего-то. Бревно поддалось, словно отдавая дань уважения к стремлению гонца. Юноша подполз к краю, он стал протягивать руку. Лисик не плакал, в его глазах блестела уверенность в своём товарище. Лексан придёт за ним, он всегда поможет ему, малыш верил в это, он это знал. Гонец стал тянуть руку, Лисик, нисколько не мешкаясь, сделал то же самое. Абсолютное доверие, его никак нельзя подорвать. Как только Лисик сделал последний рывок к спасительной ладони, над ним возникла безмерная тень отчаяния. На спину Лексана упал второй кол. Юноша припал к толстой коже зверя. Лисик, понимая, что отпустил канат, стал погружаться вниз, в пучину. В душе маленького существа погасло пламя, он смиренно принял судьбу, он не сопротивлялся, а просто летел в бездну неведомой высоты. Лексан смотрел во след полевика и его сердце застонало, как тысячи пылающих поленьев. Нет, он не знает, как малыш окажется на земле, он не видел его гибели и не может быть уверен, но сейчас, когда перед глазами... Когда перед глазами в пропасть падает вся твоя честь, у тебя не остаётся уверенности ни в чём. Вместе с маленьким существом, в бездну падали его обещания, в первую очередь, данное себе самому. Он видел, как крушилась вся жизнь, ведь она была связана с полевиком напрямую — сейчас она исчезала под покровами пыли, поднятой расколом каравана.

Лексан стал тонуть в собственном отчаянии, его поглощала мгла безумия и страданий. В какой-то момент он стал терять сознание. Может быть это не худшее, что может

произойти? Может, пора оставить этот беспощадный мир и направиться к предкам? Там он сможет увидеть мамины глаза, прижаться к ней, возможно повалив на землю и никогда больше не расставаться с той, кого ему не хватало так долго. И отец будет ждать его на том берегу, Лексан извиниться, что не смог сделать в жизни что-то стоящее, но папа всё поймёт, он будет не просто рядом, он будет с ним, на его стороне, только так и никак иначе. И старик Морвас покашляет, увидев парня и похвастается шрамом, полученным в дуэли с более молодым противником. И Лисик будет там. Пожалуй, это не худший вариант, да, пожалуй, так и есть.

Когда гул стих, вокруг воцарилась безмятежная тишина. Тьма перед глазами совсем не пугала, напротив, она успокаивала. Когда гонец приготовился к долгожданной встрече, где-то снаружи послышался шорох, будто кто-то шмыгает по его карманам, когда юноша открыл глаза, он убедился в этом окончательно...

— Ну, зато кафтанчик моего размера, — причитал Бриннэйн, положив глаз на красивые одежды.

— Не может быть, — воскликнул Лексан, что есть сил, — это правдой быть, ну никак не может!

Будто уворачиваясь от летящей стрелы, Бриннэйн отскочил назад и приземлился на копчик. Двое людей одновременно попытались встать, так же одновременно они ухватились за спины и завопили.

— Вы живы! — проскользнуло между стонами из уст Бриннэйна. — Кажется, я повёл себя бестактно.

Лексан морщился от жжения в каждой части тела. Он с трудом мог собрать воедино произошедшее накануне. Когда внутренняя гроза немного стихла, он сумел воссоздать последние события. Невиданная до сих пор боль ворвалась в его сердце. Он словно видел маленько Лисика, его ручка тянулась к гонцу, он должен был ухватиться за неё, он должен был спасти друга. Гонец бессильно расслабил тело. Он лежал не подвижно, он будто ждал чего-то, чего-то совершенно не зависящего от его действий. Можно сказать — дождался.

Бриннэйн, до этого корчащийся на подушке из листвы, приподнял голову и заметил, что гонец не движется. Даже дыхательные движения места не имели.

— Видно, кафтан придётся всё же снять.

И в самом деле: узник стал аккуратно приподнимать ослабленное тело, попутно вытягивая рукава, расстёгивая одежду. Лексан бы с лёгкостью оставил всё как есть, но одна мелочь не давала покоя: Бриннэйн всё время что-то бормотал себе под нос. Когда терпение совсем иссякло, Лексан тихонько повернул голову к уху грабителя и прошептал:

— Если бы вы бормотали в рифму, я бы, возможно, даже захрапел.

Бриннэйн уронил гонца в листву и покашлял. Лексан не возмущался, он не сопротивлялся, в надежде, что беглец остановит страдания. Он рассчитывал, что Бриннэйн затаил где-нибудь острый стилет, он надеялся, что узник хотя бы возьмёт большой булыжник и размажет содержимое головы гонца по лесному настилу. Бриннэйн приблизился к юноше, он опустил на корточки и похлопал по запыленной одежде:

— Вы, кажется, ещё не совсем поняли. Вы живы, посол княжеской воли.

«Он узнал меня» — заключил гонец, выдав вслух лишь — И что?

— Мне кажется, до вас не дошло моё маленькое послание. Вы, случайно, не обнаруживали в своих покоях маленькое млекопитающее.

Естественно, он говорил о мышинной почте. Ну зачем он так усложняет предложения?

Чего ему нужно от истерзанного юноши? Лексану становилось всё хуже, он просто не мог выносить биения собственного сердца. Уставший от собственных проступков, он желал лишь упокоения. Как раз это помогло ему обратиться к узнику с огромной просьбой:

— Господин Бриннэйн, вы ведь помните наше знакомство?

— Конечно, помню.

— Вы порядочный человек, как мне кажется. Поэтому я бы хотел попросить вас об услуге.

— Я слушаю вас.

— Как долго человек может терпеть?

— Следует учитывать какой человек, какие цели преследует.

— Нет, нет, — голос гонца был низок, его слова наполнялись тяжёлым грузом, — как долго человек может терпеть, если каждое последующее действие становится неверным?

— Человек устал терпеть?

Лексан прикрыл глаза. Он нахмурился, стиснул зубы. Сброшенная с высоты каравана душа металась в поисках умиротворения.

— Если вы сделаете это быстро, моя благодарность будет вечной.

Послышался шорох. Лексан не открывал глаз, он бесшумно ожидал отклика к своей просьбе. Бриннэйн отошёл куда-то в сторону, вновь послышался шорох. Твёрдый шаг по сухой листве предвещал исполнение желания. И вот беглец остановился над надломленным телом. Гонец кивнул один единственный раз, и Бриннэйн поднял руки над головой юноши. С силой он бросил в лежащего предмет... Но это был совсем не камень!

Лексан молниеносно отреагировал на удар по груди — на его запыленном кафтане лежала дорожная сумка. Он перевёл взгляд на бывшего заключённого, и из глаз чуть выступили слёзы. Снова взглядываясь в суму, гонец прошипел:

— Я же попросил об одном, за что ты так со мной?

Бриннэйн ответил, ничуть не переходя на снисхождение:

— Надо же, мы — таки уже перешли на «ты». Тем лучше. Как-то, господин посол княжеской воли, вы, откровенно бодро среагировали на удар, для человека, уставшего терпеть.

Лексан наполнялся гневом. Вместо последней реальной помощи, этот умник решил почитать нравоучения!

— Откуда тебе знать, как сильно я устал? Почему ты не сделаешь этого? Почему не избавишь меня от дальнейших провалов? Чего тебе это стоит? Можешь снять с меня одежды, в сумке есть то, что ты можешь выгодно обменять или продать. Бери всё, и заверши начатое.

— Завершить начатое? — задумчиво спросил Бриннэйн. — Я могу сделать это, не убивая тебя, так сказать, не брать грех на душу.

— Неужели ты столь жесток. Я был дружелюбен с тобой. Почему ты не можешь поступить так же?

— Наверное, ты всё же прав. — Произнёс Бриннэйн. — Пожалуй, начатое следует завершить.

Гонец испытал облегчение. Он, наконец, добился своего. Как только беглец приблизился к нему, юноша уверенно произнёс:

— Только не мешкай!

— Не стану, — сказал Бриннэйн и оторвал расслабленное тело от земли, к которой Лексан практически прирос.

— Что ты вытворяешь? — громко возмутился гонец.

— Пора закончить начатое. Пора проявить дружелюбие. — С этими словами Бриннэйн перехватил гонца, забросил его к себе на плечи (что оказалось довольно странно, ибо лохматый заключённый был худ и бледен) и направился вперёд по заросшей тропинке.

— Немедленноними меня! Немедленноними меня! — кричал, что есть мочи Лексан, стараясь вырваться из крепкого хвата.

Ослабленный голодным содержанием за решёткой, Бриннэйн всё же уступил и поставил гонца ногами на землю. Лексан мог стоять с трудом, но не падал. Тяжело дыша, он оттолкнул беглеца от себя и быстрым поворотом на месте настиг собственную судьбу: из-за резкого разворота он стукнулся головой о ствол стройного дерева и вновь потерял сознание.

Пробудившись на плечах, несущих гонца по тропинке, Лексан безвольно повесил нос. Что же, он был не в силах сопротивляться. Раз уж судьба не желает его гибели сейчас, он разберётся с этим позже. Подходящий случай будет. Он всегда находится.

Когда солнце совершенно скрылось, а силы путников сошли на «нет», перед глазами возникло поместье посреди опушки. «Здесь можно будет переждать ночь», заключил Бриннэйн, ощущая всю тяжесть работы несчастных лошадей.

Лесной дом оказался весьма приличным местом. Свободные просторные комнаты были заставлены добротной мебелью. Прибранные залы не походили на места в глухом лесу. Здесь было приятно находиться, несмотря на нависающую темноту. Бриннэйн усадил гонца на пол, Лексан прижался к стене. Узник поправил положение тела юноши так, чтобы он не сполз вниз, как брошенная тряпка.

Лексан не мог соображать трезво. Его голова всё ещё сверкала вспышками недавних событий, всё сильнее нагружая его тяжестью несбыточных обещаний.

В отличие от мук гонца, Бриннэйн, напротив, был полон сил. Казалось, что он и не терпел крушения. Будто сошёл до начала падения каравана и даже выспался, хорошенько отдохнул. Узник рылся по комодам и полкам в поисках хоть какого-нибудь источника света. Всё происходило в одной комнате. Её внушающие размеры были достаточными, чтобы остаться тут на ночь вдвоём. Однако, Бриннэйн посчитал необходимым найти хозяина. Представиться и остаться здесь на правах гостей, а не взломщиков. Когда подсвечник был найден, Бриннэйн взял в руки кресало. Кремень выдал искры над фитилём. Когда свеча зажглась, комната стала на порядок светлее. Лексан даже слегка прищурился, увидев свет, разливаемый по стенам до потолка. Бриннэйн вернулся к гонцу и предложил сесть в кресло у камина. Лексан не сопротивлялся и просто устроился на мягком подстиле из шкур, безучастно глядя в пустую каминную темноту.

Бриннэйн направился в соседнюю комнату, она оказалась спальней.

— Я просто не могу отказать себе в удовольствии, — прошептал бывший пленник и завалился на мягкие перина.

Ворочаясь, как избалованный дворянин, он всё же оставил упоение от мягкой постели и двинулся дальше. Какой бы чистой и ухоженной не была обстановка, дом выглядел мрачно. Приглядываясь, Бриннэйн стал замечать пыль на комодах. Местами погнившую древесину и потресканные полы. Чем глубже в темноту уходил бородатый мужчина, тем сильнее сгущался мрак. Чувствуя не самый приятный запах, он периодически пытался связаться хоть с кем-то, желая найти хозяина поместья.

На входе в очередное помещение, проходя вдоль стены, он споткнулся о что-то растянутое на полу. Падение было громким, подсвечник с горящим огоньком разлетелся по

всей комнате, а воск свечи попал как на Бриннэйна, так и на того, кто лежал на полу. Удивительно, но свеча не потухла. Отряхнув голову, Бриннэйн потянулся за источником света. Со свечой в руках, он повернулся к тому, из-за кого оказался на полу. Это был парень, смуглый (хотя, возможно, из-за темноты кругом, так могло показаться), с кудрями чёрных волос (опять же, возможна неверная трактовка из-за темноты) и с испуганными глазами. Бриннэйн был невозмутим, юноша, напротив, выглядел, как загнанный заяц на охоте.

— Добрый вечер. — Сказал Бриннэйн, с присущим дружелюбием. — Полагаю, вы не хозяин поместья?

Кудрявый парень с трудом смог помотать головой.

— Хотите знать, как мне удалось это выяснить?

Юноша кивнул, не моргая.

— Хозяин, как правило, спит не на полу в дальней комнате, а на кровати. Особенно на такой кровати, которая столь нежна и ласкова, как та, что стоит в спальне. Логично, согласны?

Парень всё ещё был напуган, он не понимал, чего от него хотят. Поэтому просто кивал, ожидая следующего вопроса.

Неожиданно дверь открылась, и в комнату вошёл Лексан. На услышанный вопрос, он озвучил свою версию:

— А что, если хозяин пьян?

На неожиданное появление Бриннэйн среагировал приятной улыбкой. А незнакомец на полу... Незнакомец на полу потерял сознание.

Гонец обратился к старому знакомому:

— Значит, главу дома найти не удалось?

— Главу не удалось. А вот ногу дома, я на неё наткнулся быстро.

— Внешне этот юноша похож на тех, кто встречал путников каравана. Не могу сказать точно, но он мог быть и моим встречающим.

— То есть, бросить его здесь — это не вариант.

— Было бы не вежливо. Тем более очевидно, что хозяйина здесь нет. И уже давно. Давай уйдём камину. Я растопил в нём огонь.

Оказавшись в прихожей зале, господа расположили юношу в кресле, а сами отошли на поиски еды. Удивительно, но в кладовой, которая оказалась аккурат после каминной, нашлось немало припасов. Конечно, в основном съедобными были закатанные овощи и сушёные грибы, но этого вполне хватило, чтобы набить животы и оставить паёк на потом.

Бриннэйн снял ткань с гвоздя на стене и стал складывать туда провиант. Лексан проделывал то же самое, но укладывал еду в свою сумку. Бриннэйн остановился на секунду и протянул руку к гонцу. Посол княжеской воли обернулся и увидел знак царского причастия. Лексан не доверительно нахмурился. Бриннэйн пожал плечами:

— Это было присвоено до того, как я нащупал пульс.

Гонец смотрел на свет, отражаемый в золотом кулаке. Он не стал забирать ценную вещь, а просто отвернулся и продолжил складывать провизию. Бриннэйн не смутился, он раскрыл сумку гонца и сунул предмет в боковой карман, выделенный для знака специально. Лексан сделал шаг в сторону.

— Это ваше, — сказал Бриннэйн, — по должности и праву. Как бы ни было, на вас ответственность. Мне кажется, вы сами это понимаете.

Лексан и вправду понимал. Ему было плохо. Тяжесть гнетущих мыслей становилась всё

непосильнее. Но он был жив. Он был здесь, сегодня, сейчас. В сумке находилось его задание, а рядом стоял человек, не желающий ему зла. Тонуший в пучине своих дилемм, он всё же не поддавался слепому отчаянию.

Бриннэйн видел, как юношу гложет нечто неведомое, поэтому он начал диалог:

— Вы, наверняка, задаётесь вопросом: откуда я мог знать о надвигающемся крушении?

Лексан сам хотел задать этот вопрос. Полагая, что Бриннэйн виновен в потере Лисика даже больше, чем сам гонец, он ответил: — Да.

— Полагаю, вы...

— Мы перешли на «ты». — Недовольно возразил гонец.

Бриннэйн несколько смутился подобной резкости, но не стал возмущаться и продолжил:

— Как бы ни было, я сделал всё, что мог. Мы здесь, у нас есть кров и пища. И я поступил по совести. Лексан, согласитесь... Согласись, не будь той записки, ты был бы погребён под огромными тушами алифантов.

— Значит, оказал мне услугу?

— А иначе это не охарактеризовать.

— А как же другие?

— Другие?

— Как насчёт всех остальных пассажиров каравана? Смуглые мальчишки, как тот, что сидит у камина сейчас, путники, направляющиеся в далёкие земли, стража и невинные люди в шатрах, о них ты не подумал?!

С неподдельным удивлением Бриннэйн посмотрел на своего собеседника:

— О чём ты говоришь? Ты головой так сильно ударился?

Лексан пришёл в ярость, он бросил суму на стол и схватил Бриннэйна:

— Ты смеешь шутить! Огромное число людей погибло из-за того, что предупреждён был только я! Твой побег стоил жизни многих, незаслуженно!

Бриннэйн был ошеломлён, он совершенно не понимал, о чём говорил гонец.

— Ты и вправду не знаешь?

— Чего я не знаю?

Бриннэйн стряхнул с себя руки Лексана и оттолкнул его ногой к столу. Затем поправил ворот своих лохмотьев и продолжил:

— Караван был пуст. Только два пассажира.

Лексан не верил услышанному. Такого не могло быть, никак.

— Это не правда! Как такое огромное транспортное средство могло быть пустым?

— Всё очень просто. Это государственный заказ.

— Что это значит?

— Ещё проще. Мы с тобой направлялись в одно и то же место.

— Тебя везли в Генмель, чтобы казнить?

— В Генмель? Тебе стоит прочитать свиток, лежащий в сумке.

Лексан удивился сказанному.

— Не надо на меня так смотреть, уважаемый. Это обычный человеческий интерес!

— Гонцам нельзя смотреть тайные документы, никому нельзя!

— Значит, сейчас ты в праве лишить меня жизни? Что же, не надо искать свой клинок.

Лексан и вправду не мог нащупать оружие.

— Он у меня. — Бриннэйн протянул лезвие в сторону гонца, Лексан качнулся. — Тебя

не просветлили о реальном месте назначения, не сказали зачем и куда ты едешь. И сейчас ты хотел покарать меня за тех, кто скрыл истину?

Лексан упёрся руками о стол и стоял неподвижно.

— Не порядочно угрожать мужчине оружием, отнятым в бессознании.

Бриннэйн подбросил клинок вверх, поймал за лезвие, и протянул его гонцу рукоятью. Лексан не доверительно смотрел на человека напротив и осторожно взялся за рукоять. Бриннэйн сделал шаг назад. Лексан не совсем понимал происходящего, сложно объяснить почему, но он шагнул вперёд. Резким рывком Бриннэйн подлетел к клинку, он выбил рукоять из некрепко держащей руки, и снова меч оказался у него.

— Вот теперь оружие добыто честно, теперь я могу угрожать тебе смело, не так ли?

— Уже не хочу показаться дураком, но не значит ли это, что ты решил выполнить мою просьбу?

— Забудь эти глупости. Уж не знаю, почему ты так расстроился, неужели так жалко животину?

— Если не знаешь чего-то, лучше промолчи.

Бриннэйн просто не смог сдержать искреннего смеха:

— Это, это говорит мне человек, который ехал в «Генмель»?

— Избавь от своего сарказма. Если надумал что-то сказать, то говори без утайки. Прошу, либо не тяни со словами, либо не тяни с расправой.

— Что ж. Коль ты так решил повернуть русло диалога. — Бриннэйн воткнул клинок в стойку. — Твой свиток говорит, что ехать тебе предстояло на север. Острова, которые остаются вне состава камнеземья. Судя по всему, в тех краях находится личность, которая должна сыграть серьёзную роль в надвигающемся будущем.

— Ты дочитал до конца?

— Я терпеть не могу ваш почерк. Как — будто пьяная курица с отрезанными лапами писала, казалось бы, столь важный документ. Но, смело заявлю, я осилил. Тебе этот текст дастся легче.

— Принципами пренебрегать не стану.

— Это точно. Но я не гонец, даже не гражданин Кивского покрытия. Дорогой мой Лексан — я, ты и свиток, лежащий в твоей сумке, ехали к самому сердцу северных островов. А это, если география не трахнула тебя гранитным булыжником по голове, прямо противоположно Генмелю.

Лексан не мог так легко поддаться словам беглеца. Но Бриннэйн выглядел крайне уверенно. Сомнения рассыпались в его голове, попадая в самые глубокие закуточки.

— Допустим, я поверю тебе. Пусть ты прочёл нечто такое, что могло надоумить на подобное. Как возможно всё подтвердить?

— Проще простого — разверни свиток.

— Я же сказал, что не могу! — из последних сил выдавил гонец сквозь зубы.

Бриннэйн горько выдохнул. Он уже не знал, как добиться доверия. Но, неожиданно, его посетила достойная мысль:

— Парень у камина!

— Что с ним? — поинтересовался гонец.

— Парень у камина, до камина, был на полу верхнего этажа.

— Какая разница? — снова воскликнул Лексан.

Бриннэйн подался вперёд:

— А до пола на втором этаже, он был в лесу. Но, как смуглый юноша мог попасть в эту столбовую чашу?

— Караван.

— Караван!

Оба быстро собрали найденное и направились в комнату с новым знакомым. Проходя мимо бесчисленных пыльных шкафов, Бриннэйн остановился.

— На моей памяти, тот парнишка без сознания.

Лексан остановился и посмотрел на Бриннэйна, как на откровенного дурака.

— Каким образом ты смог сделать столь невероятное заключение?

Бриннэйн не отрывал взгляда от приоткрытого шкафа, внутри которого виднелись края роскошных одежд.

— Сарказм — это признак здорового ума. Я хотел бы попросить тебя об одном. — Он протянул горящую лампу гонцу и потёр ладони.

— Скажи, что это неудачная шутка?

— Даже если бы и была шутка, — он обернулся к гонцу, — то крайне и крайне забавная.

Лексан возмущённо фыркнул, он стал вертеться на месте. Но Бриннэйну, кажется, до этого не было никакого дела, он страстно рылся в шкафу, разыскивая подходящий размер:

— Поднеси свет ближе, я не могу отличить марсал от цвета красного вина в этой темноте! — голос беглеца выдавал настоящее недовольство...

Лексан поморщился, немного сжал губы и подошёл поближе. Бриннэйн резко оторвался от своего занятия и точными твёрдыми движениями поправил гонца так, чтобы свет падал аккуратно на ткани в гардеробе. Лексан поддался этому сумасшествию, он решил, что спорить будет бесполезно.

— Так, — почесал затылок Бриннэйн, — это слишком тёмное... Ах, да! Это подойдёт. О, нет! Всего четыре пуговицы! Какой отврат! — он отшвырнул неудобное одеяние. Когда же, по его мнению, был найден наилучший вариант, он покрутил пальцем перед собой, обращаясь к гонцу.

— Это снова не смешная шутка? — поинтересовался Лексан.

Бриннэйн поджал уголки рта и покривился, указывая на свою «серьёзность». Лексан отвернулся, на что Бриннэйн воскликнул:

— Свет держи на уровне!

Лексан громко и недовольно выдохнул. Бриннэйн стал шуршать за спиной гонца и, закончив, похлопал юношу по плечу. Лексан обернулся и увидел совершенно другого человека. Тёмно красные тона на приталенном пиджаке с серебряными запонками, брюки чёрные, как глаза Бриннэйна, совершенно не ношенные кожаные сапоги. Всё выглядело очень опрятно, всё было действительно подходящим для Бриннэйна, разве что размеры одежды были несколько больше, чем ему требовалось. Выходит, он не зря так долго копался среди этих тряпок. Но всё же... Как именно относиться к этому человеку гонец всё же не мог решить.

— Теперь, когда ткани более-менее ближе моему нежному нутру (Лексан вдруг вспомнил, как беглец выбил меч из его руки), мы можем поприветствовать нашего гостя.

— А разве мы здесь тоже не гости?

— С точки зрения человеческой логики — мы пришли вторыми, но с точки зрения Камнеземной логики — нас больше и мы сильнее.

Пока мужчины проходили через тёмные залы, Бриннэйн расчёсывал волосы и бороду на

ходу. Лексан недовольно косился на него, но Бриннэйн на это не уделял внимания. Когда они оказались у предпоследней двери, ведущей к каминной, Лексан остановился.

— Тебя смущают волосы, летящие за нами вслед? — выдал Бриннэйн.

— Нет, не они. — Гонец протянул руку к углу стоящего стола. — Вот эти.

Бриннэйн поднёс лампу к его руке. Большим, указательным и средним пальцем Лексан сжимал клочок ровных чёрных волос. Волокна были жёсткими и тёплыми. Бриннэйн взял их в свои руки, помял немного и понюхал их, держа перед собой.

— Это похоже на медвежью шерсть. Однако...

— В чём дело?

— Слишком длинные и... слишком чёрные.

В комнате прямо перед ними послышался шорох. Свет огоньков в лампах пошатнулся и по ногам прошёлся ледяной ветерок. Они остановились. Стали прислушиваться, минуя шёпот собственного дыхания. Тишина.

Тихой, бесшумной поступью они приблизились к двери. Из каминной комнаты не было слышно ни единого звука. Сейчас, когда в руке Бриннэйна был клочок неизвестной шерсти, а в доме воцарилась могильная тишина, они чувствовали себя беспомощно. Не способный выдержать гнетущей тишины, Лексан взялся за ручку приоткрытой двери. Бриннэйн остановил его и прошептал:

— Только вслушайся.

Через гущу непроходимой тьмы, залитой пустым помещением на пелене смердящей тишины слышался дрожащий звук: Т-с-с-с-с-с.

Лексан всё же открыл дверь, которая поддалась без скрипа. Когда тяжёлая ограда распахнулась, перед спасёнными от крушения предстала чудовищная фигура, заслоняющая очаг камина.словно огромный чёрный медведь закрыл собой кресло, в котором лежал бессознательный юноша. Существо было напряжено, оно твёрдо стояло на ногах, шерсть или... волосы, густо покрывали тело неизвестного, но не ступни. Когда Лексан присмотрелся, то стал узнавать черты, описанные стариком Морвасом в корчме. Существо расслабилось, Бриннэйн и Лексан, напротив насторожились. Лохматое создание медленно повернулось к ним и гонец увидел точно описанный силуэт: медвежье туловище с людскими ступнями, плечи, переходящие в руки с двумя длинными пальцами и лицо, оно было приподнято вверх, но совершенно точно — оно было человеческим! В глазах едва виднелся зрачок, ибо они были закатаны кверху и выглядели абсолютно сухими, лицо сплющенное, будто лик бледного трупа, рот был приоткрыт и выдувал едва слышимый ужасный скрип: — т-с-с-с-с...

Бедняги были ошеломлены, их словно прибили к гниющему полу. Раскрыв свои покрасневшие от притока крови глаза, они ловили каждое движение в комнате. Существо стояло неподвижно, испуганные юноши стояли так же. Но когда за спиной чудовищного бирюка упал юноша, существо стало двигаться к двери. Кресло повалилось на пол, и гроза в окне показала ужас, застывший на выпученных глазах ничего не подозревающего юноши. Его лицо было красно-синим, глаза совершенно не вмещались в глазницах и язык свисал изо рта, залитого густой пеной. Гром ударил в свои дьявольские барабаны и тварь двинулась к ним, прихрамывая на каждую ногу, оно тянуло свои уродливые пальцы к ним, выдавливая из себя лишь: т-с-с-с-с.

Лексан и Бриннэйн стали отходить, они стали набирать ход и в итоге бежали вглубь дома. С каждой новой комнатой всё сгущалась беспробудная тьма. Вот, казалось, что

следующая дверь будет последней — но нет. Каждая новая комната походила на предыдущую. На полном ходу они, периодически, оборачивались: вот лохматая тварь далеко в конце залы, но как только открывалась следующая дверь — она оказывалась прямо за их затылками и был слышен мерзкий, ужасный: — т-с-с-с-с!

Они мчались вдаль, по пустынным залам, бирюк настигал их с каждым новым проходом. Бриннэйн зацепился за край деревянной вешалки и обронил свою лампу на высохший древесный пол. Стрекотанием тысяч сверчков застонал огонь под ногами. Пламя моментально разлилось по всей комнате. Бриннэйн и Лексан остановились, чтобы осмотреться. Сразу за ними следовал бирюк. Его шкура пылала в раскалённой ночи, бледное лицо стало пузыриться, а глаза плавилась, как смола в костре. Он продолжал следовать за ними, сквозь горящие губы выходило омерзительно пронзительное: т-с-с-с-с!

Гонец потянул Бриннэйна за собой, спеша вперёд, к следующей двери. На их лицах разгуливал ужас, дошедший до того, что оба не могли нормально дышать. За дверью оказалась такая же горящая зала, и следующая, и другая и каждая-каждая комната были объяты пламенем и дымом. Выбиваясь из сил, они всё же рвались вперёд.

— Неужели, все эти двери ведут в бесконечные лабиринты, и мы будем бежать здесь, пока не сгорим заживо? — воскликнул Бриннэйн, на которого стал сыпаться горящий потолок.

Лексан не останавливался, он смотрел по сторонам и понимал, что впереди нет выхода. Эта тварь не из мира людей и дом с его тайной тоже. Лексан продолжал мчаться прочь от кривых пальцев горячей твари, он задыхался от надвигающегося дыма и вот, отворяя новую дверь — его осенило.

Гонец остановил Бриннэйна. Он посмотрел на беглеца и сказал так громко, чтобы суметь превозмочь пожар:

— Если каждая следующая дверь несёт лишь тупик...

— Значит, — ворвался Бриннэйн, — в предшествующей может оказаться выход!

Стоя посреди раскалённых стен, они обернулись. Бирюк шипел, став огненным демоном в своей ужасной обители. Бриннэйн толкнул Лексана в одну сторону, оббегая тварь с другой, пока неповоротливое чудовище пыталось схватить кого-то, они проскочили в предыдущую дверь. Их умозаключение было верным! В конце новой горячей комнаты был виден выход. Оба переглянулись, они кивнули друг другу и рванули, что есть мочи вперёд. Но горящая тяжёлая рука схватила Бриннэйна за горло. Беглец пытался выбраться, но сила пылающей твари не стихала. Лексан не стал долго стоять, он ощутил небывалый поток кипящей крови в своих жилах, разогретой огнём. Он срубил два мерзких пальца с руки бирюка. После чего, он схватил Бриннэйна под руку и повёл к выходу. Перед самым спасением им на глаза попался камин, перед ним стояло кресло с горящими шкурами, а на полу самого очага лежал жуткий труп, испуганный и отчаянный.

Когда они сумели выбраться, за спинами напуганных людей брызгал фонтан огня. Объятые пламенем поместье было огромным, ужасный хруст горящих стен и мебели пресекался со свистом бушующего дыма. Когда крыша дома обвалилась во след беглецам ледяной ветер донёс громоздкое скрипучее: Т-С-С-С-С!!!

Лексан и Бриннэйн свалились с ног в сухую траву. Они лежали на спинах и смотрели на догорающее пепелище. Бриннэйн потирал шею в месте мёртвой хватки бирюка. Гонец откинулся на спину и приложил ладонь ко лбу. Бриннэйн морщился от боли и не мог нормально говорить. Он посмотрел на своего спасителя и бросил гончую сумку в Лексана.

— Главное, чтобы в привычку не вошло. — Прошипел беглец, еле выдавливая из себя звуки.

Лексан увидел принадлежащую ему вещь и протянул к себе:

— Что не вошло в привычку?

— Спасать друг другу задницы. — Бриннэйн принюхался, повернувшись он увидел как штаны почернели в месте ягодич, — горящие задницы.

Эти нелепые и неуместные шутки пробрали освобождённую от застоя душу Лексана и он искренне засмеялся, Бриннэйн тоже попытался поддержать инициативу, правда, звуки, которые он стал издавать больше походили на кашель подыхающей дворняги. Это рассмешило гонца ещё больше.

***

На том же месте, много времени спустя.

Егерь прохаживался со своим терьером по окрестностям столбовой чащи и набрёл на поросший тростником сгоревший дом. Хотя крыша была обрушена, а внутри всё давно исчезло под покрывалом бурьяна — позади основного здания виднелась круглая деревянная крышка под которой оказалось нечто вроде подвала. Путник прошёлся по руинам и смог обнаружить несколько вещей, представляющих ценность. Когда прогулка под открытым небом наскучила, он решил заглянуть под деревянную крышку. Он смог в одиночку поднять деревянный настил, и действительно — вниз спускались ступеньки, ведущие в темноту. Егерь привязал пса к ближайшему дереву и зажёл факел. Он оставил кожаную сумку около собаки, погладил её по вытянутой морде и стал спускаться вниз. Пёс суетливо метался из стороны в сторону, теряя хозяина из вида. Егерь осилил все ступени и увидел сквозь свет факела не маленькое помещение. По сторонам у глиняных стен стояли деревянные столы и виднелись полки. Удивительно, но место было пустым и очень холодным. Егерь прошёлся дальше, оглядываясь по сторонам. Он засмотрелся на одинокий предмет, лежащий на полке, почти в самом конце помещения. Не долго думая, он подошёл к неизвестному предмету, вложил не яркий факел в левую руку и взял твёрдый округлый предмет с полки. Когда путник приблизил его к огню, чтобы рассмотреть поближе, он тут же обронил иссохший человеческий череп. Обернувшись, чтобы поскорее покинуть неприятное место, он стал очевидцем страшной картины: в самой-самой глубине помещения располагались скелеты, которые были вбиты в стену из глины с помощью толстых чёрных гвоздей. А гвозди эти находились прямо в центре их лобных костей. Несчастный путник посчитал, что ему здесь не место, что здесь он может наткнуться на тайну, которую не хочет знать; поэтому испуганный егерь сразу обернулся, дабы направиться восвояси. Прямо перед ним, закрывая собой выход наружу, стояло чудовищное существо с медвежьим туловищем, искажённым человеческим лицом и двумя длинными пальцами на каждой руке. Этими самыми пальцами бирюк впился в горло егеря, лишая его жизни с каждым мгновением. Пёс, привязанный снаружи лаял, что было мочи. Животное слышало стоны своего хозяина и не знало, как помочь ему. Сумев вырваться из оков непрочного узла, собака помчалась в подвал. На грязном полу лежало тело егеря с застывшим на лице ужасом. Пёс стал обнюхивать хозяина, толкать его. В конце концов он стал лаять, как можно громче, желая разбудить убиенного. В самом разгаре собачьего порыва, у входа послышался лёгкий шорох. Пёс перестал лаять, опустил голову и пригнул уши — он беспомощно скулил, медленно поворачиваясь к выходу. Свет факела, оказавшегося на полу совсем иссяк, и в последних его вспышках в подвале донеслось леденящее душу: т-с-с-с-с...

Глава 3. Праздник.

Столица готовилась принять новое главенство. Валераса наряжали несколько мастеров швейного дела. Следует уточнить — все они были исключительно мужчинами...

Именитые господа снимали мерки и предлагали пуговицы из чистой слоновой кости и кожаные манжеты. Валерас был увлечён, ему доставалось столько внимания — это поглаживало его самолюбие. И дядя был с ним ласков. Мегандер всё чаще указывал на его важность, на его большое и светлое будущее.

В день возложения венца на голову молодого Кроллима, лишь один человек заседал в полном молчании. Василий не выходил из кабинета Святослава. Когда-то это место принадлежало Камнеземному чудовищу, отцу правителей — Кондру. Он бродил глазами по стенам: в самом центре висел шлем царя Линаина, которого, по поверьям, Кондр сперва утопил, после чего приказал сжечь останки; слева от потемневшего шлема висело чучело любимого кота императрицы Извиры — говорили, что единоправитель заколол правительницу в собственной ложе и скармливал её нежную плоть любимому питомцу. По краям, выше и ниже виднелись трофеи кошмарного завоевателя. Пусть крупные владения и доставались без особого сопротивления, Кондр оставлял свой жёсткий след на каждом покорённом куске земли, прочно оставляя за собой право называться Чудовищем Камнеземья.

Покровитель Могилы хмуро высматривал дефекты, выведенные на трофеях временем и его легендарным отцом. Как сильно всё изменилось с их последнего разговора. Насколько сильно отличается нынешнее положение дел от задуманного Кондром? Неужели, Святослав на самом деле потерял? Как могло быть, чтобы великий Клин, самый настоящий наследник своего отца так легко сошёл с полотна сегодняшней истории? Василий не мог уложить этих фактов в голове. Он считал, что брат не списан со счетов, что в момент, когда всё будет очень плохо, Святослав распахнёт двери собственной светлицы и вернёт своё законное право на трон.

Анфиса постучала в кабинет и вошла, не дожидаясь ответа. Василий доверял ей больше всех и просил держать в курсе всего происходящего. Девушка осторожно, но поспешно подошла к столу князя и поприветствовала его отточенным поклоном. Василий указал ладонью на стул, стоящий напротив него. Советница присела на край, не скрывая своей стойкой осанки.

— Господин, сегодня наступил тот день.

Василий поджал брови и ответил:

— Время быстро достигло нас. Моё присутствие необходимо?

— Боюсь, ваше отсутствие будет расценено, как неуважение...

— Скорее, как неповиновение. Я буду готов через несколько минут.

Когда Анфиса дождалась Василия в коридоре, то, мягко говоря, она была удивлена. Князь выглядел ещё мрачнее, чем когда-либо. Кажется, он нашёл в своих закромах самые чёрные одежды, облачился в них и был готов идти на похороны.

Увидев не самый одобрительный взгляд, он спросил:

— Слишком мрачно?

— Не слишком...

Василий видел смущение в глазах милой девушки. Он развернул воротничок своего пиджака. Внутри воротника ткань была светлой, покроя более нежного, чем грубый Могильский шов. Анфиса улыбнулась, но не совсем была довольна. Василия не интересовало

его одеяние. Главным было то, чтобы под капюшон не проник свет осеннего солнца и люди не стали свидетелями маленькой внутрисемейной тайны. Той тайны, которую Василий до сих пор успешно скрывал.

Царский двор был усеян разного рода гражданами. Многие приехали из далека, дабы воочию убедиться в тотальной смене правительства. Семейство Кроллим, в их привычной манере, было очаровано, прикованным к ним вниманием. Матушка Валераса, которая никогда не отличалась особым умом, но очень любила светские рауты, сегодня выглядела просто блестяще. Никто бы не посмел подумать, что эта дама, на склоне своей юности вышедшая замуж, уже успела овдоветь. Она была любима купцами и мужчинами благородных кровей. И, хотя, милая Барлиетта не смогла подарить кому-либо своего сердца, говаривают, что ключик от юбки обворожительной кокетки походил далеко не по одному двору. Вообще, заслуга семейства всегда крылась в их мужских членах. Отец Мегандера и Барлиетты был человеком богатым, как и его отец. Глава Кроллим закупал участки земель в тех местах, куда княжеская семья не решилась бы присесть «по большому». И Мегандер перенял все черты своего родителя, разве что, любовь к юным девам ему досталась не от папы.

Наряженная площадь близ царского двора кипела жизнью. Каждый уважающий себя гражданин Камнеземья прибыл на возложение к престолу новой крови. И это было не новостью. Дело в том, что Кондр и его наследие — это путь жёсткого завоевателя, путь крови и войны. Сейчас же, когда на смену звону мечей пришло понятие «политического диалога», его устаревшая манера правления многим приходилась не по вкусу. И пусть дети чудовища из камнеземья не были таким же воплощением человеческого гнева, они всё еще следовали пути грубой силы. Для многих приглашённых этот день был символом новой жизни.

Валерас вышел из подготовленной кареты и направился к пьедесталу, где его ожидали старейшины города. Среди них был и Мегандер. Юноша не выглядел уверенно, он вышел в свет, как запуганный заяц. Ему были чужды людские взгляды и общественный гул. Не выпуская из памяти своё последнее свидание с Ростиславом, он искал глазами своего «друга» в толпе. Княжеского сына не было на празднике, как не было и княгини. Взобравшись на сооружённую сцену, Валерас был сильно взволнован. Нельзя сказать, что ему не терпелось принять роль нового правителя. Он просто следовал словам дяди, который был единственным человеком, не наплевавшим на судьбу парня, как ему казалось.

Трубачи принялись выдувать марш. Барабанщики загремели на весь Кив, предвещая коронацию. Начались монологи всевозможных чиновников о том, какую ответственность придётся возложить на свои плечи юному Кроллиму, как они надеются на его поддержку и самоотверженность. Они хвалили Валераса за то, чего он ещё не сделал, но ведь не было ни малейшего сомнения в том, что он не подведёт отчизну и их, лично. Конечно, Валерас не слушал. Он глядел блестящими глазками то на дядю, который своим примером указывал на осанку, то на матушку, уже присматривающую партнёра на вечерний праздник.

Наконец, когда громкие слова были произнесены, старейший из ныне живущих, почитаемый всеми и уважаемый в каждом доме господин Омах, подошёл к краю платформы и произнёс слова, которые говорил и Кондру — завоевателю и Святославу. Считалось, что старейшина — Омах был старым всегда. Ибо не изменилась его личина и с той поры, когда правил князь Кондр.

Старик приподнял руку и весь народ сомкнул рты, даже младенцы на руках матерей

переставали плакать в такой момент:

— День, когда держава принимает нового покровителя наступил, — он говорил достаточно громко для своих тяжёлых лет на плечах, со стороны могло показаться, что из его уст летит пыль иных веков. — Пора сменяется порой, глава уходит и прорастает новая. Как на столы пиров приносится свежее, старое уходит в закрома. Но лишь одно неизменно.

Он повернулся к Валерасу, прошёл медленной поступью поближе и обратился непосредственно к нему:

— Лишь одно остаётся неизменным. Это клятва, блюсти которую Ваш священный долг.

Кроллим младший уставился на старика с опаской, он считал морщины на лице Омаха: три, четыре, двенадцать, им просто не было конца. Вовремя отвлëкшись, он услышал лишь конец речи старика:

— ... клянётесь ли вы оберегать страну, как своё собственное дитя?

Мегандер указал племяннику недовольным взглядом на старика и кивнул, одобряя действия, которые они вместе репетировали накануне.

Валерас поклонился, достаточно грациозно для своего веса, но всё же несколько нелепо. Старик потянулся к мечу, который давался в руки правителю, по указу, ещё со времён Камнеземного чудовища и протянул оружие, сверкающее на солнце.

— Прими отчизну в свои руки, дитя Камня и Земли, служитель народа, князь Кивский!

Валерас принял дар старейшины и визг толпы снёс его сомнения прочь. Валерас чувствовал себя гордо, он полагал, что заслужил такую награду. Он был единственным, кто этого заслуживает. Новый правитель обратился к народу, как его учил дядя на репетициях при слугах:

— Я горд называться монархом Камнеземья. Моё правление — это новая эпоха в жизни людей бескрайних равнин. Я клянусь защищать своих граждан, как членов семьи и оберегать их жизни, как собственную.

Древняя традиция гласила, что правитель, получивший опеку над государством, должен привнести в твердыню Камнеземных законов новое правило. Всё, что ни пожелает новый государь будет принято сиюсекундно.

Писарь, который был вечным спутником больших событий уже натёр перо и приготовил лучший пергамент из Кивского каштана. Валерас посмотрел на дядю, который благосклонно кивнул.

— За сим прозвучит мой первый указ в должности главы Камнеземья. — Его манера стала красноречивой. — Наша несчастная родина пережила многое, за историю становления Камнеземья было пролито много крови и сложено множество людских жизней. Все соседние государства отрекаются от нашей земли. В глазах близлежащей Эллеании — мы всего лишь застоялые дикари. Сегодня это будет изменено.

Люди в толпе стали перешёптываться, им стало казаться, что новый правитель одним своим словом присудит Камнеземью статус Эллеанской республики. Даже Мегандер, позволивший племяннику принять закон, без его обязательного мнения, был взволнован. Валерас продолжил, переходя на громкий тон:

— Сегодня и навеки! Граждане страны не будут подчиняться княжествам!

Все стали негодовать. О чём говорит этот холёный мальчишка? Он объявляет анархию?

— Я — Валерас Кроллим, не буду вашим князем. Глядя на соседние государства, процветающие и безмятежные, Я, Ваш законный правитель, нарекаю Себя королём! Отсюда следует, что княжества будут переименованы в королевства. Потомки всех правителей

станут принцами и принцессами, по прошествии лет и их нарекут королями. Для ношения подобного титула необходима корона и замок, достойный славы короля! — сейчас Валерас подбирал громкие слова, считая, что совершает самую важную реформу в жизни государства.

После этих слов, на сцене появился неизвестный юноша, в руках перед собой он держал золотую корону, украшенную всевозможными камнями и рисунками. Почётно возложив венец на собственную голову, Валерас высоко задрал подбородок.

Хотя народ не совсем мог принять такой нелепый закон, как основу правления нового государя, старейшина Омах выступил со своими последними словами:

— Вы слышали глас государев. Примем его, как дар и подчинимся ему. — После этих слов он приложил кулак к груди и сказал на порядок громче, чем до этого. — Братьям поклон, врагам почтение моё. Собрав зерно, точи копьё!

Люд в толпе разразился овациями. Всех воодушевлял этот громкий клич. Люди отвлеклись от не самого логичного, на их взгляд, слова царского. Валерас испытал смущение. Но его раненное самолюбие уже наметило основные пути становления нового закона.

Василий не подходил к площадке. Он стоял у одного из наряженных столбов, опершись на него. Ставший отныне королём Могили, он наблюдал за зеленеющим от злости и недовольства лицом Мегандера, высматривал откровенные повадки матушки короля. И советники выглядели неловко, они выделялись на фоне имбецильных лиц, отчего выглядели ещё глупее остальных. «Как хорошо, что этот мальчишка забыл обо мне, — думал Василий, — теперь осталось продержаться до прихода моих ребят или же дожждаться Святослава. Он не мог так просто умереть, нет, не мог!»

День постепенно уходил на смену вечера, и люди закатали гуляния, на которые способен только житель Камнеземья. Веселье начиналось от самых врат, уходя дальше, вглубь города.

Под навесом, сделанным накануне перед коронацией, шло празднование, которое захватило в свой хоровод каждого гражданина Великого Кива. Почти каждого.

В самом углу у выхода на задний двор, Василий сидел в полном одиночестве. Его не интересовала музыка, блюда вызывали отвращения, даже извивания прекрасных горожанок в танце были для него чем-то отталкивающим. Он с трудом вытерпел те дни, когда приходилось находиться в центре человеческого внимания, а это было уж совсем невыносимо. Но покидать мероприятие раньше своего правителя — дело очень подозрительное, а совершать проступков ему было нельзя, ибо коршун наблюдал за каждым его шагом.

Небольшая группа людей, сопровождавшая Василия из Могили, была расформирована. Каждому из его маленького войска нашлось дело, вдали от Князя отхожих мест, разумеется. Василий был один. Под пристальным вниманием шпионов и нюхачей. Он чувствовал нависающий над головой меч, который непременно пронзит его насквозь, стоит лишь совершить ошибку.

Когда пир был в самом его разгаре, Мегандер решил, что новому правителю стоит уединиться с кандидатурой, претендовавшей на должности разнословных чинов. Разумеется, все те, кто занимал высокие должности были приглашены в зал советов. Если князь, а с этих пор — король, пожелает возложить ответственность за какую-либо ступень правления на человека, не занимавшего должность, то он будет немедленно приглашён в зал,

а предшественник передаст борозды преемнику.

Мегандер не разговаривал с самой коронации. Не просто было понять: что на уме у этой хитрой змеи. Василий направился вслед за уходящими людьми. На пирушке ему всё равно не было места. А по договору, сегодня он должен стать главным советником. Однако, оценивая происходящее, Василий считал, что скорее будет сидеть на колу, чем на стуле подле короля.

Бывший князь видел, как люди расслабились. Они пили и ели, как не в себя. Больше походя на голодных похотливых свиней, они соблазняли друг друга, дамы хватили мужчин за воротники и утягивали в укромные уголки, где-то в тени слышались стоны и всхлипывания. Василий смотрел на это и думал, что он не единственный урод здесь. По крайней мере, не самый отвратительный.

Как бы не сложилось сегодняшнее заседание, у покровителя Могилы уже появился ответ. Его приближённый капитан сухопутных войск предупредил князя о выступлении. А прибытие обозначил на раннее утро, когда город уйдёт в небытие, после праздничного труда.

Зная, что Мегандер может не сдержать своих слов, он решил плыть по течению до завтрашнего утра. Рубин мятежного сердца уже расположился в его ножнах, ожидая рассвет, как знак кровавого знамения. Сквозь замочную скважину было видно и слышно всё, что происходило за дверью. Василий немного отошёл, подставил себе маленький табурет, положил локти на колени, сложив пальцы в сплетение и стал наблюдать.

Мегандер любезно занял место возле племянника, осматривая знакомые лица. Он, как обычно, шурился, выдавая в своём взгляде презрительный оттенок. Когда собравшиеся расселись по местам, он встал:

— Сегодня небеса даровали нам своё благословение в лице этого юноши. Будем же благосклонны к их выбору и примем нового... Кхм. — Он хотел было сказать «князя», но в силу уже вступил новый закон. — Нового короля!

В зале совета слышались овации. Советники улыбались и выглядели счастливыми. Валерасу казалось, что им сложно усидеть на местах от небывалого возбуждения. Когда Мегандер уселся на своё место, король встал во главе стола и стал говорить, будто никогда не был испуганным мальчишкой:

— Я рад приветствовать каждого в за этим столом. Примите моё почтение и знайте, что каждый здесь на хорошем счету у государства и лично у меня. — В его словах звучал заученный накануне текст. Он продолжал говорить о том, как рад стать главой государства, о том, как он надеется сделать Камнеземье самой могущественной державой! И советники тоже высказывали своё предельно оптимистичное настроение. Происходило то, что в простонародии величали: лизать сапоги друг другу, чтобы вместе ими весело скрипеть.

Василий улавливал каждое слово. Наверное, только ему было по-настоящему важно то, что происходит за дверью.

Когда полемика закончилась, Валерас подозвал того самого мальчика, подавшего корону на празднике днём. Тот поднёс свиток своему королю и развернул прямо перед ним. Валерас повернулся к столу боком, отчего стал виден его круглый живот. Мегандер ничего об этой бумаге не знал, он с настороженностью ожидал, что же оказалось на уме у племянника.

— Приказ о постановлении короля Валераса-Ман-Трой-Кроллима. — Эти слова были знакомы в стенах совета — Генмельские придатки к именам известных людей, придающие, по их мнению, шарма к знатым лицам. Раз уж Валерас прибавил их к своему имени, значит

его закон распространился дальше лишь одного титула.

Король поджал подбородок и громко зачитал письма на бумаге:

— Со дня, когда застоялое и нелюдимое государство, именуемое Камнеземьем, было выращено на землях, принадлежавших цивилизованным народам, наша страна терпела тиранию прошлого века. Века завоеваний и потерь. Время, когда всё решалось ударом меча, отныне приостановлено. Раз уж человек обладает даром слова, то он обязан использовать это слово в первую и последнюю очередь. Настала пора попрощаться с пыльными заветами дикарства и принять новый цивилизованный облик. — После этих слов произошла пауза. Все в зале не на шутку встревожились, ожидая томительного продолжения. — Отныне и навек, каждый житель нашей неизмеримой столицы станет жить не в устарелом Киве, а в новом, полном надежд и открытий — королевстве Санктур! Помимо сего, каждое из пяти королевств примет новые имена и новые облики.

Итак, Лежащий близ столицы, город Каргополь будет представлен, как Грануат, в честь открытого там месторождения драгоценного камня.

Княжество Вышеград, отныне, будет названо королевством Сиа.

Не безызвестная Могиль, будет называться — ...

Василий затаил дыхание.

— Могиль, будет называться — Могилью. Это громкое имя идеально ложится на земли, которые соразмерны холодным местам упокоения усопших.

В этот момент Мегандер, доселе бывший в настороженном недоумении, едва ухмыльнулся. Василий за дверью лишь слегка пощурился, поняв, какое место ему уготовил король.

— Государь, — обратился к Валерасу Солан, — ваши слова гласят о пятом королевстве.

— Да, это так.

— Но, господин...

— К королю следует обращаться — «Ваша светлость»! — возмутился Валерас.

— Ваша светлость, Камнеземье не содержит в своём составе пятого королевства.

— Если бы вы не перебивали меня, — несколько обиженно сказал король, — в составе государства имеется северный край, безвкусно называемый Северными островами. Подобные сочетания слов перестали использоваться цивилизованным обществом уже очень давно. Три острова в северных краях необходимо именовать как-то иначе. Однако, мне доложили, что они не совсем входят в наш состав. Вот почему, я желаю, чтобы к концу осеннего листопада, флаги Санктура возвышались над заснеженными скалами.

Последние слова новопровозглашённого правителя и вовсе выбили, едва сдерживаемое, терпение советников из равновесия. В зале началось бурное негодование. Как бы высоко не задирали нос государь, он всё равно будет стоять на плечах своих господ, и сейчас Валерас совершает чудовищную ошибку — он топчется на этих самых плечах.

Мегандер тут же встал из-за стола, его кропотливый труд не мог закончиться свержением в день коронации. Мужчина поджал губы и обратился к королю:

— Ваша светлость, позвольте заметить.

Валерас не собирался останавливаться, его свиток был полон слов. Но перечить дяде юноша себе позволить не мог.

— Как вы, вероятно, заметили, сегодня был очень тяжёлый день для всех нас. Ваша коронация, хлопотный праздник, конечно, очень важно ознакомиться с аспектами вашего закона целиком и полностью, но, всё же, это, вполне, могло бы подождать до утра

следующего дня.

Валерас понял, что продолжать читать документ в его руках — уже не стоит. Он чувствовал, как в сторону его величества пристально уставлены десятки глаз. Они выглядели осуждающе, грозно. Осознающий неловкость момента, он согласился с дядей и свернул бумагу.

— Вы правы, господин Мегандер. Дела могут и подождать.

— Согласен с вами, ваше величество. У нас нет войн накануне и полы под нами не горят. — Мегандер попытался разрядить накалённую обстановку. — Пожалуй, вам следует пройти в королевские покои. Если помните, в преддверии вашего назначения на престол было отстроено великолепное здание, аккурат возле главной площади. Вам следует взглянуть, ваша светлость, оно действительно заслуживает только королевского внимания.

Советники кривились так, словно по их языкам водили дольками лимона, надавливая на мякоть, чтобы выделялся кислый сок. Эти любезности были так фальшивы, что даже шляпка от гвоздя больше походила на монету, чем их искренняя игра.

Валерас отдал свиток мальчишке, едва приклонил голову и направился к выходу. Советники встали из-за своих мест, только после того, как это сделал Мегандер. Василий успел отойти за угол, чтобы встретить короля уже в коридоре. Когда Валерас оказался близ Князя отхожих мест, они стали шептаться, продолжая идти к королевским покоям.

Кроллим старший не стал любезничать. Вполне серьёзно он обратился к присутствующим:

— Судя по всему, уважаемые советники, первый день правления короля оказался не очень успешен.

В зале снова послышался гул. Мегандер продолжил, слегка повысив голос:

— Могу заверить вас — юношество проходит. На примере собственного опыта мы можем подытожить, что у каждого здесь присутствующего было бурное воображение в молодости, как и порывы. Но ведь никого не линчевали за смелые заявления и свежие предложения. В конце концов, новая реформа не ударит по вам и вашим семьям. Лишь крохотная попытка внести что-то новое — разве это преступление? Давайте не будем забывать: наша роль состоит в том, чтобы помочь неокрепшему разуму следовать по истинному пути. Семья Кроллим трепетно относилась к советам почитаемых господ. И это не изменилось на сегодняшний день. Потому, я считаю, что наша задача — помочь новому правителю занять достойное место подле нас. Направлять его крепкой рукой, пока он сам не потянет нас вперёд.

— Есть огромное НО, господин Кроллим. — Вступил с возражением один из советников. — В словах нового кня..., нового короля, было отчётливо слышно желание захватить север! Не думаю, что это была коллективная ошибка слуха.

Мегандер повернул голову к советнику и дал понять, что подобная резкость крайне не уместна. Когда советник ощутил всю тяжесть взгляда старшего из дома Кроллим, он молча сел на стул. Мегандер продолжил говорить более сдержанно:

— Как бы не прозвучало ваше замечание, оно справедливо. Да, союз, заключённый с Северными островами длится уже порядка двадцати лет. Он заключался князем Кондром незадолго до кончины и остаётся действующим и по сей час. Но если взглянуть на север не как на скалы за морозным фронтом, а как источник очень приличного дохода, то мы с вами допускаем непозволительное упущение.

— К чему вы клоните? — Поинтересовался Солан.

— Я купил участок земли на одном из трёх островов. Двадцать гектаров обледенелых камней. Казалось бы, какой здравомыслящий человек позволит себе подобное приобретение. Но я знаю цену всему, как своим деньгам, так и своим землям. И цена тем каменным пустошам оказалась куда выше, чем самый дорогой особняк в Камнеземье.

Мегандер оттянул подол своего платья и достал маленький кожаный мешочек. Он растянул верёвочку, стягивающую горлышко и медленно высыпал на стол небольшие зелёные камни. Советники оживились, они внимательно смотрели на манящий блеск драгоценных изумрудов. Мегандер поднял один и бросил на стол перед Соланом:

— Вот к чему я клонил, господин Солан. На севере находятся залежи ценных камней. Мои работники говорят, что на соседних участках добывают руды. Они не уточняли какие, но уверяли, что ночью, когда на моих землях все ложатся спать, добыча у граничащих с нами мест не прекращается. Более того, им не нужен проблеск факелов, чтобы видеть добываемое, ибо из-под земли вырывается солнечный свет.

— Золото. — Заключил Солан, вертя изумруд в руке.

— Не будем поспешны в наших выводах. — Сказал Кроллим, убирая камни в мешочек. — У нас есть время на раздумья. Занимайтесь привычными делами, рассчитывайтесь с долгами и зарабатывайте новые, но! Как только вы захотите стать богаче, как только решите расквитаться с задолженностями раз и навсегда — помните, ваш король предлагает очень выгодное дело.

Совет ещё долго заседал, обсуждая все прочие важные моменты, связанные с ними, с государством. Валерас шёл до двора своего нового поместья с новым советником, которого представят завтра по утрам. Василий говорил с новым правителем ласково, он старался изо всех сил, чтобы не раскрывать свои манеры болотного изгоя. В его речах звучали высокие эпитеты, он нагружал Валераса своим знанием языка, делаясь всё ближе к владыке за столь короткий срок.

У самых врат, Валерас попрощался с князем Могили, выказывая желание увидаться поскорее и приняться за государственные дела. Василий поклонился и стал уходить, как неожиданно, король окрикнул его:

— Господин, будущий советник!

— Да, ваша светлость. — Василий сказал это стоя спиной к Валерасу, выдавливая последнее сквозь зубы.

— Будьте добры, подыщите себе иное имя.

Василий развернулся, показывая непонимание.

— Не думаю, что в новом мироустройстве подле короля будет возможно положение вашего старомодного нареkania.

Василий приподнял бровь, но под капюшоном этого видно не было. Он снова решил опустить свою гордыню, на благо будущего. Князь приклонил голову и сказал с натяжным уважением:

— Пусть оно будет выбрано вами. Наверняка, вам будет легче советоваться с тем, кого вы сами создадите.

Валерас не заметил нотки сарказма и принял такое отношение к себе, как должное. Он стал чувствовать свою важность, свою незаменимость. Король приподнял голову и прошёл мимо охраны, как индюк на птичьем дворе. Василий же выглядел, как раненный пёс, уползающий в конуру.

Вечер в светлице короля был беспечен. Матушка Валераса кружилась в танце под

музыку лютни и флейты с купцом из Златогорья, многочисленные родственники ели, как не в себя, стараясь при этом выглядеть по-королевски солидно. Однако они бы больше подошли на роль основных блюд и лучше смотрелись бы на столе, чем за столом.

Валерас был на высоком троне, сделанным под заказ из золота высшей пробы, украшенного слоновой костью и деревом красной породы. Мегандер появился ближе к полуночи и ласково подозвал Валераса в кабинет, отстроенный именно для дяди, так он хотел быть всегда подле именитого племянника, чтобы подсказывать и направлять юношу.

Мегандер предложил королю присесть на его личный стул, а сам прикрыл дверь. Валерас был в приподнятом настроении, он видел, как каждое слово, произнесённое им в течение дня заимело высокий статус. Казалось, все вокруг были довольны его новым положением. Но как только Мегандер повернулся к племяннику лицом, эти мысли стёрлись мгновенно. Озлобленный и взбешённый, Кроллим старший проследовал к Валерасу твёрдой поступью. Глядя напуганному ребёнку прямо в глаза, он ударил по пухлой щеке тылом своей костлявой ладони.

Младший Кроллим схватился за, тут же покрасневшую, щёку. На стороне принявшей удар выступили слёзы. Ужас и непонимание наполнили глаза мальчишки. Он с искренней растерянностью смотрел на дядю, как на срубленное дерево, летящее прямо на него.

Мегандер, выпустивший пар, изменил мину на лице, сделавшись, как обычно безучастным. Разбавив воздух своим дыханием, он и вовсе стал выглядеть радушно. Мегандер положил руку на плечо племянника, похлопал пару раз и прижал испуганного юношу к себе.

Валерас успокоился, он покорно обнял дядю, как делал это всегда, с самого раннего детства. Мегандер был строг к племяннику, но любил его, как сына. За неимением собственных детей, Мегандер всегда очень трепетно относился к сыну своей ветреной сестры. Пусть не все черты характера мальчика были по душе старшему из семейства, но он не желал другого. Каждая неудача делилась у них поровну, каждое восхождение становилось их общей победой. Иногда дядя мечтал втайне выдать сестрёнку замуж, да куда-нибудь подальше, за границу, за горы Аль-Арум, только лишь бы оставить мальчика на своё попечительство. И юноша был близок к дяде: Мегандер был для него настоящим отцом, он старался перенять от дяди все черты характера, он хотел быть похожим на него. Оба всегда находили общий язык, оба прислушивались ко мнению друг друга. И когда сын Святослава поступил с племянником так низко, Мегандер всецело ощутил боль парня. Посему он поставил Валераса выше всех, позволил ему предложить закон, который не нужно обсуждать с дядей. Не ожидая, что его идея окажется столь непредсказуемой, он попросту потерял равновесие.

Их разговор прошел спокойно. Они обсудили всё произошедшее сегодня, ибо в течение дня им не представлялась подобная возможность. Валерас объяснил, что хочет искоренить княжеское правление, чтобы сделать семью Кроллим единственным возможным правителем государства, а не вовсе потому, что ему хочется приукрасить действительность. Рассказывая о том, как благоприятно сложатся отношения с соседними странами, которые наблюдают за ситуацией здесь, он рассчитывал, что доходы семьи и бывшего Кива взойдут на несколько ступеней выше.

Мегандер выслушал всё. Каждое слово было оценено его тонким умом, и теперь он больше не воспринимал Валераса, как мальчика с пухлыми щеками. Однако его очень не устраивало то, что Могильный правитель так рьяно старается сунуть свою ложку в их

семейный котёл.

— Ваше величество, — гордо и с уважением сказал Мегандер, — вы вправе решать сами, но. Валерас, я считаю, что ты должен позволить мне решить судьбу твоего несостоявшегося советника самостоятельно.

Валерас не мог позволить себе отказать. Юноша отправился в королевские покои, обняв дядю перед уходом. Мегандер остался в кабинете один. Он держал в руках маленькую скрученную бумажку на которой виднелись буквы под светом свечей. Он задумал что-то серьёзное. Он не позволит княжеской семье опшиваться у порога своего дома, и теперь в его руках была причина, сделать всё как можно радикальнее.

Утро следующего дня ознаменовалось большим собранием. Господин Кроллим-старший стоял у престола, где восседал его высокопочтенный племянник. На их колкий суд были представлены два неугодных члена княжеского двора.

Мегандер предъявлял обвинения в измене, не вступившему в должность советника Василию. Валерас предъявлял обвинения в измене, не сумевшему скрыться за юбкой матери Ростиславу.

***

За несколько часов до суда.

Ночь в столице стала горячей от суеты уходящего дня. Василий был в своих покоях. Находясь в полном одиночестве, он касался изменившегося лица. Закрыв глаза, князь ощущал ровность линий, кончиками пальцев он чувствовал собственную красоту. Слишком много лет он предстал перед людьми пещерным уродом, все эти годы он оставался один, наедине с самим собой, он наслаждался недолгой формой. Эта внешность свела бы с ума сотни женщин и мужчин. Сам Творимир бы позавидовал ювелирно и трепетно выточенной красоте. Ему бы поклонялись, для этого личика были бы открыты все двери, как в спальни, так и в дворцовые кабинеты. Сейчас Василий был тем, кем хотел быть каждый день. Нега собственной идеальности придавала воздуху приторный запах. Его дурманила мысль о похождениях к знатым дамам, которые ползали бы перед ним на коленях, в надежде получить лишь секунду его внимания. Влажные мечты прервал шум тяжёлых шагов в коридоре.

Совершенно без стука, в дверь вошёл Кроллим-старший, за его спиной виднелись два огромных стража, те же парни помогали Лексану покинуть свою маленькую обитель.

Василий приобрёл вид, который был с ним при встрече с чужими взглядами. Мегандер прошёл к стулу рядом с кроватью и жестом показал, что вставать не стоит.

Нелюбим принял положение полуприседа, упираясь ладонями в кровать:

— Вы уверены, что вошли в нужную дверь?

Мегандер поджал губы и расслабился на комфортной мебели. Его вид был не столько ехидным, сколько упоенным.

— Ты очень не осторожный человек, Василий. — Он обращался к князю глядя в окно.

Василий сощурился и напряг плечи. Он стал перебирать варианты, среди худших было раскрытие его плана по захвату власти грубой силой. Но никто об этом не мог знать, лишь два человека были в курсе плана. Воевода Власон не стал бы трепаться о таком деле. «Что же у тебя на уме?»

— Сегодня утром я дам тебе шанс преклонить колено и по праву занять своё место в собственной Могиле. Так как ты потерял всякое доверие, по возвращении из столицы, ты займёшь место среди реальных отхожих мест. Я назначу тебя всевечным сточным князем.

Отныне твоя стезя — канализация с дерьмом твоих же узников. Ты обязан принять эти условия, поверь, они слишком порядочны в твоём случае.

Василий не подавал знаков недовольства или удивления.

— Утром король назначит меня советником. Это оговорено публично и не может быть оспорено обвинениями без доказательств.

— Хм-м. Какой чудесный вид из окна. — Кролим прошёл к распахнутым ставням. — Отсюда виден практически весь город. Вон трактир и площадь признания, но самое любопытное, — он присмотрелся, — виден вход через западные ворота, ведущие через маленькую аллею прямо в сердце города.

Самые страшные ожидания Василия подтвердились. О его плане узнали. Но сейчас его люди далеко, они не успели бы подойти к городу так скоро. Мегандер, поганый паук, тыловишь в свои сети всё на свете! Но даже если Василия возьмут под стражу, к утру Могильцы будут по эту сторону стен. Праздник произвёл эффект, Василий видел, что пили и гуляли все, а стража, стоящая на постах не сможет оповестить о тревоге со стрелой в глотке.

Василий едва заметно улыбнулся. Кролим смог заметить ухмылку и спросил:

— Вы отказываетесь от моего великодушного предложения.

— Я отказываюсь от любых предложений, если они не предоставлены моим правителем. А вы — не он!

Скулы Мегандера поджались, он не договаривал, что-то рвалось из него. Кролим подошёл к кровати и заявил.

— Кому ты можешь доверять?

— Кому вообще можно доверять?

— Вот именно. — Прошипела старая гадюка и швырнула Василию записку прямо в лицо.

Князь поистине возмутился, он смотрел на Кроллина озлобленно, развернув бумажку он прочёл самые гадкие слова, которые можно было увидеть: «Армия на подходе. В пяти часах от Кива привал. Все, без исключения, на месте.»

Василий узнал почерк. Узнал манеру написания левой рукой, она принадлежала никому иному, как воеводе Власону. Старый ублюдок купил самых близких людей Василия, он плавал в омуте с пираньями, считая себя одним из них, но для кровожадной рыбы, Василий — тонущий кусок мяса.

Ясно понимая, что к городу подходят уже не его люди, Василий опустил взгляд. Он рассчитывал на Власона, рассчитывал на помощь людей, которые росли с ним в одной яме. Эти подлые подонки продажны, как иронично. Василий читал очень много хроник, где единственной возможностью смены власти было предательство...

— Значит, либо канализация, либо плаха?

Мегандер улыбнулся, он был доволен эффектом, который сумел произвести.

— Боюсь, что ты опоздал. Завтра на суде король отдаст приказ о твоём скором свидании с покойным Святославом.

Василий опустил голову, смирившись с участью, уготованной для него. В тёмной камере он считал, что происходящее — это единственный логичный финал для его изуродованной жизни.

***

Утром, когда Василий, грязный, побитый, без тканей закрывающих уродливое лицо, стоял на коленях у престола нового государя, в резиденции князя Святослава послышался

крик. Два амбала тащили Ростислава в одном нижнем белье. Он походил на испуганного щенка, извивался, крутился в цепких руках, казалось, он даже скулил...

Племянника бросили около Василия. Князь отхожих мест косо посмотрел на мальчика: ни матушка, ни память о герое отце и легендарном деде, ничего не помогло ему предстать перед судом возмездия. Нелюбима волновало другое — как эта мерзкая тварь Власон сможет стоять здесь и смотреть на плоды своего предательства?

Кроллим старший запел, как свирель. В его речах звучали громкие эпитеты в адрес всей княжеской семьи. Людей кормили идеей враждебности наследия Кондра. Народ поддерживал короля, дядюшка которого преподносил факты и доводы так, что загипнотизированное стадо даже не могло подумать противно.

Княгиня кричала и рвалась к сыну, но её держали крепко. Мегандеру надоела эта суета, он приказал заткнуть рот защитнице предателей.

Король смотрел на обидчика свысока. Он был возбуждён, ему нравился вкус власти. Ему нравилась возможность вершить суд над судьбами, совершенно не боясь чьего-либо возгласа. Валерас потирал подлокотники из слоновой кости, нервничая, пребывая в натуральном желании скорее закончить всё!

Василий попросту смирился. Он давно думал об этом. Мысль о том, что его жизнь скоро закончится, прервав страдания, давала странное ощущение покоя; и лишь желание увидеть глаза предателя не давало ему совсем свесить голову. Он знал, что Власон, скорее всего убежал из лагеря, чтобы сообщить их местоположение. Но ребята Могилы не так просты, они способны заподозрить подвох даже от самых близких.

Ведя агрессивную подачу греховности княжеской семьи, Мегандер неожиданно прервался. Он улыбнулся и обратился к Василию:

— Василий, Нелюбим, Князь отхожих мест! Твой план не просто провалился. Вся армия твоих шакалов сейчас за этими дверьми!

Василий вскинул голову. Он не мог поверить, что солдат раскрыли.

Мегандер спустился к своему пленнику и сказал ему почти шёпотом:

— Ты видишь, видишь как далеко я смотрю? Ты пытался найти помощи у своих людей, но твоих людей попросту нет на свете! Тебе нельзя никому верить. Поэтому я здесь над тобой, а ты стоишь на коленях перед ребёнком, который ещё вчера не значил ничего. Видишь, даже братья тебя предали. Этот урок будет для тебя последним — нельзя доверять никому.

Василий опустил взгляд, он не хотел ничего доказывать, судя по тону — всех доблестных солдат Могилы уже перебили. Он собрался с мыслями и еле выдавил из дрожащего рта:

— А где же тот, кому я верил?

— О-о-о, он здесь. Прямо в этом зале.

— Пусть выйдет, я хочу, чтобы он своим языком сознался в предательстве.

Мегандер засмеялся. Он прошёл к бочке, стоящей в тени, сунул туда руку и вышвырнул голову Власона прямо к ногам князя.

— Никому нельзя доверять, тем более тем, кто уже проявил свои предательские качества.

Василий смотрел на полуразмазанное лицо, которое смотрело в пустоту холодными глазами. Князь улыбался во весь рот, ему стало несказанно хорошо. «На том свете, я с тобой расквитаюсь!»

— Видимо, сказать о предательстве он уже не сможет... — прошипел Василий. — Давай Кроллим, сделай начатое, с меня достаточно.

Народ взвыл, предвкушая кровавую расправу. Те, кто совсем недавно поддерживал радушного князя с востока, сейчас жаждали увидеть зияющую рану на месте уродливой головы.

Палач поднёс пень и корзину для головы. Василия положили на плаху и Кроллим-старший отдал приказ. Княгиня рыдала глухим криком, Ростислав лежал, понимая свою участь в луже собственной мочи, его трясло, а лицо побелело. Василий же был спокоен, он был готов принять судьбу, был готов увидеть отца...

Валерас, будучи уполномоченным главой, подал жест о решении безоговорочной казни. Топор палача был занесён над головой Нелюбима, грязные руки напряглись в совершении привычного удара. Когда люди затаили дыхание, чтобы услышать звук рассекающихся хрящей, дверь с грохотом распахнулась.

Солнечный день освещал его. Перед народом предстал князь, тот князь, которого они давно ждали. Характерные усы заметили все, народ остановил гул и перешёл в ожидание. Это был он, тот самый — князь Нестор.

Часть четвёртая.

Глава 1. Ответственность.

Корабль качало в объятиях Аниланской волны. Вышеградский царь, не имеющий и малейшего представления о событиях, разворачивающихся в столичных землях, направлялся к порту, в котором он надеялся добыть необходимую информацию.

Кормовая каюта была, отнюдь не уютным пристанищем. Всюду виднелись пыльные вещи, принадлежавшие бывшему капитану. Странно, но Твикс не желал выбрасывать их или, хотя бы, почистить. Тяжёлый воздух, нависающий над его головой, обстановка, нагнетающая чёрную тоску, всё это заставляло Твикса ни на минуту не терять из головы истину — он раб, он предатель, он убийца. Последнее настолько въелось в его разум, что он постоянно видел лица своих похитителей, всё время рисовал их и расклеивал по всем стенам, после чего, в порывах не стихающей ярости, бросал в них ножи.

Нет, он не был сумасшедшим. Напротив, сознание его было полно точной решимости — он в тонкостях разобрал каждую деталь, каждый шаг, который он предпримет, встретившись «лицом к лицу» с заветной троицей.

Вечером, за сутки до прибытия в порт, в дверь капитана постучал боцман, выбранный командой после событий, случившихся на старой «Служанке». Войдя, он попался на взгляд «исподлобья», капитан вертел в руке нож и не моргал. Мужчина в дверях не был подвержен воздействию подобных выходов. Старый морской волк повидал многое, и капитан Шмитль был не самым первым его начальником. Просто и доходчиво моряк доносил свои мысли окружающим. В мозолистых руках виднелась чёрное полотно.

— Новый флаг. Мать его через колено, всю ночь штопали его. — Он раскрыл ткань, показывая тот самый символ: две скрещенные кости и череп у перекреста.

— Один вопрос, — Твикс обратился к боцману. — Почему флаг здесь, а не на палубе?

Боцман громко шмыгнул носом:

— Матросы. Как художники блаженные — насрут на полотно и ждут одобрения от старших. Мне-то до чайкиной жопы, что тут намалёвано, но люди прям трясутся от ожидания вашего слова.

Твикс улыбнулся под банданой, которая была обёрнута вокруг его рта. Он слышал

родную морскую речь, его ублажали грубые и прямые слова.

— Не мешкай, боцман, вели натянуть его на мачту.

— Я бы натянул их самих на мачту, кэп, это бестолочи! Рею от гафеля отличить не в состоянии!

— У тебя есть полномочия. Пользуйся ими. А меня более отвлекать не смей.

Капитан обернулся к своему столу и продолжил рисовать три ненавистные картинки. Боцман не выходил, он кашлянул погромче, обращая на себя внимание.

— Что ещё? — спросил Твикс.

— Дело такое, — несколько неуверенно сказал моряк, — в трюме пусто, как в голове у юнги. Делать нечего, весь провиант, сука, раздали уже поди третьего дня. Жрать людям надо, кэп. Слабеют, болеть и подыхать станут.

Твикс отвлёкся от своего дела.

— Долго я не обращал взора к своим доверенным матросам.

— Хех, — ухмыльнулся боцман, — доверенным — проверенным. Не хочу голову под ножик, как овечка подсовывать, только знать надо вам кое-что. Негодование на судне, ой как скоро, в бунты вытекает. Я-то над шкурой своей не трясусь, меня ежели и тронут, то, токма за огурец губами. Но вы, кэп. Вы им чужой. Да, спору нет, корабль взялся очень смело. Мать моя на такелаже, вы как в зад гадюкой ужаленный скакали по «Служанке». Но этого не достаточно.

Твикс вслушивался, он всё прекрасно понимал. Время упускалось, такого нельзя было позволять. Немного поразмыслив, он отдал такой приказ:

— Пусть каждый матрос, каждая живая душа на корабле соберёт свои едовые пожитки и оставит у моей двери. И вот ещё, что. Эту ночь все проведут наверху. Трюм должен быть пуст, чтобы аж ветер гулял меж гнилых перекладин. Утром поговорю с ними лично.

Боцман кивнул и вышел к матросам, столпившимся у каюты. Твикс слышал галдёж и недовольство. Однако поток искрящегося мата из уст боцмана быстро разогнал безутешное стадо.

К ночи все были на палубе, поистине, приказ капитана всё ещё что-то значил. У дверей каюты лежал небольшой мешок с, почти раскрошенным в пыль хлебом. Твиксу стало не по себе — моряки не должны голодать или мучиться жаждой, это всё его просчёт. Не простительный просчёт. Твикс снял сапоги и бандану с лица. Он взял мешок и исчез в трюме до самого утра.

На восходе солнца люди быстро встали на ноги. Солнце на востоке и пустые животы быстро пробуждают от морского сна. Началось недовольное бормотание. Все рьяно протестовали, они бесились, что согласились отдать последние хлеба в руки раба-беглеца. Все собрались у капитанской каюты, ещё более возмущаясь, видя отсутствие заветного мешка.

Боцман стал объектом всеобщего негодования. На него спустили собак, но ведь не лыком шит старый пройдоха. Ему быстро удалось отвести внимание от себя:

— Щенки слюнявые! Что от меня получите-то? Я — то здесь, аккурат, с вами стою! Я над вами флага не подымал. Не мне ответ держать перед урчащими животами! Вон ваш спаситель, с него и спрос. — Боцман указывал на Твикса, сидящего на перилах, отгораживающих штурвал. Он свесил ноги в сторону команды и жевал кусок чёрного хлеба.

Возбуждённая толпа загорелась яростью. Они просто взбесились, увидев, как последние ломти исчезают в глотке человека с обгоревшим лицом.

Капитан изводил их, он видел, как матросы готовы наброситься на него, порвать его на флажки, ради заветного куска.

— Что ж, команда, хороший хлеб вы прятали, однако. Ну, не лучший, но достойный.

Уставшие и голодные, моряки походили на обезумевших пираний, кто-то попросту не сдержался и вынул шпагу из ножен. Твикс тут же бросил кусок на пол и спрыгнул с клинком к озлобленному моряку.

— Что, голод помутнил рассудок? — он шёл, как кошка на охоте, — а, вот, я сыт!

Дрожащая рука сжимала лезвие, матрос смотрел на капитана, как яростный вепрь. Ещё несколько колкостей, и безмянный моряк набросился на своего капитана. Твикс с лёгкостью обезоружил парня и взял его, как живой щит, заведя клинок прямо к шее обессиленной жертвы.

— Я ел всю ночь, и сил мне не занимать. — Ухмылялся Твикс. — Но не вы! Я разрежу вас, как масло раскалённым ножом. Неужели какой-то голод способен поставить вас в положение против собственного капитана?

Будто теряя былой запал, матросы стояли, как обиженные дети. Им больше не хватало сил, даже просто яростно смотреть на Твикса. Они не могли противопоставить ничего, их сил не хватало ни на что. Корабль покинуть тоже было нельзя. А потому, все решили разойтись по местам и вытерпеть последний день. Ещё одни сутки и они окажутся на суше, а там их и след простыл.

Твикс видел, как опечаленные моряки направились по своим местам и обратился к своему пленнику:

— Тоже пойдёшь молча нести вахту?

— Моя вахта, теперь только в том, чтобы добраться до берега. Но до тех пор, вы — мой капитан.

Твикс разомкнул свои руки. Матрос потёр горло. Он приклонил голову перед капитаном и стал уходить. Твикс громко захлопал в ладоши, вслед уходящим морякам. Они обернулись, испытывая горечь обиды и презрения. Твикс остановился и сменил ухмылку на добродушное расположение.

— Да, на берегу вы можете быть вольным ветром и дорожка скатертью, но тут вам придётся терпеть, захваченное силой командование! Всем, без исключения. До конца следующего дня — вы в моём распоряжении. И вот моё первое задание — надраить палубу до блеска!

С тяжёлым дыханием все стали переглядываться и решили подчиниться, ибо выбора не оставалось. Твикс смотрел, как несчастные достали из-за бортов ведра с водой и стали разливать по досчатым полам и браться за щётки. Вдруг, капитан громко окрикнул команду:

— Я чуть не забыл!

Все обратили взоры на Твикса.

— Чистить палубу на пустой желудок не полагается.

Он раскрыл двери капитанской каюты и вытянул огромный железный поднос, стоящий на столике на колёсиках, специально полагающийся для подачи обедов капитану. Горой стояли на нём куски копчёного мяса, жир ещё не стёк и не застыл на поджаристой корочке, и запах разнёсся на несколько миль вокруг, подхваченный ветром. Моряки были обескуражены. Растерянные и недоумевающие, они стояли неподвижно, глотая подступающую слюну. Твикс выкатил столик на середину палубы и направился к каюте, где взял мешок, с оставшимися кусками хлеба и стал жевать их за закрытой дверью.

Боцман взял кусок с подноса и понюхал.

— Драть меня палкой с занозами, мясо! Не мираж!

Все стали подходить, озираясь, как испуганные собаки на двери закрытой каюты. Матросы принялись к трапезе. Твикс слышал суету и был доволен. Хлеб ему был по душе, как и крысам, пойманным ночью.

Спустя какое-то время, в дверях вновь появился боцман.

— Шипит ещё. Небось на хвосте жарили?

Твикс ухмыльнулся, не оборачиваясь. Боцман продолжил:

— Оно-то, да, хорошо. Щас набьют кишки и помягче будут. Вот только одного не пойму, откуда?

— Я прислушался к совету. — Ответил капитан. — Так, какая разница?

Мужчина в дверях кашлянул:

— Кэп, без обид, почистить трюм от облезлых крыс, дело и вправду хорошее, да вот только впихивать их своим подопечным под видом добродетелей! Оно ж выглядит, как хер солдату отрезать — он-то напрочь о бабах забудет, только и о войне думать станет. Но спасибо большого уже и не скажет.

— Расскажешь? — спросил Твикс.

Боцман опять кашлянул:

— Я — ваша правая рука, без меня и ложку ко рту не поднести и жопу-то не подтереть. Авось повезёт, просрутся и всё на том. Надо угольки потушить наверху, дым стоит над судном.

Старый моряк направился к месту ночной готовки и лично стал разбирать «полевую кухню». В это время, капитан улыбался под своей чёрной банданой, выводя на бумаге контуры трёх лиц.

Боцман бормотал себе под нос, плевал за борт. Среди остатков ночного пункта приготовления пищи валялись шкурки, было достаточно кроваво и липко. Но вперемешку с останками грызунов, мужчина наткнулся на белое перо. Ничего необычного — над их головами постоянно кружатся птички морского королевства. Но уж больно въелась ему в голову эта деталь. И мяса было на подносе многовато.

Капитан завалился на не заправленную кровать, уставший от ночной охоты. Закрыв глаз, он вспоминал, как взял скудные запасы команды и направился вглубь корабля. Как смастерил из клетки, в которой перевозили животных не затейливую ловушку, как наловил с пару-тройку крыс и разделал их своим личным ножом. Аккуратно разложив тушки в металлический таз, он вышел на корму, натянул рыбацкую сеть с грузиками по углам, сделав её ловушкой-накидкой, как привлёк внимание бессонных чаек, как поймал с добрую дюжину пернатых, как вспорол и общипал птиц и обжарил на огне, в сложенной из добротного камня печи. И ни куска не съел сам. Он слишком долго мучил команду и теперь отдал в знак раскаяния всё, что был ей должен.

Весь день судно приводилось в порядок без капитанского надзора. Твикс не чувствовал голода или усталости, его не посещали мысли о потерянном престоле, не посещали мысли о длинном языке боцмана, и самое главное — ставшие привычными, встречи со скелетом тоже прекратились. Сегодня он был спокоен и свободен от всего — выполнив обязанность, оставленную так на долго перед своими подчинёнными, он освободил свой побитый разум на какое-то время от давящих грузов. Пролетевший день ознаменовался криком из аистового гнезда:

— Земля! Порт! Земля! Порт!

Когда боцман постучался, Твикс уже надел потёртый костюм, который достал из сундука: пиратский наряд, в котором Твикс щеголял по захваченному кораблю мог привлечь ненужное внимание на земле.

— Кэп, не спите? — поинтересовался матрос.

— Когда горизонт окрашивается твердью, сон — непозволительная роскошь.

Берега, накрываемые волнами Мракоморья, были вымощены большими каменными пластами. Порт Распор всегда был и оставался одним из центральных точек соприкосновения разнообразных морских культур. Это был аналог человеческого муравейника. Здесь всё время происходило слаженное движение, обязательно осознанное, обдуманное. Купцы переплывали Чистомор, минуя все холодные течения коварного Мракоморья, чтобы именно здесь набрать диковинных товаров, чтобы потом выгодно продать их в своих родных краях.

Люди здесь были быстры и точны. Каждый, кто оказывался на берегу тут же приспособлялся к течению. Долго стоять и смотреть по сторонам — это, пожалуй, самое не приемлемое поведение здесь, ведь каждая минута вашего отрешения, это драгоценная пища для портовых воришек. А они-то рыскают постоянно, бдят и ищут наживы.

Хотя форт и стены порта были серы, а те части, которые опускались в воду уже совсем заросли плесенью и водорослями, отношение к окружающему населению всегда было доброжелательным. Находясь в этом потоке вечно занятых своим делом людей, каждый обретал внутренний хлыст, подстёгивающий каждого ступившего на пирс в поисках своих собственных нужд.

«Служанка» была подготовлена к остановке. По приказу Твикса палубы были натёрты до самых глубоких щелей в деревянном настиле, все гнилые доски в облицовке судна были заменены. Флаг расшитый для угоды нового капитана надёжно покоился в сундуке. Никто не желал упоминать о происшествии в море, это пятно останется прикрытым для жизни будущей.

Капитан шагал по мостику, разглядывал каменную кладку на берегу и ему вспоминалось, как очень давно, будучи под надзором регента он отдал приказ о постройке порта, и лично вложил первый камень в основание восточной стены. Теперь он возвращается сюда как чужак, он был готов ко встрече с кем угодно, он знал, что полностью перевязанная голова — от макушки до углов нижней челюсти, привлечёт внимание. Но лучше уж перетерпеть расспросы и сомнительные взгляды, нежели полностью оттолкнуть всех, кто находится поблизости.

Пришвартовавшись, команда закрепила прижимные канаты и стала приводить себя в надлежащий вид. На берегу необходимо поддерживать себя в ещё большем порядке, нежели в море. Честь моряка посрамить никоим образом нельзя, её можно лишь множить. Посему, на берегу все становились приветливее и симпатичнее. Но никто и никогда не забывал, что в первую очередь он — дитя моря, вскормленный и воспитанный им, остающийся вечным должником бездны, породившей его. Возможно, вплетение в умы моряков этого сокровенного для мореходов правила привело к тому, что семей у них никогда не было. Да, кто-то заводил детей на далёких берегах, кто-то умудрялся становиться объектом любви десятков и десятков женщин (порой женщин из одного города или даже одного двора). Апогеем их жизни становилось нежданное убиение в прибрежных городах — покинутые и не любимые отцами сыны находили оружие, иногда они делали это голыми руками, но

очень часто, видя трагичную жизнь, полную одиночества, которая всегда ложилась на плечи женщин, поддавшихся чарам крепких морских красавцев, и за это презираемых окружением, они добирались до корня всех бед и беспощадно выдирали его.

И команда Твикса не была исключением, отнюдь. Но у бывалых морских псов была ещё одна особенность: их совершенно не волновала скоропостижная смерть. Нельзя утверждать, что они, прямо как обезумевшие берсерки бросались в объятия костлявой дамы, нет. Они просто не считали нужным думать о той стороне горизонта.

Ступив на вымощенный причал, Твикс невольно задумался о юности, которая проходила близ портовых берегов. Ему всегда напоминали о княжеском происхождении, каждый день ему навязывали всё новые и не интересные манеры поведения, которое, пусть и нехотя, приходилось усваивать. Сейчас те хлопоты казались доброжелательной игрой, никак не схожей со взрослой действительностью. Хотя капитан и поддался мимолётным воспоминаниям, во внутреннем кармане своего пиджака, он держал три сложенных листка, на каждом из которых были довольно детально изображены три искомые цели.

Дав добро на самоволку до обеда, Твикс направился к ближайшей таверне: там ходят самые свежие слухи. Каково же оказалось его удивление, когда почти вся команда направилась в ту же сторону.

Оказавшись в большом просторном помещении, моряки почти с порога накинулись на выпивку, чья стоимость составляла пол-ломанного гроша. Оно и не удивительно — Твикс вылил все запасы спиртного, он был крайне жесток в отношении алкоголизма на судне. Но матросы не могли позволить себе много, не потому что ослабли за время путешествия или были уставшими от постоянного надраивания палубы — у них попросту не было денег. И это могло стать поводом для шальных идей. Боцман был рядом с капитаном и дал ему совет, прежде чем удалился к блудницам:

— Щас наслушаются хороших и толковых людей, и во хмелю бунт удумают. Их-то дюжина чёртова человек, оно так, но вас-то поменьше, а теперь они ещё и сыты. Честь имею, кэп. — На том он удалился, дав понять, что не станет вступать в разборки между старшим и младшими.

Твикс видел, что боцману не наплевать на происходящее. Поступок капитана был достоин уважения, но не достаточен для поголовного признания. Ибо за время командования на «Служанке» мнение о нём было сложено в сторону худшую, нежели в лучшую.

Капитан решил разобраться с командованием несколько позже. На данный момент, его интересовало лишь одно — где искать трёх похитителей. Конечно, когда поиски увенчаются успехом, он узнает и кто его заказал, и кто есть сами негодяи. Но сейчас было категорически необходимо узнать главное — где эти трое?!

Не дожидаясь сумерек, Твикс прошёл мимо пьянствующей толпы — от княжеской жизни почти ничего не осталось: его походка перестала быть раскидистой, подбородок он прижимал книзу, несколько сутулый и худощавый, он полностью перестал быть Волнорезом, правителем Вышеграда и самым желанным мужчиной океанского побережья.

Такой же потрёпанный, как свой вечерний костюм, он прошёл к стойке, где стоял табернариус (человек, который был и владельцем заведения и служащим в этом самом заведении). Твикс облокотился на натёртую поверхность и обратился к табернариусу:

— Уважаемый, не найдётся ли у вас компании в довесок к выпивке?

Мужчина за стойкой окинул капитана взглядом, остановив своё внимание на, практически скрытом под тканями лице:

— Да, я уважаем здесь, тут не поспоришь. И вот какое дело. Уважаемым людям нужно представиться перед тем, как спрашивать, не находите?

Твикс убрал локти со стойки, он понимал, что таинственное сокрытие своей личины не сыграет на пользу его любопытству. Он попытался увести разговор в сторону, но мужчина по ту сторону стойки был непреклонен.

— Здесь приличное заведение. А вы не дама с восточными манерами, чтобы лицо за тканью прятать. Либо по-нашему, либо за дверь!

— Я просто хочу узнать кое-что, и к каждому вашему слову будет прилагаться монета, не самым низшим номиналом. — Твикс, хоть и выглядел отчаянно, всё же не терял своего, почти переставшего бросаться в глаза, высокомерного акцента. — Так что? — вновь поинтересовался капитан.

— Наклонись-ка, — сказал табернариус, натирая кружку.

Твикс поддался вперёд, мужчина прошептал, невзирая на шум, который, кажется, на мгновение стих:

— Сейчас, вот прямо в эту минуту, собрал свою шваль и вымелся самостоятельно, без чьей-либо помощи.

Твикс напрягся, его стала переполнять злоба. Он уже вознамерился тут же распорядиться о полном истреблении каждого, кто сидел в этом чёртовом гнезде, но понимал, что это уже не в его власти. Он видел, что по углам стояли по двое-трое человек, которые не пили и не ели, они просто стояли весь день на одном месте, эти люди были наняты табернариусом, не иначе. Броситься на них в открытую он не мог, более того — все те, кто отдыхали в этой шараге, не вступились бы за не знакомого моряка. Он отступил, возможно впервые за всю свою жизнь. Допивающие свою скудную пайку матросы «Служанки» наблюдали за происходящим и направились за своим капитаном. Уже на подходе к выходу, Твикс наткнулся на взвод солдат, одетых в лёгкие доспехи с гербом Вышеграда на груди: руками, держащими гнездо с птенцами.

«Вот они, — подумал Твикс, — сейчас эти люди узнают его, заберут в столицу, и братья помогут ему найти похитителей, наказать предателей и восстановить былое звание Мракоморского Волнореза», однако, когда один из солдат отпихнул обмотанного моряка в старом потёртом костюме — эта иллюзия рассеялась как мираж на пустынном шгиле.

— Уходим, — прошипел Твикс, глядя на табернариуса, лижущего пятки обычным солдатам Вышеграда. Это были лишь шестеро человек, отправленных на поиски своего правителя. А как бы он скакал перед Твиксом, узнав, что говорит с самим Волнорезом?

В отчуждённом здании становилось душно, и команда скоро покинула его. Шагая по каменным дорогам, моряки шептались за спиной капитана, который совершенно отстранился от внешнего мира. Его душу плющило от ударов, словно молотом кузнеца. Как же так вышло? Всего лишь несколько мгновений, пара простых движений — и великий князь стал безымянным и безликим мусором?

Как странно, раньше он даже не задумывался, что мир без Творимира может вертеться своим чередом. Чувство собственной важности было его основным двигателем по жизни. Как же получилось, что он уж более не важен? Никому не нужен? Он шагал по мостовой, а ветер с севера гулял под ногами. Измученный и уставший, он похлопал по карману, где лежали портреты похитителей. Желание вышвырнуть их в море переполняло разбитого мужчину. Ему хотелось бросить эти бумажки с обрыва и самому броситься в объятия морской бездны, которую он любил больше, чем самого себя. Когда мысли о самоубийстве

заняли его сознание полностью, кто-то потрепал Твикса за рукав.

Боцман не был любезен, но, как капитан заметил, ему было не наплевать на происходящее.

— Кэп, отозвался старый матрос, вы-то человек занятой, ясное дело, да только небо-то над нами совсем нависло, как вымя над телёнком. Однако же, молоком оно не разразится. И даже не дождём. Может уже пора бы трюмы набить чем получше, нежели крысами?

Твикс видел, что вся команда ждёт его решения. Они рассчитывали на него. Наверное, именно это смогло пробудить в нём то самое, почти растаявшее, чувство собственной важности.

— Значит, — голос Твикса из-под повязки был приглушен, — есть возможность о которой я не знаю?

— Отойдём куда потише, — сказал боцман и повёл всех к пляжу, где никто не мог помешать.

Когда моряки оказались достаточно далеко от людной улицы, боцман расположился на песке и стал рассказывать полученную информацию:

— Дабы нам, с вами, господа — морские негодники, не стало совсем-таки худо, есть способ набить кармашки. Набить туго!

Все были заинтересованы, мужчина кашлянул и продолжил:

— Во всём этом городе есть лишь два способа срубить звонких: первый — это вынести их из дома казначея портового, да, попыхтит, врагами народа объявит, может и расправу затеет, но зато денег будет и себе на кружку, и соседу на хохотушку. Второй вариант полегче, конечно: у людей классом пониже здесь одна семейка предлагает на хранение, пока ты в порту, некоторые ценности побережь. Само собой, берегут они их знатно, вот только не воины же оне! Так что, вот наш с вами приговор: побольше, али полегче. Что думать будем, кэп? Вот, только в виду имейте, думать нам ещё с час, а может и того менее.

Твикс не лукавил, он открыто заявил, что хотел бы дать своим подопечным самое лучшее, но силы их были недостаточны для штурма казны, так что выбор его пал на хранилище.

Хотя порт и считался местом наиболее безопасным для недолгого спасения от жизненных и морских штормов, многие, кто оставался здесь на время, не чувствовали себя в безопасности. Как рыба, плавающая над кораллами, вечно ожидающая нападения хищников, люди дрейфовали по городу, дожидаясь неприятностей.

Твикс не был пиратом, и команда не стремилась к званию «бича морского», но для моряка не чужда лёгкая нажива. Будь она кровавой или слёзной. Хотя это и есть реальная картина настоящего пиратства — лёгкая нажива, кровавая, слёзная. Так, может быть, капитан принял тёмную сторону, просто он этого ещё не понял? Или понял?..

Ночь была совсем не дружелюбна. Лунный свет не был виден за гущей нависающих туч, северный ветер гулял в порту, теребя оконные заслонки, как листья погибающих деревьев. Это было только на руку изголодавшейся шайке. Твикс повёл всех за собой, боцман был штурманом. Семья, принимающая на хранение ценности была одной из самых старых в порту. Будучи Волнорезом, князь видел этих людей — они старались держаться честно и никогда не брали больше, чем положено. И, что теперь? Неужели покалеченное тело и рассудок и вправду заставят героя морей так низко пасть? Твикс был непреклонен, он жаждал расправы, и готов был добыть ради неё любые средства. Однако, стоит добавить, что у капитана было одно условие — никакой крови; запугивать — да, угрожать — а как иначе?

Но ни один из хранителей не должен будет пострадать, таково правило.

Дом-хранилище было не сложно отыскать: под подкошенным старым клёном это крохотное строение стояло с полсотни лет. Команда решила разделиться и обойти с двух сторон. Они крались в темноте, как змеи в поисках добычи — бесшумно, бездыханно, стремительно. Трое из команды уже стояли у заднего входа, дожидаясь сигнала. Сам Твикс, вместе с остальными осмотрели одну единственную комнату через полуразваленные ставни. Три человека сидели вокруг печи, где постукивали горящие поленья. Твикс знал, что придётся хорошенько постараться, чтобы добыть информацию о месте нахождения заветного свёртка с пожитками. Он был готов к насилию. Не стоит думать, что хотел, вовсе нет. Не хотел, но был готов.

Бесшумно отдав приказ, Твикс обнажил клинок. Моряки затаили дыхание. Капитан подал знак и команда ворвалась в беспомощную обитель. Трое людей не шелохнулись. Они сидели вокруг печи, закутанные в потёртые пледы. Твикс решил, что хранители спят, но вот одного ему понять не удавалось — как можно сохранить благоговейное забвение, когда за твоей спиной стоит куча вооружённых грабителей?

Боцман подошёл к печи и ткнул одну из фигур кончиком шпаги — подделка!

— Что это вообще значит? — послышался резонный вопрос от одного моряка.

— Это значит, — обречённо прошептал боцман, — что и бедняки готовы бороться за свои никчёмные пожитки.

— Боцман, кто навёл вас на это место? — раздражённо спросил Твикс.

— Тот, кто сразу раскусил гнилой орешек! — послышался самодовольный голос со двора.

Команда быстро осознала бедственность своего положения, они попались в западню.

— Теперь у вас есть два пути, — снова заговорил голос с улицы. — Первый: добровольно сдавайте оружие, мы пощадим вас и позволим загладить провинность путём работ на каменных рудниках...

К слову, рудники в порту Расшор — это то место, о котором знали на протяжении всей Аниланской волны. Ссылаемые на «исправительные работы» бедолаги навсегда оставались в толщах этих бесконечных пород. Надо сказать, процесс захоронения не справившихся с работой был очень прост: на место бессильно упавшего наказанного сбрасывали плоский валун. Делалось это всё на глазах всех остальных провинившихся, что придавало стимула к работе. Стоит ли пояснять, кто добровольно согласится на подобное? Более того, сроки «отработок» устанавливались на усмотрение властей порта, и предугадать их решение было очень проблематично.

... - И второй: вы ляжете в этом стареньком домишке, который прекрасно горит, ввиду сухой древесины, из которой он сделан. — Человек снаружи был горд собой, тот кто произносил эту речь протягивал каждое слово, наслаждаясь мелодией собственного голоса.

Твикс не позволил команде броситься в объятия смерти. Он всегда был капитаном и всегда был в ответе за других. Огромное количество недостатков морского правителя всегда балансировали с его главной добродетелью — заботой о ближнем.

Взяв за шкуру юного матроса, словно непослушного щенка, капитан спешно направился к окну, где сказал что-то своему подопечному и незамедлительно вернулся ко входной двери. Его приказ решительно прозвучал в стенах ветхой хижины.

Люди снаружи были готовы к отпору, сладкоголосый командир гвардии отдал приказ о боевой готовности, а сам взял в руки чашечку чая с блюдцем и стал потягивать ароматный

напиток, на манер придворного аристократа. В щелях деревянной обшивки хижины показался подозрительны шорох. Солдаты приготовились к отпору, прекрасно понимая, что шансов на победу у грабителей нет. Напряжение нарастало, за дверью явно что-то затевалось. Командир улыбался, предвкушая неплохую прибавку к жалованию, и уже грезил о том, как приобретёт в ювелирной лавке маленькую побрякушку из чистого Карнеольского золота, ведь его молодая жена не раз стирала глазки до красноты, намекая и выпрашивая эту чудесную подвеску. Он видел, как юная красавица, раскинув руки, бросится в его жаркие объятия и совершит то, о чём он не раз просил.

На пике мечтаний, командир был жестоко прерван. Дверь свалилась прямо перед портовым отрядом. Вся комната горела. Хотя пламя внутри уже разошлось повсюду, снаружи не легко было догадаться о происходящем. Стражи всполошились, но командир постарался сохранить спокойствие:

— Наверняка, они попытаются выбраться из противоположного окна. Двое останутся тут, а остальные займут оборону с другой стороны. Им не обойти нас, кольцо сомкнуто.

Его речи звучали уверенно, стражники не могли не поверить в них. Когда бойцы заняли позицию, в рядах вооружённых бойцов появилось беспокойство. Дом был похож на большой нарывающий абсцесс, который вот-вот вскроется и окатит своим содержимым всё вокруг. Командира тоже не покидала мысль о действии «не по плану».

В какой-то миг тишина полностью захватила зону проведения ареста. Как всплеск гейзера, из окна прямо в толпу выскочило горящее тело. Стражники недоумевали, они пытались побороть тревогу и страх и потушить горящего перед ними человека.

— Отвлекающий манёвр. — Заключил командир. — Ждём их с центрального входа!

Его слова были пророчеством, только, несколько искажённым. Когда дверь была полностью оторвана с петель, из неё повалились ещё два горящих тела, причём одно вылетело прямо на самого командира.

Суматоха разгорелась не на шутку. Взбешённый командир приказал собрать основные силы на окне — он был уверен, что это ещё один манёвр, который был очень легко раскрыт. Внутри никто заходить не желал, ибо хижина воспламенилась, как свиток старого пергамента. Слишком точно, слишком детально была возведена постройка, игравшая роль капкана.

Разъярённый командир во главе своего отряда дождался обвала крыши, а после и последней вспышки горящего дерева. Воров не было, он был уверен, что их тела будут извлечены из-под завала. Во время работ по разгребанию пожарища, не были обнаружены даже следы людского происхождения. Тела, которые были выброшены в окно и дверь оказались куклами, которые сидели вокруг очага, играя роль приманки. Но ведь командир догадался об этом, он знал об отвлекающем манёвре и был готов встретить неприятеля у окна!

Пока мечты о прекрасном подарке для дамы сердца гасли в его глазах, парусник «Служанка» отправлялся по волнам Чистомора вдаль от злополучного порта. На палубе был настоящий праздник — команда чествовала своего капитана и его неожиданную добычу.

На самом деле, излишне точное повторение ветхости привело к тому, что матросам не составило руда выдернуть несколько досок, служивших стеной. В месте, где эта стена прилегала к дереву, а соответственно была сокрыта от глаз стражи, они проделали выход. Капитан приказал закрыть окно тканью, поджечь хату изнутри и дважды отвлечь внимание стражников. Затем, когда пожар разгулялся не на шутку, они сумели выбраться и сбежать в

тени. Но, о какой же добыче тогда идёт речь?

Будучи князем, ещё в далёком детстве, Творимир возложил первый камень, ставший основой для постройки городской сторожевой вышки. Мечтая попасть сюда вновь и поиграть в искателя сокровищ, он закопал под фундаментом маленький свёрток с драгоценными камнями, которые отец оставил ему, прежде чем исчезнуть навсегда.

Теперь эта игра была закончена, коротко и быстро. Безо всякого авантюризма и интереса. Твикс поблагодарил себя в детские годы, приуныл, вспомнив бесчисленное количество различных женщин, окружавших его с самой юности и отсутствие самой главной женщины в своей жизни, вспомнил безмолвно покидающего его отца, но всё же остался доволен — он снова сумел выполнить роль капитана, он снова заставил команду поверить в него.

Они шли полным ходом, теряя порт из вида. Служанку обнимал холодный северный ветерок, который сумел остудить ожоги на телах команды, но не сердце их капитана. Сердце, по-прежнему жаждущее мести. Которую ему пришлось отложить, ведь боцман уже налил полные чашки, а ром не должен гулять по деревянной посуде, он должен гулять по крови моряков!

Глава 2. Следуя указанной цели.

Какое-то время два молодых человека провели на опушке, глядя, как догорает огромный особняк, с его кошмарным хозяином. Лексан совсем изнемог — он не спал, не ел, совсем не переставал думать о потерянном друге. Напротив, Брин олицетворял саму жизнь в чистом виде. Его словно не коснулись крушение каравана и огромная лапа бирюка.

Решив, что полученного отдыха уже было достаточно, они осмотрелись.

— Нам нужно добраться до цивилизации. — Заключил Лексан.

— Собственно. Два грамотных человека при хорошем внешнем виде, — намекая на одежды, которые Брин присвоил в доме, — вполне могут называться цивилизацией.

— Предлагаешь остаться здесь и строить общество?

— Эм... Боюсь, что моя новая внешность могла ввести тебя в заблуждение. Дело не в тебе, просто я ещё не готов строить серьёзное общество. Пойми, Лексан я молод, ты ещё моложе, мы обязательно найдём тех, с кем захотим создавать новую ячейку цивилизации, но не сейчас и не с тобой, прости.

Лексан смотрел на Брина, как на самого распоследнего идиота в деревне. Он всё никак не мог понять суть этого человека — глубочайшее мировоззрение, чувство стиля, манерность и большая физическая сила, в купе с, доходящим до абсурда, неуместным остроумием и некоторой отстранённостью, делали беглеца величайшей загадкой для гонца.

— Мы не можем отдыхать на задворках этого жуткого места, — промолвил Брин, — сил и так не прибавляется, а закат не за горами... — он запнулся — не за стволами, — намекая на окружающую их столбовую чашу.

— Но куда нам идти? Мы ведь заблудились, разве нет? — ответил Лексан, пытаясь отряхнуть копоть с одежды.

— Как бы то ни было, — заговорил Брин, — я последую за тобой. В конце концов, у тебя есть задание. Важное, так ведь?

Лексану вспомнилось, как Брин отнёсся к возложенной на гонца миссии. Ему было непонятно, почему бывший заключённый рассмеялся над трепетным отношением гонца к своей цели. А теперь он хочет помочь, хочет следовать за гонцом, предлагает помощь... Бриннэйн был прав, работа есть работа. А попутчик не станет обузой, особенно, если он в

состоянии постоять за себя и своего компаньона.

Через какое-то время, господа собрались с силами и выдвинулись вглубь леса. Обходя стройные стволы, они делали засечки на деревьях каждые десять-двенадцать шагов. Это было необходимым ориентиром на случай, если они заблудятся или станут ходить кругами. Беседы «обо всём, да ни о чём» не происходило. Оба понимали, что необходимо беречь силы, ведь, кто мог знать, сколько продлится их пеший поход. Сколько времени им придётся идти по этому древесному царству в поисках цивилизации?

Спустя примерно час безуспешных попыток хоть как-то выйти на след человечества, они обнаружили достаточно широкую реку. Вода оказалась чистой, вероятнее всего, река брала своё начало в горах, которые были сокрыты от глаз высокими деревьями. Казалось, что имеет смысл забраться на одно из них и разглядеть окружение, но столбовой чаща называлась не просто так. Деревья, которыми была усеяна эта часть леса именовались репанами — они не были широки в объёме, кора их была тонкой, без наростов и продольных восходящих трещин, а ветви и листву можно было обнаружить лишь на самой макушке. Эти деревья назывались «столбами», потому что на ярмарках по всему Камнеземью выставлялись сточенные столбы, на верхушках которых вешались разного рода призы, смельчаки, способные взобраться на самый верх, могли сорвать желаемое. Как не сложно догадаться, таковых ловкачей находилось не много, чего уж говорить о двух побитых юношах, которые с трудом могли передвигать ноги.

Лексан решил наполнить бутылку, в которой когда-то было вино. Он подошёл к каменистому берегу и опустил горлышко в бурлящий поток: «Бррр... не хотел бы я оказаться в этой ледяной воде» — подумал гонец, и тут же лицезрел прыжок над своей головой. В полутора метрах от него в бегущем течении оказался Брин, окативший Лексана своим «приводнением».

Брин, как маленькое дитя барахтался в холодной воде, словно не замечая низких температур. Он радостно нырял и сопротивлялся течению, искренне радуясь встрече с рекой.

Лексан же сидел на берегу и выжимал промокшую одежду. Словно старая недовольная бабка, он бормотал себе под нос несвязные слова, которые очень походили на брань в адрес одичавшего компаньона.

Оказавшись на берегу, Брин радовался, перебегая с камня на камень, пока не добрался до гонца.

— Наконец-то! — восторженно говорил Бриннэйн. — Это она, друг мой!

— Ты лично знаком с этой рекой? — колко спросил Лексан.

— Ха-ха! — рассмеялся Брин. — Эта, другая, неважно какая, это она, мой друг — это свобода!

Лексан и хотел бы поучаствовать в этом вихре жизнерадостности, но благоговение перед свободой ничуть не приближало их к социуму, поэтому гонец продолжил выжимать подкопчённый кафтан.

— Если свобода не вдохновляет тебя так же, как меня, — продолжил Брин, — то вот ещё повод для радости.

Лексан был заинтересован, но от дела своего не отвлекался.

— Близ рек всегда имеются людские поселения. — Заключил Брин, переведя дух.

Гонец остановился. Он глянул на течение реки и убедился в весомости слов беглеца.

— Да, таки есть. — Сказал гонец. — Теперь осталось выяснить, в какую сторону нам

двигаться, чтобы найти селение?

Брин вытерся шарфом, который он «изъял» из шкафа в жутком доме.

— Можно было бы разделиться. Но в таком случае теряется смысл моего обещания. —

Сказал Брин.

Лексан ухмыльнулся.

— Думаю, стоит идти по течению. — Выдохнул Брин и вытер лоб уже мокрым полотном.

— Желаешь плыть по течению? — незлобно поинтересовался гонец.

— Почему бы не пойти путём наименьшего сопротивления. Сама вода будет бежать подле нас, речной ветерок будет толкать нас вперёд.

— Как-то не убедительно. Слишком романтично и туманно, ведь сил и времени до заката у нас не много. — Несколько расстроено высказал уставший гонец, вспомнив, насколько облегчало дорогу седло гнедого товарища.

— Хм-м. — Задумался Брин. — Да, времени и сил не достаточно, чтобы дать лирике этих мест проникнуть вглубь сознания...

Спутники расстроено глядели себе под ноги. Но тут Брин воскликнул.

— Отбрось уныние! Селение, вероятнее всего, будет расположено ниже по течению на равнине. Там и климат поприятней и зверья поболее. Заметь, нам не встретилось даже кролей или белок.

— На таких деревьях белки бы не смогли ужитья. — Вставил своё слово Лексан.

— Это значит, что я прав, не так ли?

Лексан не особо хотел оспаривать вполне логичное заключение Бриана. Да и сил на это не было. Спустя несколько минут, господа решили выдвигаться в путь. Они собрали вещи, оделись, что было кстати, ведь худошавое тело Бриннэйна с торчащими из-под кожи рёбрами, выглядело почти так же отталкивающе, как бирюк из ужасного дома. Холодало, что не удивительно для запоздалой осени. Они старались не сбивать темпа и следовали за мистической надеждой. Казалось, вот-вот они набредут на домик у берега (не такой, какой им довелось найти в лесу). Но поиски оказались тщетными и темнота очень быстро расстелилась среди стройных стволов.

— Нам нужно остановиться. — Очень серьёзно сказал Брин. — Дальше идти нет смысла, мы очень устали.

Лексан полностью разделял мнение своего спутника. Он был вымотан ещё тогда, когда покинул ужасное поместье, что уж говорить о голодном походе. Выбрав место чуть подальше от холодной реки, они расположились меж деревьев, которые росли кругом, образуя замкнутое кольцо. Лексан вынул из сумки кресало, пока Брин собирал хворост. Пальцы гонца коснулись краешка письма Анфисы внутри сумки и из-за этого в его животе появилось странное тепло. Почему здесь, вдали от столицы и от этой милой девушки, он вдруг стал думать о ней? Он отчётливо видел её нежные белые ручки, которые держали перо и чернила, чтобы написать послание; ему хотелось верить, что Анфиса была несколько смущена, и поэтому руки советницы едва заметно дрожали, отчего буквы были не выведены каллиграфическим манером. Они росли в одном дворе (царском дворе). В то время, когда несносный мальчишка выпускал гончих лошадей на свободу, считая стойло местом заточения, маленькая девочка наблюдала за его храбрыми поступками из беседки старшего советника. Она была восхищена порывом добродетели, который заканчивался для юного Лексана поркой...

В ту счастливую пору, гонец принимал эту милостивую девочку за некое подобие статуи в аллее царей: она была бледна, холодна, движения её были неохотны, но будто продуманы, и каждое из них казалось осознанным. Если Лексан мог, неожиданно для себе, резким движением стукнуться о край стола до звёздочек перед глазами, то она, казалось, сделает так, что сам стол отодвинется от макушки темноволосой головы. Лексан видел, понимал, какие они разные. Начиная от чина и заканчивая частотой дыхания. Он был резок, прямолинеен, она же всегда знала, что скажет и даже, что подумает.

Так, почему именно эта придворная дама в чёрном плаще и бледной кожей так глубоко засела в его душе? Он видел многих. У княжеского порога всегда толпились разгорячённые и желанные особы: они были статны, румяны, в глазах их горело солнце, а под юбками пылал пожар. Да и сам гонец был хорош собой, оттого дефицитом внимания он не страдал. Но ни одна попытка полностью поддаться страсти с какой-либо из них не могла достичь апогея. Нет-нет! «Мужской слабостью» он не страдал, однако того, как описывали любовные утехы все вокруг, он не испытывал. Возможно, они были легкодоступны, слишком откровенны и болтливы.

Его сердце металось от потери друга, теперь ещё одним камнем на него лёг груз упущенной возможности. С тяжёлыми мыслями он ушёл в объятия сна, который оказался крепким до самого пробуждения.

Нельзя сказать точно — утро ли наступило или послеобеденное солнцестояние. Вокруг было спокойно, умеренно. Неподалёку шумела река, а столбовая чаща, словно бесконечная стена охраняла покой двух путников.

Утро напустило тревогу, когда из глубины столбовой чащи послышался шёпот. Когда Лексан и Брин одновременно распахнули веки, на их лбах выступил холодный пот:

— Не думаю, что нам обоим это послышалось, — беспокожно сказал Брин, глядя на гонца встревоженным взглядом.

Они направили взор в противоположную от реки сторону, в ту часть леса, которая была непроглядно заставлена деревьями. Молодые люди отчётливо слышали звук, который совсем недавно вселил в их разум неподдельный ужас; словно голос из тёмных недр нашептывал бесчувственное и глухое: — Т-с-с-с-с.

Вскочив на ноги, они стали осматриваться. Тщетные попытки разглядеть окружающую их чащу окончились железным возгласом Брина:

— Ты, как знаешь, а я к реке!

После этих слов, он быстро оделся и спешно направился прочь от своего ложа. Лексан, в силу хорошего и не потревоженного сна, очень скоро нагнал его. Молча путники добрались до берега струящегося потока воды. Шёпот не преследовал их, но желания дождаться этого кошмарного звука господ не испытывали. Принятое накануне решение о спуске вниз по берегу реки было окончательно и безмолвно принято, и путники двинулись подальше от, возможно не реального, но такого убедительного шума.

Стоит ли говорить, какая красота окружала юношей? Неумолимый поток реки разбегался меж острых камней, большей частью спрятанных под чистой водой; местами возникала радуга над руслом, когда свет преломлялся над брызгами живой красоты. Парни не могли любоваться округой, они были голодны, но сил прибавлял ночной сон, а шёпот из глубины чащи дал им источник мотивации.

И вот, наконец, чудо! На одном из прибрежных выступов они встретили двух рыбаков. Путники переглянулись, и как малые дети, бегущие навстречу любимым родителям,

направились к полусонным рыбакам.

Мужчины у воды очень яростно отреагировали на незваных гостей:

— Стой, кто идёт? — воскликнул один из них.

Отдышавшись, Лексан представился. Не оставляя места манерам, он признался, что вместе с Бриннэйном, заблудился, после крушения каравана (о злосчастном доме, однако, упоминать не стал).

Рыбаки не доверительно оглядели потрёпанных господ.

— Караван, говорите? — спросил плотный мужчина с гладкой бородой. — Да уж, напасть. Есть такое, в округе говаривали, что каравана не дождались уже третьего дня.

— Значит, вы осведомлены о нём? — поинтересовался Брин.

Не понимая странного слова «осведомлены», рыбак по-простецки ответил:

— Караван с деревней ведёт торговлю. Приходит, значит, и со всего Камнеземья различные товары носит. Всяко диво можно обменять на рыбу. Оне нам ткани из Кива, а мы им икры, да мёду.

Лексан тут же вспомнил своё знакомство с Лисиком, и заметно потускнел.

— Ну, будет тебе, — обратился молодой рыбак к своему старшему товарищу, — господа, небось устали и голодны, поди?

— Ваша находчивость заслуживает отдельной похвалы. — Запел Брин.

Бородатый мужчина шепнул что-то своему компаньону и кинул взгляд на неожиданных появленцев.

— Лексан, — шепнул Брин, — они чем-то встревожены. Думаю, что твой титул не внушает им доверия.

Лексан ответил, также не повышая голоса:

— Может они знают, что ты был узником на караване?

— Очень надеюсь, что нет.

Рыбаки стали серьёзнее и старший из них задал твёрдый вопрос:

— Давно ль караван пострадал?

Лексан не стал реагировать возмущённо, хотя голод делал его заметно агрессивнее:

— Как вы и сами упомянули. Три дня назад караван потерпел крушение.

— И вы вдвоём выжили, и только вдвоём? — снова спросил рыбак.

— Иных с нами нет, в противном случае, нас было бы больше. — Вступился Брин.

Рыбак не доверительно поинтересовался:

— Три дня в столбовой чаще и без единой царапины? Неужто вам не повстречался никто по дороге?

Путники нахмурились. Возможно о проклятом доме было известно в этих краях. Однако Брин настаивал, что им повезло наткнуться именно на этих достопочтенных господ.

— Коли всё так, то стоит проводить господ к старейшине? — Напрямую спросил рыбак помоложе. — Людям, которые вынесли столько времени в зарослях спиралесья стоит дать шанс на разговор под твёрдой крышей.

Мужчина постарше нахмурил брови, стал бормотать себе под нос и отплёвываться при каждом слове. Затем он похлопал своего товарища по плечу, зазывая следовать за собой. Рыбаки вытянули сети из речного русла, сложили её в плотный склад и закрепили на плечах молодого рыболова.

— Просим следовать за нами, господа. — Юноша обратился к Брину и Лексану вежливо.

Все двинулись вдоль бегущей журчащей реки. Прохладный ветерок дул им в спины, и теперь потерпевшие караванокрушение, наконец, чувствовали свежесть, доселе приглушенную давящими руками страха. Брин любовался красотами, которые так долго были недостижимы (особенно за плотной тканью тюремного шатра). Лексан же не мог чувствовать себя в безопасности — его настораживали новые лица, новые места, всё сильнее в голову вкрадывались мысли о преследующем роке невезения, нависшим над его юной головой. Он не хотел видеть страданий, смерти, даже кроны и стволы деревьев вызывали тревогу; всё, чего желала душа посла царской воли — это крепкой выпивки. Однако подле него шагал человек, который не давал утонуть в пучине удушающих терзаний. Брин выдал мысли вслух:

— У них же должна быть курочка?

Лексан, уже смирившийся с непредсказуемостью своего компаньона, ответил:

— Если ты желаешь завести домашнее животное — за сотни лет люди приручили много живности; можно раздобыть кота или даже погребную крысу. Куры не лучшие из братьев наших меньших.

— Живые куры моему сердцу не близки, да и искать дружбы у пернатых клювоголовок я не спешу. Меня прельщают их тушёные или сваренные с укропом душистые части. Особенно вкусны грудки. — Брин даже закатывал глаза, в предвкушении мясного застолья.

— Грудки сухие, они тянутся, как кожаные ремни! — Лексан воскликнул так громко, что рыбаки попятели глаза. Лексан кашлянул, делая вид, что не ведёт себя как ребёнок.

Брин перешёл на шёпот:

— Просто научись их готовить. И тренируй зубы. — Он щёлкнул челюстями. Этот звук тоже донёсся до рыбаков, те вновь обернулись. На манер своего товарища, Брин стал кашлять.

Минуя берег из прибрежных гладких каменных пластов, они вышли на широкую тропу, которая привела путников к воротам. Лес окружал деревушку, как живая защитная стена, а прямо у корней ютился тёплый туман, видимо, тянущийся от реки. На карауле стоял пожилой крепкий мужчина, который незамедлительно разбудил в сознании гонца воспоминания о старике Морвасе.

Рыбаки объяснили пополнение в своих рядах и попросили проследовать в хижину старейшины, который был главой сего поселения. Лексан уверенно шагнул к двери жилища старейшины, но Брин не последовал за ним, ему на глаза попался усатый мужчина с круглым животом и огромным подносом ошипанных кур.

— Даже не думай! — грозно прошипел гонец, веря в желание Бриана направиться за желанным угощением. — Из уважения нужно хотя бы представиться этим людям!

Манерно, словно почётный гость на балу городского вельможи, Брин достал расчёску, уложил свои волосы, немного почесал ею бороду и отряхнул костюм, который по-прежнему превосходил беглеца по размеру, и обратился к гонцу:

— Ваше замечание неуместно, видите ль, к старейшинам должно прибывать в достойном свете, а не как...

— Как кто?

— Как вы, собственно. — Брин тряхнул головой, укладывая волосы без помощи рук.

Лексан закатил глаза и отвернулся от двери хижины. Он тоже стал отряхивать поношенный кафтан. Как же так вышло, что беглец, который провёл неведомое количество времени за решеткой, куда лучше сохранил манеры, чем столичный гонец при царском

дворе, который всю жизнь занимался оттачиванием поведения в людской среде? Юноша потёр свой кафтан, отбил лесную грязь с обуви, чем вызвал лишь разводы из чернозёма на крыльце почётного дома, затем он попытался вспомнить об осанке, которая некогда украшала его спину, но, увы, тяжёлые приключения погнули его позвоночник. Собравшись с силами, Лексан решил ступить за порог. Брин последовал за ним. Только вот не чувствовалось никого дружелюбия вокруг. Как-то сухо относятся к представителям всенародной власти, будто бы визит придворного служащего в этом захолустье был обычным делом.

Внутри большой избы восседал статный мужчина в летах, чья борода была ухожено подстрижена и, в отличие от подавляющего большинства данного населения, достигала лишь верхней трети живота. Убранство было скромным и слегка тусклым. Будто паутина на стенах и копоть над большой пристенной печи были специально подготовлены в мастерской. Старейшина восседал за большим столом из сухого бука, на поверхности стола лежали кипы бумаг и мешочки, внутри которых, скорее всего, были монеты. Догоревшие и догоравшие свечи растекались по высохшей древесине, их воск покрывал трещины и изъяны сруба, делая комнату ещё печальней. Восседал же старейшина точь-в-точь как тот рыжебородый из деревни Морваса, они вообще жутко походили друг на друга, отличаясь, разве, одеждой и цветом волосяных покровов.

Гонец, казалось бы, уже набрал воздуха полной грудью, чтобы раскатиться тем самым заученным наизусть представлением. Но... Что-то стало не так, всё на свете стало не так. Лексан извлёк много разных уроков из событий, произошедших с ним незадолго до сего дня. Оказалось, что реальная жизнь совсем не такая, какой она казалась в застенках столичных домов. Реальность показала ему, что ни честь, ни правила, ни что-либо, что может упорядочить бытие не имеют значения. Реальность сделала так, как она часто поступает с неопытными и молодыми щенками — пнула острым носом сапога прямо под мягкий пушистый зад.

Лексан смутился, но решил, что молчание будет признаком неуважения. Он не был в том положении, чтобы показывать недовольство и раздражённость. Подобрал нужные слова, гонец решительно шагнул к столу и приготовился приветствовать старейшину.

Бриннэйн решил, что в неловкий момент необходимо вмешаться.

— Из города под куполом небесной глади, — Брин вёл себя, как торговец, разменивающий гниющий товар, — из земель далёких, из земель, благословлённых выше упомянутыми небесами, в вашу скромную обитель прибыл посол княжеской воли, гонец царского двора — Лексан Великокивский!

Лексан ткнул Брина в бок локтем. Беглец сморщился. Старейшина отвлёкся на шум перед столом.

Пауза.

***

Пауза затянулась.

— Ваше появление как-то связано с крушением каравана? — словно кирпич, вопрос старейшины прилетел прямо в лоб путников.

Юноши переглянулись. Лексан не стал юлить:

— Мы действительно были пассажирами каравана. И стали свидетелями и участниками его крушения.

— Спаслись лишь вы двое? — старейшина не плескал эмоциями, монотонные реплики

и не более.

На мгновение гонец вспомнил о Лисике, мгновение длилось не долго:

— Лишь двое. — Он снизил голос, подстраиваясь под манер говоря старейшины.

— И более ни одного? — уточнил старейшина.

— Я отвечаю двойко? — сухо, но с укором спросил Лексан.

Старейшина нахмурил брови. Вероятность того, что крушение доставило деревенской экономике немалых хлопот стала крайне высока. С его стороны потеря торговых партнёров выглядела убыточно. Но владыка деревни не стал разминать тему негодования. Двое, что стояли перед ним могли дать ценную информацию. Не обязательно им доверять, но вполне разумно дать шанс на разговор.

— Если всё так, — чуть послабил напряжение в голосе старейшина, — ваша дорога была мучительной. Бесчеловечно мучить вас после пережитого. Проследуйте к избе с красной крышей. Передайте распоряжение от старейшины Миртогора.

Путники оценили жест и стали направляться к двери.

— Не держите зла на недружелюбие. — Сказал им вслед старейшина. — Караван был нашей единственной связью с внешним миром. Разрыв таких связей неминуемо ведёт к бедам.

За сим, глава деревни снова зарылся в бумаги.

Будучи на улице, Брин обратился к гонцу. Обратился со всей серьёзностью, обратился разительнее, чем в кабинете старейшины.

— Их недружелюбие оправдано полностью. Друг мой.

Лексан ощутил сжимающую головную боль, затягивающуюся как обруч. Казалось, сейчас произойдёт признание, о котором Лексан пытался не думать весь тот путь от самого крушения.

— Бриннэйн. Они знают, что это ты повинен в крушении каравана?

— Они предполагают, что один из нас, а может и оба приложили к этому руку. — Голос беглеца звучал стальным холодом. Краски сгущались, как и небеса над их головами.

— Значит, — Лексан звучал обречённо, — убежище, которого мы ищем, станет нашей тюрьмой?

Лицо Бриннэйна словно окаменело:

— И мы сами идём в клетку. К сожалению, моё чистосердечное признание не спасёт тебя от оков. И бежать шансов у нас тоже нет. Наша усталость и голод — это их козырные карты.

Лексану было тяжело реагировать на эти слова. Утомление тянуло гонца к земле. Он не злился на Брина, не злился на себя (за то, что не стал спрашивать о произошедшем на караване). Головная боль делалась всё тяжелее, как и тело гонца.

Глаза Брина отражали усталость его компаньона. Не дожидаясь потери сознания гонца, он прихватил его за плечо. Стараясь удержать равновесие, беглец громко выкрикнул:

— Вам всё же придётся нас сопровождать. — Он обращался куда-то позади себя. — Бежать не станем. — Он обернулся. — Попросту не сможем...

Находясь порознь, путники смогли отдохнуть: как от дороги, так и друг от друга. Странно, если раньше воображение Лексана превращало тюрьму в место обитания самых изошрённых кошмаров, то сегодня он воспринимал её теплее. Стены этой избы выросли в голове гонца в непокорный бастион. Ему казалось, хотело казаться, что тюрьма — это необходимый стоп-пост, на котором стоит перевести дух.

Перед допросом им обоим предложили пищу и освободили от ноши собственных одежд, оружия и личных вещей. Юноши были благодарны. Безмятежное течение времени уже подплывало к вечеру. Лексан, вдоволь отдохнувший, обратился к Брину:

— Могу я прямо спросить?

— Я не тороплюсь, — сквозь сон ответил Брин, — как и ты, собственно. Догадываюсь, чего ты хочешь знать. Однако, вопрошай же. — Его тон снова сошёл на приятельский.

Гонец собрался с духом, но лица к Брину не повернул, спросил как бы себе под нос:

— Ты и впрямь принял участие в той катастрофе? — Лексан звучал печально и несколько сердито.

Брин пригладил бороду и ответил так же себе под нос:

— Что это может изменить, друг мой?

Гонец подтянул подбородок к груди и стал звучать крайне грозно:

— Это может решить в корни — друг или не друг!

Бриннэйн ощутил всю серьёзность слов гонца. Видимо, была причина, по которой Лексан относился к своему компаньону недоброжелательно, однако, вследствие обстоятельств, не мог предъявить своё негодование прямолинейно.

— Лексан. — Брин опять понизил голос и отвечал крайне серьёзно, — словом друг я разбрасываться не стану. Мы и вправду имеем право называться друзьями. Будь уверен, не многие, совсем не многие в состоянии пережить наш совместный путь. И выбраться живыми, благодаря взаимопомощи. — Он задрал подбородок, оголив горло, на котором остались следы от жутких пальцев чудовища из зловещего поместья.

Лексан посмотрел на кровоподтёки. Он и сам не мог понять, как и почему бросился на помощь. Рефлекс? Инстинкт? Привитое желание спасти мир? Всё вместе? Но сейчас Брин и помощи не нуждался, а местоположение было крайне подходящим для серьёзного разговора, терзающего гонца с самого пробуждения после крушения.

— Просто будь честен, — Лексан едва сдерживал нарастающие чувства, — ты причастен к крушению каравана? Да или нет?

Вновь заключённый в тюрьму, вновь обвиняемый, Брин принял позу, в которой он сидел при первой встрече с гонцом.

— Нет. — Будто отрезав все обвинения на корню, Брин грозно ответил Лексану. — Нет.

Сердце гонца нагнало ритм. Его лицо стало краснеть, а капилляры в склерах расширились — этот ответ его не устраивал.

— А как же твоё милое предупреждение? — Лексан взялся за прутья решётки, которые соединяли две клетки воедино.

Брин резко схватился за руки гонца и подтянулся к расщелине между прутьев:

— Я не лгу своим друзьям, — Брин был в ярости, в глазах беглеца блеснул огонь, который пылал в них в кладовой ужасного поместья, — и это принцип!

Лексан вырвал руки из хвата своего сокамерника, после чего сам крепко зажал кулаки Брина:

— Признайся, почему ты так поступил? Зачем рушить целый караван, чтобы сбежать? — Лексан практически перешёл на крик, — Зачем уничтожать неповинные жизни, ради спасения своей? Насколько ты ценишь себя выше других, с чего ты взял, что стоишь больше, чем все пассажиры этого города под небесами?!

Брин слегка размяк, он не понимал, почему Лексан был так недоволен своим спасением:

— Ты следовал по своему пути не в одиночку? — предположил Брин.

Лексан не мог определиться с тем, как реагировать на вопросы Бриана. Горечь разлуки с единственным бескорыстным существом особо сильно впивалась в кончик языка. Существенно поразмыслив, гонец остановил поток извергающейся злобы — она рикошетила от металлических прутьев сдавливающей клетки, отчего оставляла в сознании тяжёлые ожоги. Убавив пыл, гонец отодвинулся от решётки и опёрся об одну из «стен»; сложив руки на коленях, он утомлённо вздохнул, выдыхая гневный порыв в окружающую тишину.

Брин отступил от решётки. Он не выглядел озабоченно, не выглядел отчаянно — тюрьма ему не была в новинку.

— Никогда бы не стал рисковать чужой жизнью в пользу своей, — беглец понимал, что его слова останутся блуждать в застенках тюрьмы, пока не растворятся во мраке затхлых стен, а потому особо не вкладывался в их смысл, скорее он пытался оправдаться перед самим собой, — зная, что караван был полон неповинных ни в чём жизней, я бы точно не стал рушить его в угоду собственного освобождения.

Они не пытались общаться, их отношения друг к другу нельзя было назвать дружескими — и Лексан и Брин понимали это прекрасно, несмотря на постоянные восклицания со стороны вновь пленённого Бриана: «Друг!».

Никто не хотел обсуждать наступившее положение: Лексан всё пуще уходил в себя, оставляя происходящее в руках судьбы, Брин же стоял ровно, глядя в единственную щель в стене, называемую в этом скудном месте окном, он поджимал брови (его что-то гложет, очевидно это связано с караваном, неужто раскаивается? А быть может чего-то не договаривает?).

Время допроса приблизилось к застенкам тюремной камер. Сруб из красной крыши оказался не очень прочным, стало быть, не так часто в этих землях брали людей под стражу: клеток во всём помещении было всего три.

Лексан и Бриннэйн прибыли в комнату для допроса в зените полнолуния — холодный свет земного спутника разливался по помещению, а само ночное светило стояло аккуратно в рамке круглого окошка.

Допрос вёл некий, уставший от жизни от всей, офицер окружной гвардии, коей являлись, ни взять, ни убавить, двадцать шесть пеших и три всадника. Ненужность происходящего чувствовали абсолютно все присутствующие. Брин даже хотел шепнуть своему сокамернику о том, что при должном отдыхе, они вдвоём сумеют захватить деревню под свой контроль.

Процессия об обвинениях началась. Неспешно, устало и обречённо начал задавать глухие вопросы утомлённый от собственного бытия офицер. Глас его звучал, словно шорох шерстяного одеяла после стирки и сушки:

— Представитель охраны деревни Проселки, пан Эвель-фон-Струг, — невыносимое долго протянул офицер, словно совсем не желая представляться, общаться и жить вообще, — ваши имена, господа?

Стало неловко. Лексан даже стал поглядывать на происходящее понизив призму собственной обиды. Хотелось пожелать офицеру пойти домой и поспать, при большом желании — пойти домой и повеситься.

Брин молчал, а потому гонцу пришлось не затягивать надвигающуюся тишину:

— Лексан.

— Фамилия? — Будто из последних сил спросил офицер.

И тут Бриннэйн расправил плечи: он вдруг неожиданно понял — фамилия гонца ни разу не прозвучала ни в одном разговоре, ни в одном документе. Неподдельный интерес заполнил его загоревшиеся глаза, и он едва ли сам не переспросил вслух: «А фамилия?».

Лексан нахмурился. Подобно деве, получившей непристойное предложение от молодого человека на сеновале, он отвернул лицо от вопрошающего.

Офицер был человеком простым, а приказ, данный ему был ещё проще: ежели арестованные говорить сами не намерены, надобно им помочь в сием действии, то есть пытаться, пока не прокричат необходимое. Эвель потянулся к сумке, висевшей на спинке стула и стал выкладывать на стол один за одним предметы необходимости в случае допроса:

— нож с закруглённым концом, напоминающий серп;

— две спицы с разной длиной;

— стальные иглы для введения под ногти;

— металлическая груша со странным поршнем — на данной конструкции господин Эвель-фон-Струг остановился. Ехидно поглядывая на замысловатый предмет, он потянул поршень на себя: округлое тело груши широко раскрылось, открывая юношам нутро сего инструмента... глаза путников тоже раскрылись...

— Если быть внимательным, — заговорил офицер, — можно понять, куда именно помещается этот любопытный объект.

Он отпустил поршень, груша замкнулась, юноши дёрнулись.

— Не всплывают подробности, господа? — Эвель говорил саркастично и враждебно. Видимо, время разговоров подходило к концу, и постепенно наступало время действий.

Лексан глянул на Бриана, потом в пол и решил, что пора сознаваться, он встал из-за стола, выпрямился и представился так, как обязан был представляться пред каждым вопрошающим:

— Из города, уходящего крышами в само небеси, из края великого князя Святослава и его священного двора, под покровительством Кивского правителя в сей град прибыл гонец царской воли — Лексан. — Он закончил и поклонился.

Фон-Струг, хоть и ощутил некое жжение пониже спины, но свято поверить в чёткий слог не поспешил.

— Значится, из двора самого князя Кивского путь держать изволите? — он снова заговорил неспешно и протяжно. Откинувшись на спинку стула, офицер продолжил. — А, ежели я вам иголку под ноготок проведу, кем станете представляться, — он говорил с ухмылкой, словно и жить снова захотел, но это прошло очень быстро.

Лексан не удивился, что всем поселениям мира, которые численностью населения не выше осинового гнезда, наплевать на слова столь важного человека (ведь посол княжеской воли был крайне важен, личное ношение посланий от главы государства, считалось неизмеримой привилегией). Лексан не стал трепаться, он уже порядком устал кувыркаться в колесе судьбы, а потому стал развязывать узел на штанах, уверенно глядя в глаза офицера.

Брин не поворачивался к гонцу лицом, он лишь косился, стараясь отречься от происходящего. Эвель подтянул подбородок к шее, выпячивая глаза, и готовился ткнуть закруглённым ножом в место, которое пытается оголить юноша.

Лексан снял штаны резким движением, он смотрел на офицера свысока и уже совсем не чувствовал себя арестованным.

Эвель-фон-Струг немного прищурился — оказалось, что аккурат подле достоинства гонца виднелась чёрная, аки смола, татуировка.

Брин стал смотреть в другую сторону.

Лексан громко выпалил:

— Как представитель княжеского двора, я требую немедленно призвать на аудиенцию главного представителя сего селения. Немедленно требую вернуть мои вещи и вещи моего компаньона. — Совершенно иной говор, совершенно иной образ создал гонец. — Оговорюсь последний раз: немедленно.

Офицер перестал выглядеть столь непринуждённо и уверенно. Ему это представление по душе не пришлось, однако он учитывал, что происходящее и впрямь стало не подконтрольно. Эвель встал из-за стола, выпрямил пиджак и обратился к гонцу, как подобает военному человеку:

— Как председатель окружной гвардии деревни Проселки, прошу дать время привести на сий разговор Старейшину деревни и документ. — Он стукнул пятками и двинулся к двери, после чего скрылся в ночи.

Бриннэйн заговорил, не поворачиваясь к гонцу:

— Видимо, — он выглядел растерянно, — у послов княжеской воли имеется такой прибор, что даже офицеры встают на носочки?

Лексан более не желал вести светские беседы, отчего серьёзно обратился к Брину.

— Слишком многое себе позволяют люди, не имеющие права и на долю подобного. Я проделал достаточно долгий путь, обязан проделать ещё больший, однако же подмоги не наблюдается, напротив, наблюдается лишь невежество и грубость.

Брин не продолжал шутить, он решил, что гонец берёт происходящее под свой контроль, соответственно, что-то имеет на уме. Для Брина пришло время просто наблюдать.

Когда дверь отворилась, комната залилась светом трёх фонарей. В помещение вошли люди, несущие свет и свою волю. Лексан стоял без штанов, но ничуть не смущался. Люди стали продвигаться к столу, разливая свет по всей комнате, отчего голый зад гонца всё сильнее бросался в глаза.

Старейшина уселся на стул офицера, сам Эвель-фон-Струг встал позади него, а третий человек обошёл гонца, подошёл к столу и уложил на его поверхность толстую запыленную книгу, с надписью на обложке «Альманах». Никто не делал вид, будто оголённые части гонца здесь совсем неуместны.

Книга распахнулась, старые страницы переворачивались с хрустом, они были ссохшимися. Человек, перелистывавший альманах, остановился на середине книги — он представил взору господ страницу с броским названием: «Метки господ высокого назначения».

Среди нескольких выведенных рисунков, он остановился на одном единственном — точь-в-точь повторяющем узор на бедре гонца: это был голубь с расставленными крыльями, над которым была высечена корона с четырьмя гранями и камнями, украшающими весь венец, и отходящие от всей татуировки лучи.

— Сомнений нет, — промолвил Старейшина, совсем недавно спавший в своей постели, а теперь вынужденный сидеть здесь посреди ночи. — Сиюминутно освободить этих господ из-под стражи и выполнить их приказ.

Солдаты, поджидавшие снаружи, прошли в зал и осуществили наказ Старейшины. Сам Старейшина встал перед гонцом, который уже прибрал своё добро и завязал узел на штанах, принял виноватый вид и решил извиниться:

— Господин, — он не был отрешённым, как при их первой встрече, напротив, стал

проявлять интерес к персоне гонца, — вашей милостью мы должны быть прощены, ибо вашему приходу предстояло огромное несчастье.

Лексан слушал, надевая свои одежды и проверяя содержимое походной сумки. Он не вмешивался в извинения Старейшины, наконец-то пришло время относительно должного обхождения с представителем княжеского двора.

— Наша беда в том, — продолжал старейшина, — что мы отрешены от большой дороги, и ведать не ведаем о той стороне просек. Поймите, тут такой переполох, а разбираться времени совсем нету. Вот и нашло на нас сие идее — что, мол, вот он, костяк наших бед — незнакомцы. — Всё больше его извинения походили на оправдание маленького ребёнка, разбившего мамин любимый кувшин, — оттого и решили строго, не знали же мы.

Лексан поднял ладонь, этим жестом он определил свою позицию — достаточно извиняться.

— Справедливости ради, — Лексан говорил, как хозяин положения, — у вас крайне удобные камеры, я даже сумел охладить кипящую голову. Благодарю за ночлег.

Офицер Эвель-фон-Струг держался ровно, но в этот момент позволил себе немного расслабиться и даже хихикнуть, однако сразу же принял позу бравую и достойную армейского воеводы. Лексан заметил это, но на радушии гонца это никак не отразилось. Он вынул из сумки «Право на одно» и развернул его на столе:

— Сий приказ позволяет послу княжеской воли поиметь один приём пищи, один ночлег и попросить об одной услуге, которую осилит селение. Что ж, господа, — он закатил глаза и ухмыльнулся, — поесть вы нам уже предложили, — намекая на пайку тюремной баланды, боле походившую на недоеденные свиньёй помои, — одну ночь мы тоже провели, радушный приём, — его сильно забавляла собственная гордыня, но она была скорее показушной, — осталась малая просьба.

Склонив голову, Старейшина вновь виновато пробормотал:

— Отчего ж вы как палач над нашими головами, господин, для вас найдётся место на тысячу и одну ночь и еды мы сумеем добыть на месяц вперёд, господин, проявите милосердие, не по делам нам ваша кара.

Лексан и вовсе с трудом сдержал смех, но решил, что этого представления и впрямь достаточно, а потому заключил:

— Вот такая просьба, господа. Нам бы на утро двух коней снаряженных, да карту округи, дабы вернуться на большак. И, будьте уверены, деревню Проселки я вспомню лишь добрым словом. И вопрос о торговле и существовании вашего селения лично задам царским советникам.

— Не смеем и просить, господин. — Едва не упал в ноги Лексану Старейшина.

— Будет-будет, вам. — Заважничал гонец. — Я понимаю ваше положение, но и вы поймите моё. Задание важное и очень скорое. Так что же, можем мы рассчитывать на скакунов и взаимную дружбу?

— Курочек бы, — под нос пробормотал Брин.

— И, если это не поставит вас в неудобное положение, — Лексан поморщился, — куриного мяса бы в дорогу.

— Устроим. — Сказал Старейшина, прокручивая в голове, как скоро он сумеет достать всё, что просит гонец и управиться к рассвету.

— Однако же, — офицер влез в разговор, — документ оформлен на имя посла княжеской воли. Что же касается вашего спутника, господин, в указе не описано...

Брин понял, что на него это право действительно не распространяется, отчего немного пошурился.

— Этот человек, — сказал Лексан, хмуря брови и понижая голос, — мой верный соратник и слуга, если вы имеете в виду, — он наклонился к офицеру, который был ростом пониже, — лишить меня моего компаньона... Это станет первым, что я доложу своим покровителям.

Тяжёлый взгляд Лексана испепелял сердце воеводы. Эвель стал мысленно лупить себя по щекам за собственную неуместную наблюдательность, отчего покрылся холодным потом.

— Никаких проблем нет, господа любезные, — вмешался Старейшина, — это будет нашим подарком Великому Киву и его любезным господам, — в его дрожащем голосе звучал трепет неминуемого удара.

— Проблем нет... — запинаясь промычал офицер, отходя назад и стараясь как бы спрятаться за стулом.

На том и порешили: до утра путники остались в доме офицера, в котором сам Эвельфон-Струг не появился до самого рассвета. Им предложили откусать и отпить, как почётным гостям. Остаток ночи юноши провели в компании прекрасных дочерей офицера и его терпеливой жены, никакого намёка на пошлость, никакого груза былых ошибок — эта ночь была прекрасна: шутки, басни, пение и сытно накрытый стол.

Утро встретило путников обещанными дарами, особенно пришлось по душе Брину несколько тушек запечённых кур, обернутых в лопух. Приятное прощание и скорейший возврат к большому миру ждал путников, а новый день встретил их поспешный шаг тёплым туманом.

Деревня Проселки попрощалась с новыми знакомыми, желая поскорее вернуться к обыденным делам. Тёплый туман всё глубже просачивался по улочкам, наполняя дворы приятной влагой. Старейшина считал, что выбрался из ситуации, как нельзя, выгодно, офицер считал, что миновал беды, которая могла свалиться ему на голову... Но беда пришла к этим людям очень скоро.

Когда вечером ко воротам в родные Проселки вернулись те самые рыбаки, их сердца дрогнули от удара судьбы — вся деревня была опустошена, вместо людей на улице и в хатах остались лишь одежды, всё выглядело так повседневно: будто только что кто-то стирал, готовил, бегал по двору и собирал камушки... Селение посетил не туман — дымка. Её безмолвные и беспощадные обитатели призвали в свои нескончаемые полки новые души, и поток тёплого тумана двинулся дальше, не ведая преград, не ведая жалости.

Юноши скакали на лошадях, их лица обдувал приятный осенний ветер. Они остановились у ручья, чтобы напоить коней, а сами присели в траву и каждый молча подумал о своём. Брин мечтал поскорее выполнить своё обещание и провести гонца до самого пункта назначения, а Лексан думал о том, что сумеет сделать поистине важное благородное дело и вытащить деревню Проселки из небытия брэнного существования.

Не все благие мечты сбываются, не все святые люди обретают рай.

Глава 3. Сеть ночного шелкопряда.

Нестор стоял у входа в обитель безумия. Он нёс в себе голос разума и нёс его с оружием в руках.

— Прекратить сие вероломство, — громко заявил князь, указывая на брата, лежащего пред топором палача.

Змеиный нрав Мегандера требовал ему уползти в нору, откуда его не достанут цепкие

лапы Нестора. Но ещё сильнее в нём заиграла обида за столь несвоевременный визит Каргопольского правителя.

— Здесь вершится правосудие, — зашипел Кроллим старший, щурясь, — это решение народа!

Нестор не собирался вести диалог, его глаза кипели гневом, а глаза армии за его спиной жаждой крови.

— Этот город чести совсем не знает, — Нестор шёл к самому месту казни, позади него, как вода со склона горы в залу стекались бронированные воины, — всего несколько недель без Киевского правителя, и вы обратились в стаю голодных до глупостей шакалов! — Нестор решительно шёл к трону. Когда князь добрался до палача, второй мигом обронил топор и пал на колени, не способный даже стоять.

Князь Каргополя не проявил никакого внимания к брату — его цель была иной.

— Никакой чести, а за сию низости души, никакой пощады! — Он двигался уверенно в зале, наполненной гробовой тишиной.

— Дядя, — трусливо обратился Валерас к своему наставнику, — что тут происходит? Как это понимать?

Дядя и сам не знал, как это понимать, дядя желал ушмыгнуть незамеченным и скрыться от всего мира, но весь этот мир сейчас заострил внимание именно на нём.

Когда Нестор дошёл до самого трона, его лицо порозовело.

— Сейчас же, — голос его был наполнен яростью, — сейчас же подними свою жирную задницу с престола моего брата!

Валерас, будто заворожённый, стал сползать вниз и откатываться за спину своего дяди. Весь зал застыл в изумлении. Всех волновала развязка.

— Я прибыл как раз вовремя, — Нестор обратился к совету вельмож, — это место не будет занято семейкой, которую я, надеюсь, в ближайшем будущем переселю подальше от столицы, — он повернулся к господам Кроллим, — либо на север, либо на небеса.

— Охладите свои речи, господин князь Нового Каргополя, — вмешался старейшина Солан, — этот титул был получен законным образом, вопрос о назначении Валераса Кроллим на должность правителя Великого Кива был поднят советом и принят народом. Ваш визит — важнейшее событие, господин, но даже это не может изменить того факта, — Солан захрипел, — что вы — не Святослав.

Люди стали шептаться, Нестор не был смущён или удивлён — этот старый дряхлый Солан готов целовать ту задницу, которая предложит побольше золотых гор, как это делал Мегандер или замахнёт над ним меч пошире, как это делал Святослав. Нестор обратился к старику:

— Может пора провести реформы, которые затронут каждого в этом поганом городе?

— Не в вашем городе, — за спиной Нестора послышался коварный голос Мегандера, — как бы вы не хотели это изменить, — Кроллим ощутил поддержку совета столицы, — должность правителя Великого Кива занята по всем канонам Валерасом Кроллим. Если сия кандидатура вас не устраивает, вы можете подать прошение о пересмотре сего решения и дожидаться скорейшего ответа.

Нестор гневался, но держался достойно, как и положено князю.

Мегандер совсем потерял страх, видя, что политика сейчас давит на Нестора и поддерживает Кроллим. Он обратился к князю с неожиданным заявлением:

— Даже если ты и сможешь убрать короля Валераса с престола, — он сделал паузу и

растянулся в недоброй улыбке, — князь Святослав завещал этот пост ему!

Мегандер указывал пальцем на Василия, который не мог вмешаться в полемику, теряя всё больше сил от каждого вздоха. Мегандер вернулся к Нестору:

— Этот человек пошёл на сделку, и мы можем пойти навстречу ему, но не тебе, князь Каргополя.

Нестор был озлоблен и возмущён, в действительности, начинать резню прямо в царской зале не было приемлемо. Более того, паршивый Мегандер был прав — не было у Нестора никакой поддержки закона, все карты были на руках кукловода семейства Кроллим.

— Я пересмотрю все ваши решения лично, господа. — Нестор говорил мягче, не лишаясь при этом ярости в голосе. — И когда доберусь хоть до одной ошибки в вашем хрустальном замке — он падёт сотней острых осколков на голову каждого заговорщика.

— Нет заговорщиков, — едва не заорал Мегандер, — и падать нечему! А сейчас мы все насладимся казнью преступника подле наших ног!

— Не будет никакой казни, — сухо заключил Нестор, он подал знак солдатам, которые окружили Василия, вытолкнув палача. — Этот человек теперь под дланью защиты Нового Каргополя. И боль, отныне причинённая ему, вернётся страданиями увеличенными в стократ.

Василий видел, что Нестор вовсе не вступает за честь младшего брата — Князь отхожих мест был всего лишь инструментом, рычагом давления на неприятеля, но этого было достаточно. Достаточно, чтобы не сгинуть тут, на глазах ревущей толпы. Он знал, что стоит затаиться, сейчас ему нужно перевести дух и набраться сил — армия Могили не заставит себя долго ждать.

Нестор оставил полемику и престол, которым были полны его амбиции, ему стоило отступить и перевести хоть какую-нибудь часть совета на свою сторону. Эта змея в мантии не протянет долго, рука западного правителя отсечёт ядовитую голову Мегандера, но для этого было необходимо подождать.

Сам же Кроллим проводил взглядом двух братьев, ему не терпелось отправить их обоих на виселицу, но не сейчас. Данная битва была оставлена, а пока ему трепетно хотелось укрепить правление своего племянника.

Сети были натянуты, теперь лишь время укажет, кто попадётся первым.

Весь Кив был поставлен на уши. Никто не остался безучастным. Люди были растеряны, они не знали, кто сейчас правит, кому необходимо дать присягу и кому служить. Город захлестнула волна негодования, волнения приводили к стычкам, порочащим мирную повседневность.

Светлица Святослава была полна армейских служивых князя Нестора — должная защита княжеской семьи. Случилась первая встреча царицы и князя, они отнеслись друг к другу, как старые друзья. Ростислав, который ввиду последних событий был напуган, как заяц, находился всё ближе к матери, а увидев дядю, сразу бросился в его объятия:

— Наш спаситель! — вопил мальчик, не сдерживая слёз, — ты защитишь нас?

— Останови слёзы, храброе дитя, — Нестор был непоколебим, — теперь Я стану стеной, отгораживающей вас от всех невзгод.

— Ему нужна опора, как никогда, — княгиня Милена и сама была растрогана, — всем нам.

— Ваше положение оказалось бедственным. — Нестор обратился к жене брата, не выпуская племянника из объятий. — Нет сомнений, после головы Нелюбима, Кроллим

потянулись бы за вашими.

Ростислав крепче прижался к дяде, хныкая.

— Но этому не бывать, — заключил Нестор, — при мне этого не случится.

Глотком свежего воздуха, Нестор прошёлся по жилищу старшего брата: от его присутствия всем стало легче. Князь Нового Каргополя принёс с собой частичку неземного света во дворец, грея каждого, но его яркие лучи были способны ослепить.

Нестор расхаживал по трофейному залу старшего брата, рассматривая всевозможные дары военной славы Святослава. В это же самое время туда забрёл и Василий, Нелюбим неспешно вошёл в залу и, стараясь избежать столкновения с Нестором, направился к стойке с рубином мятежного сердца. Когда Нелюбим коснулся меча, князь Каргополя вмешался:

— По какому праву ты тянешься к этому клинку? — сухо произнёс Нестор, схватив Василия за рукав и оттянув его от меча.

— Это оружие, — Василий не смотрел Нестору в глаза, — оно было даровано мне от князя Святослава лично. Теперь меч принадлежит мне.

Нестор смутился, его вид был отнюдь не дружелюбным, совсем напротив.

— Принадлежит тебе? — Нестор оттолкнул Нелюбима в сторону. — В этом городе и в этом замке ничего не может принадлежать тебе. Здесь ты не возьмёшь даже паутину с потолка, я такого точно не позволю. — Грозно заявил князь.

Василий отступил.

— Всё имущество из этой комнаты принадлежит моему брату. — Нестор был грозен.

Василий смотрел на брата, не поднимая глаз к лицу Каргопольского правителя. Он освежил в памяти внешность одного из старших братьев — худощавые ноги, не крепкое тело и лишь громогласный голос, роднивший его со Святославом и Кондром. Нелюбим скорчился и сжал губы.

— Что? — возмутился Нестор. — Хочешь рассказать мне, что и в тебе течёт сближающая нас кровь?

Василий всё же обратил внимание на лицо Нестора, но не осмелился смотреть брату в глаза.

— Я всё сказал, — продолжил Нестор, — здесь есть место только для рук Святослава. Тебе здесь места не будет.

Князь отхожих мест понимал, что речь идёт не только о дворце. Он прекрасно помнил, не раз возводил в памяти тот день, когда семейство отказалось от младшего брата — Нестор рьянее других поддерживал инициативу об отправлении Василия вслед за отцом. Эта неприязнь не стала меньше, Нестор всё так же относился к младшему брату с презрением, а теперь, когда Нелюбим и вовсе выглядел, как искажённая тень самого себя, стал выдавать подлинную ненависть.

— Это была воля брата. — Промолвил Василий, снова уставившись в пол.

— И речи быть не может о воли брата! — Нестор агрессивно направился к Василию. — Тебя должны были казнить ещё пару дней назад на глазах народа, возможно, не стоило останавливать руку палача.

Василий сжал кулаки. Нестор не обращал внимания на реакцию Нелюбима:

— Мне благодарности от тебя не нужно. Твоё нахождение здесь оскверняет память о былых временах. Я надеюсь, что в ближайшем будущем ты залижешь свои поганые раны и исчезнешь из этого города.

Василий не давал отпора, он выглядел, как загнанный зверь, которому нечего

противопоставить охотничьим стрелам.

— Я получил приглашение от его имени, так же как и ты.

— Я запрещаю тебе говорить о Святославе! Хватит! Как только ты оказался в чертогах Кива, весь мир сошёл с ума. Теперь рукой совета верховодит семейка Кроллим, а дальше хуже. Никаких оправданий. Тебе здесь места нет. Твоё будущее с этим местом связано быть не может.

Нестор спустил гонор на полушёпот и обратился к Василию с грубым презрением:

— Чем скорее ты уберёшься в свою сточную канаву, тем быстрее этот город отмоется от помоев, что ты принёс из неё.

Нависла немая тишина. Василий отступил, сильно раненный от встречи с костоломами Мегандера и горько раненный словами Нестора.

Князь Нового Каргополя был уверен, что именно Василий принёс беды в этот город, ему всегда казалось, что втроём братья заправляли бы Камнеземьем куда продуктивнее. Что до Нелюбима, его отвращение и гнев не были направлены лишь на Нестора, его ненависть распространялась далеко за пределы этого замка, дотягиваясь даже до светлицы короля Валераса.

Этот горький разговор расширил пропасть между братьями ещё больше, пустота, разрезающая хоть малейшую возможность на взаимопонимание достигала масштабов непростительных. Каждый остался при своём — ни друзья, ни враги; ни братья, ни товарищи.

К тому времени, в доме семьи Кроллим гремело настоящее землетрясение. Мегандер был в ярости, как от несостоявшейся казни, так и от надвигающейся угрозы разжалования Валераса.

Нынешний же король Великого Кива был вовсе не в подавленном положении: ему то и дело предлагали ввести новые законы, предлагали новых невест и новых угощений. Лишь горечь от не скорого отмщения своему «лучшему другу» портила его царский аппетит.

Валерас прибавил в весе. Закономерно став шире, он требовал новых нарядов под свои новые широты. Мало кому удалось выглядеть столь непривлекательно, находясь в таком почётном положении, но король справлялся. Нельзя указывать человеку на его недостатки, но и прикрывать на них глаза тоже не стоит. У «Ясноликого» короля совершенно пропало желание и возможность перемещаться пешком — для сего были выделены четверо крепких ребят гвардейского склада. Им бы следовало крушить головы неприятеля у входа в ворота, но, отныне, они следовали указующему пальцу Его Величества. К слову, Его Величество указывало излишне часто к столовой, либо к театру, ожившему благодаря усилиям маменьки Валераса.

Святейший правитель и ходить бы стал под себя, не будь рядом дядюшки, чьи слова могли заставить племянника хотя бы повернуться на другой бочок. Мегандера не смущал расслабленный темп ведения дел мальчика, ведь, он лично отдавал большинство распоряжений, зачастую исключая племянника из цепочки правления. Одно стало тревожить Кроллима старшего — потенция племянника стихала с каждым набранным килограммом.

Одним из затяжных вечеров, после приёма пищи и прибытия в каминный зал, Мегандер уединился с Валерасом. Юноша пытался достать кусочек мяса, застрявший меж зубов, не спеша водя пальцем по эмали. Змеиный взгляд Мегандера был способен даже отравить воздух. Едко прожигающие глаза добрались до пухлого лица Валераса, на что король

отреагировал трусливым обтиранием руки с перстнями о край своего платья.

— Тебе следовало бы хоть немного подумать о будущем. — Сухо произнёс Мегандер, растворяя слова в пламени каминного очага.

Валерас было рыгнул, но с усилием остановил желудочный газ.

— Будущее уже наступило, милый дядюшка. — Он старался выглядеть под стать своему статусу, но Кроллим старший всё ещё видел в Валерасе обыкновенного мальчика, который оказался слишком высоко. Его беспокоило, что падение с такой вершины может стать фатальным, а поймать подобного рода эго и... и тушу, будет крайне сложно.

— Я бы не стал касаться дел монарших, мой король, — Валерасу грело нутро, когда уважаемый дядя обращался к нему с почтением, — однако, править в одиночестве становится тяжёлым бременем.

— Ни слова о женщинах, — Валерас превращался в дикобраза, когда речь заходила о противоположном поле, — наш с вами альянс, господин Кроллим, куда лучше управляется, народ доволен, разве не так? Смысл менять что-то?

Мегандер испытывал откровенное отвращение, видя, как племянник превращается в пустое место, даже находясь с самим собой наедине.

Через арку между комнатами вошёл личный слуга Валераса, на подушке сшитой из шёлка и окаймлённой золотой плетью он нёс маленькую фарфоровую шкатулочку.

— Подноси, подноси, милоч, — Валерас даже завёлся на минутку, — скорее, мой хороший, сделай поплотнее.

Пока слуга доставал пряную сушёную траву из шкатулки и забивал её в личный кальян короля, ростом с доброго солдата, Мегандер решил тихо уйти в свой кабинет.

Валерас сделал затяжку и расплылся в своих подушках, приходя в объятия потустороннего блаженства.

Мегандер хмуро сжимал в руках бумагу с законами, ему хотелось порвать в клочья тупость собственного племянника, да ещё и увековеченную среди этих строк. Как сильно он сожалел о своей тяге к любви с юностью, ибо не будь сего порока в сердце Кроллима старшего, он бы непременно стал бесспорным правителем всего Камнеземья.

С тяжёлым сердцем, ближайший советник короля уложил законы в папку бумаг, когда в его покои привели белокожего подростка.

Карнавал поднебесья разливался звездопадом. Затяжная осень снимала с верхушек не только листву, но и блестящие светила. Василий прогуливался по задворкам вымощенных камнем улиц, растягивая удовольствие свободы. Свежие раны не приносили боли, он привык терпеть боль и усталость — Могиль воспитывала характер и тело; откровенно, ему было куда по душе быть битым и размазанным о пол, чем позёрствовать на постоянных встречах с честным людом.

Одиночество Нелюбима прервала советница князя, изящная и благородная Анфиса осторожно вторглась в личное пространство Василия. Какое-то время они шли вдоль сонных улиц не разговаривая, фонари освещали дорогу, не прикрывая ни свежих увечий князя, ни свежих увечий каменистой кладки. Анфиса решилась начать диалог:

— Настоящее спасение. — Она никогда не повышала голос, напротив, чем тише говорила советница, тем больше веса придавалось сказанному.

— Князья являются вовремя. — Сухо произнёс Василий, несколько прихрамывая, тем самым давая понять, что Нестор мог бы и поспешить. — Держу пари, князь мог войти в зал и пораньше, думаю он стоял у дверей и глядел в замочную скважину.

Анфиса ухмыльнулась, под светом фонарей даже блеснул ряд белоснежных зубов, но улыбка на её лице быстро перешла в обычное нейтральное состояние:

— Перемирие не кажется бессрочным. — Заметила девушка, выпрямляя спину.

— Я бы добавил, не кажется короткосрочным. — Василий не очень-то скрывал своего беспокойства, не скрывал в силу своего каменного сердца. — Не удивлюсь, если ночью меня добьют в постели собственного брата... — он кашлянул, сплюнув на край дороги немного крови. — Не удивлюсь, если это сделает другой брат.

— Вы слишком низко цените участие господина Нестора. — Анфиса протянула князю платок. — Вопреки остроконечным отношениям, князь спас вас, ни больше, ни меньше.

Василий принял подарок, платок разбудил рецепторы в носу, проносящие сигнал в самую кору мозга — женские духи. Всяко приятней запаха собственной крови, которая достаточно долго освежалась новой и новой порцией увечий.

— Будь любезный князь расторопней, — сказал Нелюбим, вытирая кровь с лица, — мог бы прибыть вовремя. Совершенно непонятно, как он умудрился опоздать на праздник.

— На праздник, который сменился не одной печалью. — Анфиса подхватила мысль князя. — Полагаю, что под опекой властителя Нового Каргополя, вам ничего не грозит.

— А я полагаю, — Василий понизил голос, — что каждое мгновение в черте этого поганого города — это угроза.

Советница опустила глаза, ибо князь был совершенно прав: из подлинных источников, добытых в библиотеке при царском дворе, она узнавала всю историю дома четы Кондра. И Василий там был, писарь, которому было велено внести имена князей на бумагу, очевидно, был человеком прямолинейным и честным, потому как не было упущено ни малейшей детали из жизни княжеской семьи. Конфликт братьев так же попал в эти письма. Возможно, большая его часть была продиктована летописцу устами одного из старших братьев, уж больно часто фигурировало в текстах прозвище Нелюбим, и тем реже там появлялось имя Василий.

Этот город и впрямь изменился. Поднебесье Великого Кива не могло держаться без своей неколебимой опоры. Как только князь Святослав вычеркнул своё имя из княжеского списка, вся столица наполнилась грязью, смываемой в своё время светом великого правителя.

Не лучшие времена для города, не лучшие времена для его жителей. Игра за престол приветствовала нового фигуранта, и князю Нестору было чем играть.

Шелкопряд плетёт сеть, пауки плетут паутины, но вот в чём вопрос: кто попадётся первым?

Глава 1. Раскрыть парус, у моря к нам разговор.

Каюта капитана была прибрана, матросы не знали, как именно отблагодарить капитана за спасение, поэтому, в силу своей мужицкой простоты — прибрались в его покоях.

Твикс натирал свои шпаги, он не грелся в лучах славы, сейчас ему была по душе тишина холода ночи. Как и предполагалось, хвоста за ними не следовало. Выйдя из порта, они рьяно двинулись на всех парусах в сторону восточных земель. Капитан сидел в своём кресле, когда его посетил очень частый гость.

— Что судьба говорит на счёт этого выбора? — послышался голос Твикса в темноте.

— Судьба никогда ничего не говорит. — Тихо ответил пастырь, стоящий у дальней стены.

Капитан откинулся в кресле и задрал голову назад:

— Я устал бродить по тёмным морям без путеводной звезды.

— Вы сами себе звезда над небом.

— Скажи мне, пастырь. Вот, зачем ты увязался за мной следом, а? Что такого я должен сделать, чтобы ты исчез из моего поля зрения?

— Вам наскучила компания собственного спасителя?

— Знаешь, спаситель, — съязвил князь, — если от окружающих нет проку, зачем окружать себя ими?

— Я вас не окружаю, князь Творимир.

Капитан искривился, это имя соединяло прошлое князя с его настоящим, как и клеймо на его груди.

— Судьба, — продолжил пастырь, — судьба всегда мудрей всех, она посылает нас друг другу вовремя и отбирает тогда, когда положено.

— И зачем она послала тебя сейчас? — возмутился капитан. — Какую цель судьба преследует, отправляя тебя ко мне посреди ночи? Может ты здесь, чтобы ублажить меня? Так вот, разочарую, хоть я и не заглядывал под подол твоего балахона, могу спорить — врат в мир удовольствий я там не найду. Да и не по душе мне хужоба до костей, если уж на то пошло.

Пастырь не реагировал на колкости Твикса. У этого существа была определённая цель, невозмутимость сопровождала его на всём пути, дарованным судьбой, и сейчас он этого качества не обронил.

— Утро даст вам шанс, капитан. — Сказал пастырь.

— Шанс? — переспросил Твикс. — И какой именно.

— Шанс, найти то, чего вы поистине жаждете.

Твикс обернулся лицом к существу:

— Всё чего я сейчас жажду, — он встал с кресла, обнажив клинки в руках, — искупаться в крови трёх поганых тварей, конкретных тварей.

Пастырь стал отдаляться вглубь каюты, растворяясь в темноте:

— Судьба награждает исполнением желаний.

Настроение Твикса заметно поднялось, он вышел из каюты и вошёл в круг своих моряков, как герой. До глубокой ночи они пили и затягивали песни морских широт. Капитан чувствовал — судьба точно даст ему желаемое, а потому нужно лишь не проглядеть его.

Немыслимая жажда вырваться из объятий постели настигла капитана аккурат перед рассветом. Он выскочил на палубу, где столкнулся лбом с боцманом.

— Мать честная, драная шакалом, вы ж меня за борт обронить могли! — воскликнул старый морской волк и плюнул за борт.

— Есть что-то, что могло бы меня заинтересовать? — возбуждённо спросил капитан, прожигая боцмана пылающими глазами.

— Оно есть такое, — ответил моряк, — в надлежащей близости от «Служанки» идёт судно. Судно не большое, на рыбацкое походит. Да вот разглядели в нём некоторые отсеки матросики наши — видать перевозкой животины, а может и людей занимается. Как решать прикажете?

Твикс выдвинулся к краю палубы и стал рассматривать в трубу шхуну, идущую неподалёку от них.

— Шанс...

— Чего-сь? — поинтересовался боцман.

— Это наш шанс, господин боцман! Немедленно, всем подняться на палубу! Мы больше не играем по правилам, мы создаём свои.

Морские ветра были на отдыхе, и захват судна оказался настоящим подарком судьбы. Матросы пополнили запасы еды и питья, даже нашлось не плохое снаряжение, однако никто не ослушался приказа капитана — никаких убийств, строгий плен и личная беседа с каждым.

На палубе «Служанки» горели споры о том, что делать с задержанными — к мачте привязать, под килем пустить, дать волю прогуляться по доске. Но у капитана были другие планы. Твикс допросил каждого из пленённых, каждому он показал свои рисунки и требовал хоть какой-то информации об этих трёх... господах. Взамен он обещал отпустить всех, именно так, если хоть один сумеет дать ему наводку, спасутся все.

Пойманные моряки не могли сказать ничего, они бы точно заметили описанных существ: гниющее тело невозможно укрыть от стольких глаз, а уж большего огра они бы точно заприметили.

Твиксу стало надоедать происходящее, он чувствовал, он был предупреждён и уверен в том, что с этим судном связано его отмщение.

— Кто командир этой шайки поганых крыс? — громко спросил капитан.

Один из пойманных мужчин вышел вперёд и назвал:

— Я капитан захваченного судна.

— Засим позвольте откланяться, господа. Взрослым есть о чём поговорить. — Твикс повёл капитана в свою каюту, дав наказ, не убивать никого из пойманной команды, но и удовольствия от издёвок он тоже не отменял.

Твикс уселся у стола, не предлагая капитану присесть.

— Моё имя Твикс, капитан. Давайте знакомиться.

— Я Эльгун, господин Твикс. — Капитан не скрывал недовольство.

— Что ж, капитан Эльгун, я не стану изображать радушия, так как вы все под моей властью, но могу предложить вам выпить. — Твикс достал бутылку вина Карбудского сада и налил в два бокала, протягивая один из них захваченному капитану.

Эльгун принял кубок, но пить не стал, несчастный человек ждал развязки. Твикс же, напротив, почти сразу осушил бокал и, насладившись прекрасной работой Карбудских виноделов, прямо сказал.

— Я прекрасно знаю, что вы имели честь быть знакомы с этими тремя. — Он показал капитану свои точные рисунки, в деталях повторяющие черты каждого из похитителей. — И вот какое предложение у меня имеется на этот счёт.

Твикс встал из-за стола и приблизился к капитану, сменив спокойствие на давление.

— Если ты сейчас же не предоставишь мне сведений, которые я очень хочу получить, я обещаю, мои парни сию секунду подожгут вашу гнилую посудину. Затем мы свяжем вас на палубе «Служанки» и каждый Божий день станем делать вот что, — Твикс практически упёрся лбом в лицо Эльгуна, — на каждом рассвете я буду давать распоряжение, чтобы одного из членов твоей никчёмной команды сковывали кандалами, привязывали к одному из бортов и швыряли в море.

Эльгун опустил глаза, ему стало очень страшно, Твикс продолжал:

— Эти купания будут длиться до тех пор, пока бедолага не отключиться, но не бойся, я не дам ему умереть. Мои люди станут доставать их на судно, приводить в чувства и снова швырять за борт. Смерть не наступит быстро, твои моряки будут биться о корабль, они будут захлёбываться и страдать, покуда не испустят дух. Как ты мог догадаться, ты в этом списке будешь последним. Что, капитан, ценишь ли ты жизни матросов, как я почитаю своих собственных? Готов ли ты увидеть муки этих несчастных, и стоит ли того сокрытие информации об этих мерзких подонках?

Эльгун понимал, что в словах капитана Твикса нет ни капли сомнений, он верил, что человек, стоящий перед ним сделает всё так, как говорит. Сердце Эльгуна дрогнуло и он ощутил ответственность за своих людей.

— А если я смогу дать вам то, чего вы хотите, что тогда?

— Тогда. Тогда, мой друг, я верну всё, что было у тебя отобрано. И команду и припасы и снаряжение. И есть ещё кое-что. — Он вынул из кармана блестящий самоцвет, подобранный в порту. — Достойную компенсацию за мою нетерпимость.

Капитан Эльгун отложил кубок на стол и попросил следовать за ним на захваченное судно.

В маленьком неприметном местечке, поодаль от мачты порабощённого судна, Эльгун озарил изуродованное лицо Твикса неподдельной улыбкой. Когда в руки капитана «Служанки» попал договор о перевозке, дословно, «трёх путников без имени». Никаких дополнительных наводящих слов, записка не походила на настоящее соглашение, обыкновенная писанина на клочке бумаги, не внушающая обычному человеку доверия. Но, кто сказал, что капитан-князь обычный человек? Кто бы посмел посчитать того, кому благоволит судьба, того, кого ведёт настоящий проводник, обычным человеком?

Твикс был несказанно рад. Практически невозможное стало явью — он наткнулся на зацепку, способную утолить его исполинский голод, он нашёл отвар, способный уничтожить боль в его груди, и на ней (имеется в виду клеймо раба Эллеании).

Бальзамом на душу капитана стал пункт среди строк этого маленького договора: «... место встречи среди прочих — залив «Клешня» у места под расколотым клёном».

Твикс не имел понятия, что именно было зашифровано в этих строках: то ли речь действительно шла о каком-то конкретном дереве, то ли эти трое хитро завуалировали очередное место встречи. Несмотря на то, что капитан был абсолютно уверен в изворотливости этих наёмников, кое в чём он был уверен больше — никакая хитрость не спасёт их от гнева потомка Камнеземного Чудовища.

Хотя Твикс и не разобрался до конца, как именно найти расколотое дерево, он знал о

нахождении залива «Клешня», туда и подул северный ветер, туда и понесла длань судьбы быстроходную «Служанку».

Капитан Твикс не оказался голословен; вопреки неистовому желанию команды пустить под ножи захваченных моряков, капитан распорядился освободить пленённых. За сим он отдал практически весь провиант, добытый в трюме маленького судна, а так же вложил в руки капитана Эльгуна добрую горсть самоцветов из своего тайника. Несомненно, он бы отдал все камни, по-хорошему, он бы оторвал каждый ржавый гвоздь из «Служанки» и поднёс бы его в дар капитану, ибо лёгкая рука судьбы, наконец, направила Творимира на правильный путь.

Разумеется, Эльгун должен был плыть совсем в другое место, залив «Клешня» отныне стал для него зоной полного отчуждения. Корабли разошлись на разные судьбоносные пути, капитаны разошлись на выгодных условиях.

Средь бесконечных глубин и непроглядной лазури, капитан Твикс разрезал морскую гладь своей, ставшей родной, «Служанкой». Каждую минуту его сердце разгоралось всё сильнее, каждую минуту, приближающую его к заливу «Клешня», его тело закипало всё больше.

Разобравшись с координатами, Твикс заключил, что плавание займёт, по меньшей мере с четыре дюжины ночей. Путь не близкий, но и приз не дешёвый. Пополнение запасов провианта не стало затруднительным — ни пиратства, ни разбоев детям «Служанки» устраивать не приходилось, как оказалось, капитан был крестьянином зажиточным.

Творимир замечал, как члены команды всё меньше походили на грозную силу, обращаясь в сытых и усталых потребителей. Но мог ли он допустить осаду своих злейших врагов ослабленным кулаком?

Путь следования вывел «Служанку» к Чистоморскому торговому пути, где над лазурным небом поднялся небывалый шторм.

Никто бы не усомнился в смелости и достоинстве матросов под руководством капитана Твикса, однако, горделивое море никогда не считается со смелостью людей, бросившихся его покорять.

С горечью во рту, Твикс направил судно к небольшому острову, укрытому тёплым течением Голиствит, а потому покрытым пальмами и золотистым песком.

Едва добравшись поближе к берегу, матросы бездумно стали бросаться и нырять в прозрачную воду, распугивая местную подводную фауну.

Твикс не стал их останавливать, он уважал нелёгкий труд моряков, и свято чтит право на отдых. Однако, был на судне и тот, кто не слишком терпел нарушение дисциплины — боцман.

Матёрый и затасканный жизнью моряк стал тянуть команду за шивороты и гнать их на палубу, чуть ли не хватая парней в воздухе.

— Мать вашу, макак на банане! — кричал боцман, краснея. — Я что, сам якорь кидать за борт должен, а?! — Он схватил одного из членов команды помоложе. — Это не крючок рыболовный! — боцман указывал пальцем на огромный стальной якорь, нетронутый командой, перед тем, как покинуть корабль.

— Господин боцман, — Твикс снисходительно обратился к мужчине, — неужто, мы с вами не способны вести это чудное судно по бескрайним морям, но не способны в четыре могучие руки остановить его в этом заливе?

Боцман отпустил матросика, который немедленно сиганул в море. Как и предсказал

Твикс — судно оказалось опустошённым. Боцман кряхтел и бубнил под нос, когда пришлось поднимать и сбрасывать громадный якорь за борт:

— Клянусь шишкой на моей заднице, каждому, сука, каждому песка с солью в портки насыплю и руки свяжу, посмотрим, как попрыгают тогда!

Твикс проникся к этому человеку настоящей дружеской симпатией. Боцман олицетворял собой не только образ настоящего морехода, но и образ настоящего мужчины. Не было сомнений, что старый моряк не вышел из семьи богатой или хотя бы семьи порядочной, вполне возможно, что и семьи моряк никогда не знал, отчего человеческие отношения были ему чужды. Однако, ясно было одно — самые горькие жизненные уроки этот человек усваивал с первого раза.

Капитан и основной (единственный) помощник разобрались с подготовкой корабля к упокоению на ближайшие несколько дней, после чего они и сами выбрались на берег. Господин боцман не стал церемониться и взял заботы об обустройстве временного лагеря на себя.

Чуткими ласковыми выкриками, наподобие: «Достать пальцы из носа и натянуть полотно» или «Кто первый свалится пьяным под пальму, завтра проснётся в бочке посреди моря» или же «По нужде ходить на километр от лагеря, не то найду источник аромата и уложу негодника на добрую кучку, аки на подушку».

Спустя какое-то время, на берегу безымянного островка был разложен настоящий приют для усталого моряка: матросы расставили и разожгли несколько костров, натянули поодаль от песка пару полотен, служивших крышей, разложили бочки с вяленным мясом и ящички с настоявшейся выпивкой.

Твикс призвал своих подопечных не отказывать себе в радостях до самого утра, и сам же принял участие в распитии напитков и танцах у костра.

Ночное небо облачилось звёздным платьем и лишь вдали виднелась буря, которая мгновенно бы распустила команду и судно.

На берегу лилось веселье, и лишь отсутствие тепла женской ласки немного подпортило настроение изголодавшихся моряков. Среди карнавала мужской славы, выделялся лишь боцман, который не покидал поста ни на минуту, он стоял у котла, где варил на пару с коком суп из пойманных накануне среди пальм разноцветных птиц, поджаривал рыбу на открытом огне и командовал не падать с ног, позоря имя «Служанки».

Твикс наслаждался долгожданным и заслуженным отдыхом, чувствуя прилив жизни, украденной у него в сухопутном походе. Он будто бы не переставал быть князем, но теперь поистине близким к своему народу.

Выпивка и веселье подвело матросов к пению песен, коих в заглавнике пропитанного солью океана моряка всегда было предостаточно.

«На земле нам места мало,
Нам давит стопы твёрдый настил.
Моряк не ест свиное сало,
Моряк не пьёт, моряк пропил.
Не первый парус рвётся в море,
И на груди врагами рваны майки,
Матрос и зубы потеряет в споре,
Но греют душу песни чайки.
Не плачь, красотка, не страдай,

Но ты — попутчица матросу,
Ты лучше спой ему и дай,
Помять себя за длинну косу.
Море, соль, лазурь и бездна,
Рыба мчит на нерест скоро,
И фортуна к нам любезна,
Все мы волки, все мы свора!»

Как и всё хорошее, как и всё в этом мире, вечер подходил к концу. Большинство членов команды уже расплзлось по спальным местам: кто собрал силы и взобрался обратно на «Служанку», занимая родной гамак, у кого-то не сбился ориентир, и он расположился под натянутым полотном, но были и те бродяги морской волны, что свалились прямо возле мест попойки.

Боцман прогуливался по лагерю, накидывая на своих товарищей пледы, дабы, как он сам говаривал: «Последние шарики наутро не выкатились из мешочка». Твикс сидел у костра, наблюдая, как корабельный кок похрапывает, обнимая свой черпак.

Капитан чувствовал покой. Нет, обжигающая сердце жажда мести никуда не делась, она грызла его разум по-прежнему, но именно в эти мгновения, не она правила балом, сейчас душой князя властвовал чудесный вечер.

Боцман добрался и до своего начальника, усаживаясь напротив капитана, он брякнул:

— Звиняйте, милорд, нам с вами задницу прикрывать нечем. — Он указывал рукой на моряков, которые были тепло укрыты, как яйца морских черепах.

— Господин боцман, — Твикс обращался к своему подчинённому, не отрывая глаз от затухающего пламени костра, — имею ли я честь разделить с вами бутылочку настоящего алкоголя?

Боцман шмыгнул носом и плюнул в сторону, после чего прошёлся до ближайшего лежбища смельчаков, павших в бою с дешёвым спиртом. Он вынул из зажатых кулаков пару кружек и вернулся к костру. Твикс откупорил, раскрытую им недавно бутылку вина из садов Карбудской земли. Они чокнулись кружками, подняли тост и выпили замечательный напиток до дна.

— Таким нектаром, — сказал боцман, — из любой порядочной дамы можно смыть честь.

— Нельзя отказать вам в наблюдательности. — Ответил Твикс, вспоминая, как подобные вина обращали юных дев в его руках в настоящих блудниц.

— Кэп, — обратился боцман к Твиксу, — так ли важно мчать, как подбитые за призрачной наводкой?

— ...

— Скажу, как оно есть, вам-то ума у меня не почерпать, но, где гарантия, что это не ловушка?

— Про ум ты подметил верно, — сказал Твикс, наливая следующую чарку, — я знаю то, о чём тебе, боцман, и полагать не положено.

— Капитан вы, уважаемый. — Боцман ни капельки не менял манеры говорить: всё так же бубнил и выглядел недовольным. — А что потом?

— Какое потом ты имеешь ввиду?

— Что будет? — спросил боцман, нахмутив брови, — когда головы ваших врагов падут без тел?

Твикс вовсе не задумывался об этом. Его страсть затмевала голову, а потому, будущего без погони за похитителями он и не рассматривал.

— Я вам не князь, ваши труды зачтутся, господин боцман. — Сказал Творимир, выпивая очередную порцию. — А что бы вы предпочли?

— Мы-то? Нам, любезный, срать на жизни на свои. И срать на них с самой высокой колокольни. «Служанка» — дом наш, другого и знать не хотим. А коль вам не по пути с ней станется, додумаем, кого-сь на капитанское место ставить.

Твикс ценил прямолинейность, привитое отцом правило в выборе соратников играло важную роль в его княжеской деятельности. И боцман был настоящим примером этого правила, он имел при себе самую ценную валюту, чей номинал не упадёт ни при каких временах — он был верным. Верным «Служанке», своей команде, своему слову, своему делу.

Творимир был бы несказанно счастлив, окажись этот человек рядом при его правлении. Но боцман непреклонно следовал тем же курсом, что «Служанка». Едва улыбнувшись, капитан наполнил кружки.

— Море морем. — Сказал Твикс. — А как же иное? Неужто вам нет места вдали от корабельной тряски?

Боцман выпил вино, вытер свою щетину и ответил, не торопясь:

— Как моряк бывалый, я свой долг выполнил. — Он оттянул левую щёку, раскрыв наполовину свободный от зубов рот, подальше от клыков виднелся золотой моляр.

— Чудеса, господин боцман, — удивленно высказался Твикс, — и к чему в вашем распоряжении такая роскошь?

— Кхм, кхм, — прокашлялся матрос, — у бывалого морского пса есть правило — хоть какой-то грош при себе вдали от дома иметь. Если концы отдашь, то будет хоть на что тушку придать земле.

Твикс и подумать не мог, что моряки заботятся о собственной кончине. Ему всегда казалось, что смерть в море — это высшая награда за жизнь в море.

— Тебе есть в этом мире место, которое можно считать домом? — Твикс обратился к собеседнику на очень низком тоне.

Боцман явно не любил подобных тем, но ни капельки не смутился от заданного вопроса.

— Мой дом, кэп, стоит позади меня. — Он намекал на «Служанку», ставшую на якорь за спиной боцмана. — Другого не было, другого и не пожелаю.

Необъяснимая тоска охватила нутро капитана. Как же так выходит, что человек верный себе и не отвергающий правил жизни не имеет своего, даже самого никчёмного закуточка под небом?

Костёр постукивал, озаряя лица сидящих, к небесам из него вырывались последние искорки, очаг становился не горящим, а тёплым, и разговор становился согретым.

— Семьи тоже нет? — Твикс понимал абсурдность вопроса, но ему хотелось услышать ответ, данный самим моряком.

— Вон оне, лежат, кто тут, кто там! — боцман указывал подбородком на морячков, разбросанных по всему пляжу.

— Не это имею ввиду, господин боцман. — Твикс настаивал на точном ответе.

— Там, по ту сторону океана, нет. — Говорил боцман, подёргивая уголи палкой. — Ни отцов не знавал, ни детей на руках не держал.

— И женщины нет, той которая каждую ночь выходила бы к пристани и молилась

увидеть знакомый силуэт?

— Женщины, капитан, они готовы ждать таких, как вы.

На удивление Твикса, боцман отреагировал, показав пустую кружку. Они разлили вино, выпили. Матрос продолжил:

— Дамочкам надобно авантюриста, который ихнее желание к любовям утолит, да бросит, как лошадь с ногой поломанной на обочине. А мне такой черты с роду не дано, такие, как я у женщин трепета не вызывают.

Несмотря на явное отсутствие языкового воспитания, боцман глаголил речью мудреца. Юный капитан не отрывал глаз от лица своего компаньона, он трепетно ждал продолжения.

— Вот ведь оно, капитан, как бывает. Можно сколько угодно слушать, что бабу добиваться надо, но этот номер никогда не проходит. Предложи красотке любовь, она ею кошкин зад подотрёт. Предложи заботу, она заявит, что не нуждается в опеке. Предложи ей душу на распахку, и, непременно, словишь плевков.

Творимир понимал, о чём идёт речь. Будучи самым завидным женихом Вышеграда, он сорвал не один цветок. Беспощадно бросая женщин, он разогревал в них ещё большую страсть. Поступая с ними самым безобразным образом, Творимир становился в их глазах самым желанным мужчиной. И не было в его судьбе иных сюжетов.

Неужели мир лишился настоящей и чистой любви? А как же сами женщины? Где их ласка к тем, кто по-настоящему её заслуживает? Твикс подумал, а если бы он сам хоть разочек отнёсся к женщине, не как к подстилке, а как к равному? И ему тогда светило лишь непростительное снисхождение, в лучшем случае?

Боцман решил продолжить, вглядываясь в мерцающие угольки:

— Вот то-то и оно, кэп. Я знаю, чего дамы хотят, но дать им этого не могу.

Твикс удивлённо уставился на боцмана, он замер в ожидании.

— Нету у меня манеры героя-любовника. — Было очевидно, что боцман говорил откровенно, что душа этого побитого жизнью человека не смогла найти хотя бы пары тёплых рук, отчего он был вынужден подарить себя «Служанке». — К мальчикам я равнодушен, а женщинам уже не нужен. Я всегда и везде не вовремя. Когда хлопцы гнали девок на сеновалы, я рвал цветы для соседки в приюте. Когда мои товарищи по несчастью стали воровать и выкручиваться из нашей поганой ситуации, я впахивал в порту. И всё это время, я не находил нужной спутницы. Все они уходили, капитан, все они уходили от доброты, ведь кто-то неподалёку предлагал им унижение. Удивительные создания, эти бабы!

Твикс был заморожен этими словами. Его ни на секунду не отпускало чувство бесконечной печали. Он не мог поверить, что ценность настоящего тепла была настолько никому не нужной. Твикс понимал, что сейчас человеку, сидящему напротив, женщина и задаром ни к чему. И вот к чему завели его немые рассуждения: тогда по дороге к Киву, когда к Творимиру обратился волхв с вопросом, о тоске в глазах, князь чувствовал именно то же, что и боцман.

Князь Вышеграда хотел бы быть с настоящей дамой сердца. Конечно, он был искушён вниманием красавиц, но каждая, совершенно каждая из них хотела, чтобы ей владели, как кузнец владеет молотом и наковальней. Ни одна из них не проявила себя настоящей добротой и нежностью. Накапливая опыт, он стал бесподобным любовником — никто из девушек, прошедших постель князя, не остался обиженным. Но каждая осталась брошена, отчего лишь возрастало их желание вновь оказаться в объятиях князя. Но Творимир устал владеть: он хотел быть; не тащить кого-то за волосы, а идти рядом за руку.

Боцман, вставший с насиженного места, размял затёкшие колени и обратился к капитану:

— Пора и мне честь знать, — от его тёплой завораживающей интонации ничего не осталось, — дойду-ка я до своего места, поди какой щегол его уже занял, надо бы пнуть.

Моряк ушёл, оставив, князя один на один с самим собой. Пламени не было и вовсе, угольки почти отжили свою яркую жизнь. Думу капитана прервал некий едва различимый шорох песка. Как и ожидал Твикс, на сцену явился пастырь.

— Неужто страсть угасла? — пастырь обратился к Твиксу, стоя на месте, где находился боцман несколько минут назад.

— Нет влаги, что сумеет её остудить. — Твёрдо заявил Твикс. — Лишь кровь троих ублюдков.

— Но сейчас вы не выглядите метающимся. Ведь путь ваш прервала буря.

— Из любого положения необходимо находить выгоду.

— Отдых — выгода достойная.

— Отдых был сегодня, скелет! Я не явлюсь на свидание с врагом отдохнувшим, я явлюсь на него готовым!

Пастырь кивнул. Это существо не очень поддерживало позицию князя, обложенную кровью и смертью. Но это был его выбор, а пастырь может лишь указать направление, но никак не тянуть за собой. Скелет, объятый в балахон, направился по берегу прочь от лагеря моряков. Никто не заметил его, никто не узнал о его существовании. Всё осталось на своих местах, все остались на своих местах.

Всеопоясывающий покой обнимал каждую душу, высаженную на берег острова.

***

Моряки грезили во снах — о драках, о деньгах, о женских слабых местах. И лишь один сидел на берегу, тревога, страх, готовность глотки рвать врагу; он знал, что будет враг готов, он знал, что шансов нет у моряков, ему затмила разум лишь одна идея: как сам он может сильным стать, и как команда сможет стать сильнее?

И лишь к утру, с восходом света, герой сумел принять один лишь правильный ответ — не только духом сильному достанется победа, она приходит к тем, кто тело тренирует, как атлет. И капитан уверовал в успех, усвоив правило — у каждого своя пята, он принялся готовить воинов из тех, кого не напугает боль, страдания, и у кого в основе стержня политика порядка и труда.

***

Твикс сумел проанализировать свои собственные тренировки, он вспомнил о дисциплине и строгой подготовке к сражениям с лучшими противниками в море. Везение было на его стороне, ибо на «Служанке» несли вахту настоящие матросы, имевшие недюжинный опыт в походах по волнам. Оттого и загорелась с новой силой его страсть к готовности встретить врага. Теперь Твикс был не один, теперь за ним будет идти настоящий отряд, с оружием, с подготовкой.

Не имея времени на передышку, капитан «Служанки» принялся готовить своих матросов к предстоящему сражению. Они выстроили настоящий стадион, в рамках возможностей, отведённых им на безлюдном острове. В обмен на ценные камни, Твикс раздобыл оружие и снаряжение, которым наградил каждого члена команды.

И преодолевалась подготовка семимильными шагами. И стали превращаться моряки в непоколебимых гладиаторов. Князь не имел бы своего статуса, не имея высочайшего

мастерства подготовки бойцов. Ночами, капитан направлял боцмана за определёнными отварами — ибо когда наступало утро, матросы выпивали сие эликсиры, обретая новую силу и мощь.

Их неистовые руки были способны выдирать деревья из земли (подростковые, надо сказать, деревья, но, зато с корнями). Твикс делал из моряков воинов, он бы поклялся, что мог взять с собой на флагман флотилии Вышеграда любого из них, не задумываясь. Шторм над водой утих, шторм в душе капитана нарастал. Добившись от команды полной отдачи, он приказал разрушить тренировочный лагерь.

Тренировки и хмельная подпитка сделали своё дело — на золотом песке был воспитан настоящий передовой отряд. Практика, взятая в основу подготовки приближенных к князю морских вояк, очень уместно вошла в настоящий коллектив. И пусть среди матросов едва-едва возникал вопрос: а зачем, собственно, происходит то, что происходит? Усиленный рацион и жесткий физический труд расплывали эту мысль, словно песок на берегу.

Хоть и мелькала в голове Твикса мысль о скороспешном ведении дел, однако не было в душе бывшего князя покоя. Его лицо, его клеймо — они напоминали о цели, напоминали о главном. Кровь Камнеземного чудовища подпитывала его пылающий разум, и никакой рассудок здесь не имел силы. Вот в чём смысл князя Кондра — он был завоевателем, беспощадным и непобедимым. И это перешло к сыновьям. Как бы мы не хотели это изменить, как бы мы не старались исправить свою природу — у волка не родится шакалёнок.

Вся команда преобразилась в настоящий боевой механизм. Твикс направил «Служанку» на восток; теперь вопрос добычи информации не станет сложным делом — каждый, кто попадётся на его курсе и будет способен говорить — будет говорить.

Ветер, доносящийся с севера, толкал судно к заветной цели. Капитан решительно вёл своё войско к желанной встрече. Последний вопрос, который оставался в воздухе — вопрос времени.

Глава 2. На своих местах.

Оставив позади общение с сельскими жителями, Брин и Лексан скакали вдоль лесной просеки к большой дороге. Бывший беглец, периодически, захаживал в лес, оставляя лошадь на водопой, и приносил приличный охотничий улов. Лексан всё меньше печалился об утратах. Брин казался ему самым настоящим другом, он имел качества, которыми гонец хотел бы обладать сам.

Бесконечный лес всё же вывел путников из своих извилистых пучин. На большаке и дышать стало легче. Но кому может быть по душе лёгкое дыхание, когда любезные деревенские жители дают тебе в подарок славно иссушенный курительный табак?

— Ну-с... — Брин затаился, выпуская дым, полностью прячущий лицо беглеца, — каков же следующий пункт?

— Нам стоит добраться до перевала у врат Северных островов. Вот наш указующий курс.

— Дескать, у нас есть план. Свертись-ка, с картой, милсдарь.

Лексан осмотрел места удобные для скорейшего выхода к перевалу. Дорога не ближняя, но и не самый край света, как оказалось.

К работе Лексана, за всем прочим, не было бы претензий при царском дворе — ибо в срок выполнялся княжеский приказ. Как выяснилось, гонец не опаздывал по времени. Каким-то неведомым чудом он шёл к своей цели успешно.

Приближаясь к очередному городку, гонец стал размышлять — а примут ли их здесь

так, же как и в скромном селении? В конце концов, пронести с собой маленького полевика не выглядит задачей неподъёмной, но другое дело — провести беглого заключённого.

— Прежде, чем мы войдём в город. — Лексан не мог быть уверен в том, что произойдёт за воротами. — Скажи мне, Брин — почему тебя заперли в той клетке?

Брин понимал, что разумнее всего было бы развернуть коня, пришпорить его и дать дёру в лес и поодаль от такой крупной дороги. Не выглядел паршивым вариант остаться жить в деревне, из которой им поспешно пришлось уехать. Этот город, приближающийся к ним не мог быть тихой отправной точкой, а потому самым бездумным решением оказывалось направиться к главным воротам.

Парень закурил ещё раз, поправил волосы и ответил Лексану без доли иронии:

— Потому что нарушал законы.

Ожидавший чего-то конкретного, Лексан отвернулся. Ему, порядком, надоела эта поездка. Слишком долгая дорога и слишком глубокие раны — вот, что должно остаться после неё. Лексан распрощался с одним другом, терять второго он намерен не был. В случае задержания Бриана, гонец решил использовать версию о своём спасении. Это могло бы иметь вес — речь шла не только о приближённой к княжескому двору персоне, но и о настоящей княжеской доставке.

Без каких-либо светлых надежд, путники прошли в город, оставив лошадей у ворот на попечительстве привратных стражей. Перво-наперво, Лексан хотел поговорить с исполняющим обязанности старшего в этом месте. Узнав у прохожих о том, что это за место, путники убедились, что перевал не так уж и далеко: они находились в местечке под названием Наратиин, стоящим у текущей подле него реки Гахн.

Карта оказалась права — перевал совсем недалеко, оттуда придётся пройти «Последний предел», после чего можно было спокойно сесть на судно, которое смогло бы вывести гонца с материка и доставить его к Северным островам.

Город был вполне оживлённым — улицы полнились от занятых людей, спешащих в непонятную даль, всё сильнее Наратиин походил на Великий Кив.

«Как будто домой попал, — подумал Лексан, — интересно, а Анфиса будет стоять за соседним углом?»

Они прошли по площади, вымощенной тяжёлой плиткой к большому дому из белого обожженного кирпича с вывеской над известняковой дверью: «Мэрия».

Лексан не знал, как лучше попросить Бриана побыть подальше от представителей закона. Но, как и следовало ожидать, беглец сам предложил остаться на улице. Как выразился Брин:

— Бледные рожи господ отталкивают, а красные морды пьянчуг, напротив, притягательны.

На том и порешили. Пока Лексан старался решить вопрос о своём движении дальше к назначенному месту, Брин обнаружил приличное место, где можно было хорошо отдохнуть, а самое главное, хорошо поднапрячься.

Внутри мэрии оказалось так же скучно, как на свидании с сорокалетним девственником. В одном кабинете говорили о проверке достоверности печати, в другом о невозможности идентификации шрифта на грамоте, бюрократия всячески пыталась приостановить движение Лексана к северу.

Знатно уставший от этого издевательства, гонец стал требовать аудиенции с самим мэром. На подобное действие последовал незамедлительный ответ, вкратце он звучал так: «Деятельность мэра раскинута на месяц вперёд, отчего личная встреча возможна

относительно не скоро».

Сложно представить, насколько приятно было слушать подобное от дамочки с каменным лицом и голосом старой скрипучей двери. Лексан старался объясниться, он убеждал, что столько времени у посла княжеской воли попросту нет.

Но, как и в каждом змеином гнезде, всегда попадается безвредный уж. Среди прочих запыленных кабинетов, Лексану встретился достаточно приятный на внешность мужчина, по всему, видимо, знавший мир не понаслышке.

Представившись одним из министров славного града Наратиин, мужчина, весьма стройного телосложения, не без седины в волосах и на пышных усах, поправил очки и провёл гонца в пункт приёма голубиной почты.

Люди, бывшие рангом пониже особо привилегированных господ из мэрии, были куда сговорчивее и понятливее. В чертогах бесконечных клеток с почтовыми голубями располагались сотни писем и тонны зерна. Один из крайне любезных сотрудников сего места предложил гонцу письмо, положенное лично в руки послу княжеской воли. Лексан, едва коснувшись края гладкой бумаги, был одурманен запахом знакомого парфюма. Будто бы коснувшись руки придворной советницы, гонец осыпался мурашками. Небезразличность была очевидна, самое важное — она была взаимна.

Наскоро благодаря работника почты, гонец попросился в уединённое место, дабы распечатать столь важный и столь секретный документ. Чувствуя важность собственного положения, сотрудник почты направил гонца в маленький кабинет с угловым столиком. Лексана оставили наедине с письмом, закрыли дверь на ключ и предоставили шифр к готовности покинуть здание — два удара о ручку и скрип ноготком по древесине.

Гонец уселся на стул, его переполняло желание прочесть написанное. Самообладания он, конечно, не терял, как-никак, этот юноша олицетворял княжескую волю, даже находясь один на один с самим собой.

Осторожным движением ножа для бумаги Лексан разрезал конвертик. Лёгкий белый пергамент скользнул сквозь края освежёванной древесины в ладонь гонца, и запах от бумаги озарил всю комнату. Юноша закрыл глаза, словно стоя в самом центре на главной площади Кива, он держал руку прекрасной девы, отвечающей согласием на самое нежное предложение. Тело охватило необъяснимое тепло, сквозь кошмары дороги, несущей потери, гонцу пришло что-то светлое. Он бы сохранил этот миг навсегда, остался бы в нём на целую вечность. Но глаза пришлось открывать.

Чернилами высшего качества было написано очень немного, да и сам почерк совершенно не походил на тот, что был в письмах, сохранённых у гонца в сумке:

«Чем скорее вы окажетесь у границ Северных островов, тем краше будет мнение о вас у всех, кто за вас поручился...»

Лексану не очень нравилось, как было начато письмо. Но этот приятный запах заставлял буквы летать перед глазами и смысл слов не казался каким-то громоздким.

«... Как бы ни было, весь княжеский двор ждёт вашего скорейшего успеха. А потому, будет просьба — как только вы пересечёте последний рубеж Камнеземья, немедля пришлите весточку в княжеский двор, ибо важность сего послания имеет ценность не менее важную, чем сама цель поездки...»

Гонец не мог взять в толк — отчего такая важность? Обычно гонцов оставляют с их работой в одиночестве; конечно, оценивается нужность конкретного задания, но она никогда не контролируется столь усердно.

«... Ваша задача крайне важна, как и не менее важно ваше собственное место в ней...»

Лексану нравилось, когда советница князя писала «вы». Эта официальность, скрывающая кроткую надежду на тёплое общение, верно, она не может писать иначе — это её работа. Гонец впитывал написанное, распределяя каждое словечко в своём туманном разуме. Это было долгожданное письмо, очень ценное письмо.

Переборов желание уснуть в обнимку с бумагой в руках, Лексан, не скрывая улыбки, дочитал последние строки.

«... Цель близка. Будьте бдительны, будьте внимательны. Мы переживаем за вас, каждый из нас...»

Это заставило Лексана улыбаться шире. Какая нежность была заключена в этих словах, какой трепет пылал в сердце Анфисы, когда она выкручивала буквы своей гладкой ручкой? Лексан собрался с силами и прочёл постскриптум:

«С уважением и ожиданием, советник княжеского двора Илларион П.»

— ...

Лексан тихо свернул письмо, вложил его в конверт и попросился выйти из кабинета. Стоит ли говорить о тупом молчании, что сопровождало его по пути в мэрию?

Как ни прискорбно, мальчик слишком замечтался, забыв чем он занимается. Что ж, подобный урок пойдёт только на пользу — не надо греться у камина, который ещё не разожгли.

В мэрии приняли письмо на рассмотрение, люди стали как-то располагаться теплее к послу княжеской воли. Ему предоставили право не на одну ночь в постоялом дворе, а столько, сколько будет необходимо. Ибо рассмотрение сего дела не вмещалось в пару-тройку суток. Было и одно важное условие — место на одного человека. Точка.

Лексан пришёл в себя, отодвигая мысли о теплоте рук советника Иллариона... Ему, неожиданно, вспомнилось, что путь был разделён с беглым пленником каравана. Через оживлённую площадь, гонец направился к месту, куда ранее последовал Брин.

Оживлённый гул стоял в красиво обустроенном трактире: люди, одетые в достойные шелка, пили игристые вина и играли в карты, барышни напудренные и на помаженные завлекали гостей в свои пыльные объятия, и музыка лилась из флейт и лютен — это место много отличалось от трактира «Сети рыбака», возможно, превосходило местечки в самом Киве.

Пробираясь к барной стойке, гонец осматривался. Невозможность распознать Брина нависла над глазами гонца — беглец был одет аккуратно так же, как и все посетители сего места. Трактирщик предложил пива, но гонец не желал угощаться, во-первых, деньжата не поджимали карманы, а во-вторых, он настойчиво интересовался о своём компаньоне:

— Молодой господин, — говорил Лексан, описывая Брина, — повыше чем я сам, с гладко уложенной бородой и достойно одетый. Так, что ещё, ах, да! Он крайне худ.

Трактирщик почесал затылок, но, видимо, не от того, что пытался вспомнить, видел ли человека подобного этому описанию, а потому что, блохи изрядно искусили его волосистую часть головы. Он протянул свободную руку, указывая в дальний угол трактира. Лексан кивнул и направился к тому самому месту — была шумиха.

Окружённые приличной компанией господ — посреди круга из людей дрались двое: один был лысым громилой, явно пренебрегающим правилами гигиены, а второй и вовсе казался не человеком, а пещерным троллем. Битва гремела не на шутку, оба молотили друг друга гигантскими кулаками, выкручивали суставы и мяли хрящи. Баталия завершилась

ударом лба о нос троллевидного бойца. Кровь была разлита повсюду, отчего крохотный уборщик не успевал сделать свою работу, готовя ринг для следующего боя.

Лексану не было неприятно смотреть на кулачную схватку, но он никак не мог заприметить Бриннэйна. В конце концов, в центр круга вышел глашатай и громко объявил о следующем поединке:

— В финале нашего кулачного противостояния сойдутся!

Лексан старался охватить глазами всю толпу, чтобы хоть немного заприметить Брина.

— Наш достойный постоялец и настоящий зверь, без преувеличения сильнейший боец славного Наратиина — камнелобый Гирибак! — глашатай подзывал того самого тролля, который разнёс нос громилы своим, видимо, действительно каменным лбом.

Лексан никак не мог отыскать Брина и решил было выйти из толпы, чтобы осмотреть её со стороны, как, вдруг, мужчина в середине круга выкрикнул:

— И теперь, дошедший до финала без единой травмы!

Лексан прищурился, эти слова напомнили ему о стычке в страшном поместье в лесу. Он повернулся лицом к арене и стал слушать:

— Человек, чья худоба не мешает ему трясти наших бойцов, как яблоки!

Лексан вконец убедился, что нашёл своего попутчика.

— Встречайте, любимец местных модников и гроза местного центра боёв, Бриннэйн Караванский!

Толпа заревела, будто наблюдая выход солнца из воды, чудо для них по масштабам было не меньшим. Гонец усмехнулся: «Брин и правда взял себе прозвище Караванский? Вот, чудак!». Лексан стал высовываться повыше и пытаться пропихнуться поближе к рингу, но люди сжимали со всех сторон. Гонец решил, что было бы неплохо занять своё нынешнее положение и не потерять хотя бы его. Ринг был виден, а этого пока хватало.

Расступившись, люди впустили в центр круга самого Бриннэйна. Он вошёл в ринг, как король на собственный праздник. Играя на публику, он больше походил на дворянского щёголя, нежели на настоящего бойца. Лексан обратил внимание, что сейчас, без верхней одежды и с голым торсом, Брин не выглядел столь же худым, как после крушения каравана: конечно, за достаточно продолжительной срок он прибавил в весе, но, вся эта масса была исключительно мышечной. Дело в том, что беглец всё ещё казался худощавым, однако, рельефные сухие мышцы стали обтягивать его скелет по всему телу — на животе блестели кубики брюшного пресса, по которым стекал пот, красиво расположенные мышцы спины стягивали лопатки, и в целом, он выглядел куда приличней, чем раньше.

«Так вот зачем он всюду старался урвать куриное мясо!» — подумал гонец. Лексан помнил, что на выступлениях атлетов в столице их кормили на убой, чуть ли не с утра до ночи куриным филе, сваренным без специй.

«Наверняка, он не впервые знаком с диетой, но когда же он умудрялся набирать сухой мышечный вес, если мы почти всегда были вместе?» — Лексан искал в памяти пробелы, когда Брин мог остаться с собой наедине. «Ну, конечно!» — прозрел гонец: «Он не мог так часто и долго спать! Почти всё свободное время, пока я уходил в себя и пил вино, он тотчас мог упражняться!».

Теперь гонцу стало поистине интересно узреть самолично — чем ещё может удивить его этот беглый заключенный? С кем же гонец разделит свою дорогу? Насколько опасен он может быть? Лексан потёр шею, вспоминая мёртвую хватку Брина и принялся ждать поединка.

Глашатай свёл бойцов в центре ринга и стал объяснять правила боя. Никто не слушал его, казалось, он и сам не слушал себя, ведь единственное, что бросалось в глаза — это очень разрозненные габариты противников. Если Брин был суховат, строен и достаточно складен, то ужасный Гирибак выглядел огромной горой мяса. Совершенно нечестные соперники — это больше походило на схватку мухи с мухобойкой: один замах и хлоп!

Мужчина закончил свою речь и выбежал из круга, разрешая начать поединок. Бойцы отошли друг от друга и подняли кулаки, защищая лицо и торс. Каждый в толпе умолк, ожидая побоища, и грянул гром: Гирибак стал махать кулаками перед Брином, казавшимся крошечным ребёнком рядом с ним, но беглец ловко-таки уворачивался от хуков громилы. Поддав пару лёгких ударов по бокам Гирибака, Брин отошёл на среднюю дистанцию, очевидно, корпус этого чудовища он пробить бы не смог. Беглец улыбался, его глаза горели неподдельным восторгом.

Огромный боец взревел, видимо, уставший ждать развязки и решивший учинить её сам. Он набросился на Брина, схватил его и попытался побороть на землю, дабы закончить бой. Словно змея облитая оливковым маслом, Брин выскочил из «объятий» здоровья и с силой пнул его с боку в коленный сустав — громила свалился с ног. Народ сильно возбудился, они кричали, казалось, вот-вот они вырвутся на сам ринг.

Брин махал своей рукой, он улыбался и артистично кланялся толпе. Гирибак пришёл в неистовую ярость, он выдернул бутылку из рук посетителя и швырнул её в Брина. Сосуд попал беглецу в затылок, отчего он упал на одно колено, а из раны на голове пошла кровь.

На долю секунды громадный соперник заулыбался и набросился на Брина со спины, но он-то не видел, как улыбался его оппонент.

Как профессиональный танцор, Брин совершил рывок и поворот на месте, отчего оказался лицом к лицу со своим врагом и схватился за его предплечья, подтягивая их кверху. Одной ногой он снова нанёс удар по, уже травмированной, коленной чашечке, отчего громила наспех повалился аккурат перед Брином.

Беглец улыбался, скручивая огромные волосатые руки тролля. Несчастный Гирибак не мог противопоставить ничего, даже ударить о пол, чтобы остановить поединок: для него это было невозможно. Брин тянул и выкручивал руки гиганта, удлиняя его муки — он был очень недоволен грязной работой на ринге и желал проучить неумеху.

Глашатай уже было вырвался на ринг, как Брин уверенным толчком оттолкнул громилу от себя, затем, как кот, одним движением он оказался за спиной соперника и, поймав точку опоры, он поднял того на ноги.

Брин отошёл от соперника, давая понять, что бой не окончен. Он широко улыбался, чем сильно разогревал толпу. Гирибак всё ещё пребывал в ярости, но его тело не было способно выкатить эту ярость в бою. К сожалению, голова этого гиганта была столь большой, сколь и пустой. Он совершил яростный набег на соперника, нога, как и следовало ожидать, не вынесла ускорения и боец стал падать прямо перед Брином. Дабы сие действие не закончилось так нелепо, Брин сделал шаг вперёд и ловко заехал громиле кулаком в челюсть.

Зверь, с грохотом, пал перед Бриннэйном. Поднялась пыль, а за ней поднялся и восторженный крик толпы.

Победитель сиял в лучах заслуженной славы, он не переставал улыбаться. Напоследок, Брин наклонился над поверженным исполином и сказал, уже не слышащему противнику:

— Не так много печали в достойном поражении, сколько позора в грязной победе.

Лексан, казалось, был единственным, кто услышал сии слова. Он всё ещё не понимал — кем на самом деле являлся этот человек.

Над поверженным соперником Брин стоял гордо и отдавал почести толпе, которая не могла утихомириться. Глашатай влез в круг и поднял руку победителя. Народ кричал громче, Брин светился ярче. Виртуозная победа, чего тут сказать.

Когда народ понемногу разошёлся по своим делам, Лексан сумел вытащить своего компаньона к свободному столу. Брин поправил бороду и капну волос, которые взъерошились от его безудержных танцев на ринге. Какая-то милая дама принесла им обоим вина, за что Брин крайне манерно, поблагодарил её и поцеловал ручку девушки; надо добавить, сделал он это так, как пылкий любовник целует ручку дамы сердца на светском приёме, оставаясь неудовлетворённым одним лишь поцелуем.

Лексан помотал головой. Они взялись за кружки и славно выпили терпкое вино. Брин примял бороду и сказал, потирая затылок шёлковым платком, по видимому, подаренным другой дамой:

— Не очень люблю, когда люди поступают бессовестно. Эх, совсем народец забывает о порядочности!

— Зверь, — ответил гонец, — зверь, загнанный в угол, теряет рассудок.

Брин бросил на гонца ехидный взгляд:

— Разве же, мы похожи на зверей? Когтей и клыков у того шкафа я не наблюдал, может ты их рассмотрел?

— Не слыхал ли ты когда-нибудь в своей жизни, — Лексан, на собственное удивление, стал говорить таким же манером, что и Брин, — о такой замысловатой вещице, как метафора?

Брин поднял угол одной брови, лестно кивнув, он стукнул своей кружкой о кружку Лексана и выпил, после чего сказал:

— Одобряю, одобряю, милсдарь. Удивляете своими манерами, молодой человек. — Он посмеивался, но не терял своего притягательного шарма. — Но всё же. Мы в большом городе, в большой цивилизации, над нами глаза больших людей — в какой момент времени мы снова обращаемся в зверей? Тут и всплывает правда, с которой я соглашусь — когда нас загоняют в угол.

Брин дал одобрение словам Лексана таким образом, что гонец не смог понять — это настоящее согласие или Брин просто издевается?

— Так, что же у нас на повестке дня? — поинтересовался Брин.

— Как и ожидалось, — начал Лексан, — на мой счёт всё идёт очень гладко. Однако отправка к «Последнему пределу», стоит сказать, будет отложена. Я предполагал, что крайняя точка Камнеземья не будет близка или легко доступна, но ожидание займёт какое-то время.

— Значит, мы тут задержимся, так?

— Выходит, да. Брин, послушай, ты выступил бесподобно, да, словами не описать, как ты сумел противостоять такому бугаю, но...

Лексан подвинулся поближе к победителю и прошептал:

— Не слишком ли громко ты заявил о своём существовании. Думаю о тебе теперь узнают многие, и нужные и не нужные.

Брин допил вино, поджимая губы в знак своего одобрения. Потом поставил руки на стол и выпрямил спину:

— Практически все теперь будут слышаны обо мне. Знаешь, чем хорош этот город? Лексан помотал головой.

— Они не очень дружны с Генмельским правительством, то же можно сказать о Кивской голове, которая местным не указ. Конкретно этот город немного выходит за границу областных карт. Мы с тобой, мой друг, стоим на земле Мор-Сах.

Лексан будто прозрел:

— Земля, свободная от власти?! Конечно! Вот почему они столь долго шли со мной на контакт, я здесь не более, чем обычный доставщик.

— Совершенно верно, дорогой друг. Мор-Сах — земля, свободная от власти, не здесь ли растут корни самых больших кочевых племён? Не отсюда ли князь Кондр начал свой легендарный поход? Это место желанно для таких, как я или таких, как ты. Ох, небеса, да это лучшее место в мире!

Лексан читал об этом месте, краешек материка, который Кондр, действительно, не завоёвывал, ибо тут никогда ничего не было. Лишь после окончания времён кровопролития и порабощения, здесь стали возводить города, но уже никто не смел хватать эту землю, самостоятельным государством, где всё решалось путём решения народа. Никто не мог приказывать идти на войну или идти пасти коз. Здесь нет приказывающих, нет тех, кто указывает и тех, кто пресмыкается. Это места для утешения путников, пристанище купцов. Можно быть кем пожелаешь — хочешь сиди на площади клянчи милостыню, хочешь разгребай бумаги в мэрии, а если сильно захотеть, то можно бить морды в весёлых трактирах.

Брин потёр затылок, на пальцах оказалось немного крови. Он сложил платок и вытер кровь с небольшой раны на голове. Лексан решил, что его попутчику совсем не хватило этого побоища; гонец был готов поспорить, что Брин с удовольствием выступил бы ещё против двух-трёх, а то и десятерых человек.

Навыки ведения рукопашной схватки беглеца были слишком плавны: не просто выучены и закреплены — он двигался так, словно иначе попросту не умеет. Использовать своё тело и разум подобным образом могут научить лишь на службе знатной армии, а конкретнее — в элитных войсках. Неужели, Бриннэйн, был политическим заключённым? Это могло бы объяснить его навыки и умение ухаживать за собой. Так же, это могло бы объяснить, почему он оказался за решёткой — видимо, его везли в Генмель, как изменника или пленника.

Кем был этот человек — совсем не важно. Брин показывал исключительно достойный набор навыков. Такой попутчик был очень ценен, особенно для княжеского гонца...

В какой-то момент Лексан погрузился в себя. Его разум стала затмевать одна очень назойливая мысль: а что, если Бриннэйн вовсе не случайный попутчик? Как узнать, что человек, которому удалось выжить при крушении целого каравана, оказаться подле гонца и вытащить его в такую даль — не шпион?

В силу крайне резко развивающихся событий, Лексан не задумывался об этом. Однако отталкивать подобную возможность он, боле, не мог. Гонец решил вести себя крайне настороженно, решил придержать свои тайны при себе и постараться отойти ото всех на безопасное расстояние.

— Я считаю, что нам нужно держаться друг от друга поодаль, в ближайшее время. — Сказал Бриннэйн.

Лексан надул щёки, как отвергнутая дама. Несмотря на то, что Брин озвучил мысли

самого гонца, Лексан был крайне возмущён. Не подпускать кого-то близко — это же его идея, в конце концов!

— Кхм, — Лексан практически пустил слезу, — но что же стало причиной?

— Господин посол княжеской воли, — Брин говорил спокойно, ровно, гипнотизируя, — ваше пребывание в земле, свободной от власти затянется на неопределённый срок, как, видимо, и моё тоже. В твоих интересах сохранение секретности задания, данного княжескими советниками. А я буду привлекать не мало внимания к себе, а так же к своим спутникам. Вот как сейчас, например. Глянь в дальний угол слева.

Брин указал взглядом на место, которое необходимо было увидеть. Гонец повернул голову к дальнему столу и заметил, что сидевшие за ним мужчины очень недоброжелательно посматривали на победителя сегодняшних боёв. Возможно, их агрессивный настрой подогревал сваленный недавно с ног Гирибак, который нашёл себе местечко у этого стола.

— Некоторым не достаточно одного урока воспитания. — Сказал Брин, улыбаясь. — Поверь, мой друг, пока мы здесь — умнее всего будет сократить общение. В силу своего положения, ты сможешь провести время до отбытия к северным вратам очень комфортно. Рекомендую провести эти дни с пользой для себя, а не во вред себе.

Брин указывал глазами на чарку вина, лежащую в сумке гонца, давая понять о своём неодобрении. Лексан смутился, но решил, что идея очень разумна. Более того, они смогут отдохнуть и набраться сил. Но прежде, чем окончить разговор Лексан спросил прямо:

— Неужели, всё, что ты делаешь, происходит в знак благодарности за выпивку, которой я поделился там, на караване?

Брин улыбнулся, немного прищурил глаза и ответил, без малейшего сомнения или раздумья:

— Как выпивка пришлась мне очень по душе, так и спасение жизни, едва не оставленной в жутком поместье.

Гонец успел забыть о произошедшем в спиралесьи. И, ведь, действительно, если бы не расторопность и вовремя обнажённый клинок — Брин бы здесь не сидел. Оказавшись поодаль от безумных приключений, Лексан стал впускать в голову переоценённые мысли. Сейчас он был уверен в своём собеседнике. В любом случае, в земле, свободной от власти ему помощи искать больше негде. Согласившись с Брином, Лексан решил удалиться к мэрии, где он мог бы рассчитывать хотя бы на одну ночь отдыха.

Бриннэйн «Караванский» схватил уходящего гонца за рукав и вложил в ладонь мешочек с монетами.

— Твоё княжеское право не распространится на нужды, которые появятся в скором будущем. Мне деньги ни к чему, так как уже после твоего ухода я получу больше (указывая на громил, сидящих в дальнем углу помещения).

Лексан хотел отказаться, но Брин решительно сжал руку гонца.

— Следуй отдыхать. Как только возникнет нужда, приходи сюда. Скорее всего, очень скоро ты сможешь найти меня даже не глядя, а так, на звук.

Гонец ушёл из трактира, так и не поняв до конца значения выражения: «... не глядя, а так, на звук.»

Как только Лексан добрался до мэрии, до него долетел шум доносящийся с другого конца площади, аккуратно оттуда, где находился трактир. Понимая, что Брин, скорее всего колотит тех громил, что сидели в дальнем углу, гонец улыбнулся и отправился отдыхать.

Танец пылинок в пробивающемся свете уличного фонаря не отпускал взгляда гонца.

Лексан утонул в тёплой чистой постели, вспоминая родные края. Обретая уверенность в собственной нужности этому миру, он стал засыпать, понимая: он находится на своём месте.

Глава 3. Когда слова становятся лишними.

В штабе Каргопольского правителя царило безостановочное суматошное движение. Походя на рой неумолимых пчёл, вся грамотная свита князя Нестора собирала информацию о внезапном восхождении Кроллим на престол. Надеясь обнаружить скорую и очень грубую ошибку в заполнении документов, Нестор был неистово разгневан — ошибок совсем не находилось.

Князь стал понимать всю картину происходящего: очевидно, семейка Кроллим готовила сие действие не первый день, а то и не первый год. Зная, что дядюшка Мегандер и пискнуть лишний раз в присутствии Святослава не посмел бы, Нестор решил, что Кроллим старший избрал политику выжидания. Есть занимательный хищник — водяная змея: этот гад способен надолго задерживать дыхание (чем очень часто пользуется) — спускаясь на самое дно водоёма, змея делает вид, что умерла, оставаясь в таком состоянии очень подолгу. Рыбка подплывает и начинает пробовать змейку. Хищник неподвижен, его цель — это заставить жертву поверить в собственную неприкосновенность, ибо жертва легко забывает, находясь под толщей воды — неприкосновенных нет. Рыбка пробует снова, потом снова, пощипывает тушку змеи сильнее... Как только жертва теряет чувство безопасного расстояния — хищник совершает молниеносный бросок.

Как итог: терпение — залог неминуемой победы. И Кроллим проявил терпение. Выбрал момент, когда Святослав окажется максимально близко к смертельному броску.

Нестор не скрывал своего желания править Великим Кивом. Он получил бы титул единоправителя, не будь воля отца несколько иной. Кондр отдал столицу своей империи в руки старшего сына — таков был его неоспоримый указ. Хотя земли Нового Каргополя и были куда привлекательней: и выход к морю, уходившему в океан, и чернозём, на котором росли даже самые прихотливые растения, и горы, в которых добывается железная и серебряная руда; но Нестор чувствовал себя на окраине. Кив — это его город, Кив — это его место. Умея работать лицом, Нестор бы решал все споры города одним-двумя словами, не отличаясь былинной силой, как брат Святослав, он с лихвой компенсировал её навыками острого ума.

Сейчас он всё ещё рылся в бумагах, надеясь отыскать зацепку, которая позволит прогнать сию гадкую семейку с престола. Но не только дипломатия была игральной картой Нестора — его войско, оснащённое лучшим оружием и снаряжением, отлитым и выкованным в кузнечных и оружейных домах Нового Каргополя, ожидало силового свержения лжевласти. Более того, поиски следов Творимира тоже не оставались без внимания: часть морской обороны Камнеземья направилась аккуратно к берегам Релены, чьи протоки служили основой водного снабжения Кива. А это означало, что подготовленные, озлобленные и послушные морские псы Творимира будут рьяно выступать во славу князей, яростно сокрушая тех, на кого укажет княжеский двор.

Пока Каргопольский правитель исследовал каждый возможный вариант, князь Василий, отныне ни для кого не представлявший политического интереса, бродил по огромному поместью старшего брата. Иной раз ему приходилось прятаться за углами или колоннами, ибо едва слышав голос брата Нестора, Василий желал лишь сокрыться.

Несмотря на всё, что случилось в столице, Василий не переставал оставаться Нелюбимом. Он пробыл с клеймом Князя отхожих мест слишком долго, чтобы отряхнуться

от пыли Могилы и выпрямиться во весь рост. Он прятался, презирал совесть, выживал.

Единственной возможностью противостоять или хотя бы вести полновесный диалог с домом Кроллим и братом Нестором, было войско, подходящее к Киву. Его собственное войско, те, кто уж точно не перепрыгнут с одной стороны окопов на другую. Настоящие головорезы — вот обитатели Могильской армии. Им не по душе совесть, у них нет кодекса чести, земли Могилы слишком суровы, чтобы отвлекаться на что-то, кроме выживания. Закон природы в тех краях работает особенно чутко — либо приспособливаешься, либо умираешь.

Князь отхожих мест бесцельно бродил по замку, дарованному Святославу от отца и старался всё больше времени проводить в библиотеках. Так как раны от недавних побоев были свежи, он решил проводить свой досуг с пользой. Среди множества книг он нашёл любопытные экземпляры, где описывалась жизнь Кондра, чуть ли не от самого рождения. И жизнь его сыновей там была. Удивительно, но всё было записано, будто бы со слов самих участников той поры.

Детство князей, их нравы, всё было изложено утончённо и равномерно. Добравшись до строк, указывающих на изгнание Василия из земель Великого Кива, Нелюбим поморщился. Он слишком хорошо помнил тот временной отрезок, и не сильно хотел освежать его ненужными эпитетами писаря.

Несколько дней подряд Василий прохаживался глазами по старым, никем не изведанным страницам, пока его взгляд не приковал любопытный момент. Среди большого числа пожелтевшего и иссушенного пергамента виднелись фрагменты наспех вырванных страниц.

Василий вовсе не горел желанием обнаружить недостающие звенья, но, понимая, что его единственным занятием на ближайшее время станет изучение этих исторических экскурсов, он всё же заинтересовался. Пытаясь понять, что же было написано на маленьком куске пергамента, не до конца оторванного от основного пула книжных страниц, Василий сумел разглядеть слово. Запись велась на раннем Камнеземном диалекте, отчего буквы несколько отличались от общепризнанных.

Нелюбим стал обыскивать полки, в поиске необходимого словаря, с наличием транскрипции и пояснения основных первородных Камнеземных букв и словосочетаний.

Добравшись до «Источника Камнеземного слога» — так назывался первый на материке полновесный словарь первоязыка, Нелюбим стал искать похожие символы.

Сравнивая однородность того и другого текста, он сумел разобраться, какое именно слово являлось первым на странице варварски вырванного листа.

«Пять» — вот с чего начиналась новая страница почти в самом конце книги. А если точнее, оно было написано, как «пяты́й».

«Пяты́й? — прошептал Василий. — Что может начинаться с такого слова?»

Князь отхожих мест отложил словарь и принялся жадно вчитываться в ветхое писание. Он прошёл всю книгу от обложки, вплоть до вырванных страниц. По его подсчётам, в данном экземпляре не хватало ровно трёх страниц. Трёх страниц, начало которых следовало с числа пять.

Из содержания повествования, Василий заметил, что практически всё записанное относилось к описанию походов и завоеваний Кондра, расписывалось его ведение боя и стратегия ведения войск. Но заканчивалось всё не смертью великого князя, ибо писарь не мог знать, как именно умирал единоправитель — эта ноша принадлежала младшему из

четырёх сыновей...

Повесть оканчивалась тем, что князь Кондр заключил пакт с правительством Северных островов. А если точнее, с его правительницей. В голову Василия стали проникать, как мыши в кладовую через узкие щели, мысли о том: а что именно входило в условия того соглашения?

Ненароком, князь привлёк к себе внимание, когда снова и снова слонялся по библиотеке, поднимая столетнюю пыль.

Сам Нестор удостоил Нелюбима своим визитом. Василий охладил свой пыл, опустил взгляд в пол. Нестор прошёлся вокруг стола, где восседал новоиспечённый книжный червь и взял в руки одну из толстых книг.

— «Источник Камнеземного слога» — сощурившись прочёл Нестор вслух. — Интерес к нашему праязыку? С какой такой радости?

Нелюбим не желал говорить, ни о языке, ни о слухе.

— Что ж ты не отвечаешь? — снова спросил Нестор, его голос более не звучал, словно удар молотом о наковальню, как это было в трофейной комнате, теперь он говорил уверенно, рассудительно, но при этом не теряя презрения к своему младшему брату. — Неужто, простой вопрос твоего личного спасителя, так легко ставит в тупик?

Василий не двигался, каким-то странным образом, присутствие среднего брата подле него вызывало обострение боли от свежих ран.

— В принципе, я и не ожидал иного поворота. — Нестор бросил книгу на стол, отчего в воздух взмыли клубки пыли, воздымающейся и снова оседающей на древних полках. — Проявив свою натуру десятки лет назад, ты лишь отточил её острые края в своей помойке.

Василий молчал, он терпел боль.

— Вот именно. Могиль — это единственное место, где ты смог прижиться. Иного жилья для твоей поганой натуры и быть не могло. Думаю, отец не смог вынести такого. Среди всего потомства всегда попадается паршивая овца. Нам не стоило отправлять тебя во след за ним.

Василий начал гореть изнутри: не то лихорадка стала прогрессировать, не то кровь Кондра стала кипеть в его венах.

— Листай свои книжки, — Нестор не смотрел на брата, его не заботило существование князя отхожих мест, — поправляйся, и как только сумеешь, убирайся в свою грязную нору. Твоё место там, среди других трусов и подлецов.

Уходя, Нестор увидел краешек оторванной страницы в раскрытой книге:

— Пятый? — слегка удивлённо спросил он, — любимое число нашего любимого отца.

Оставив младшего брата в тёмном пыльном помещении, Нестор направился в свой кабинет, где всё ещё кипела работа.

Нелюбим понемногу остывал. Смешанные чувства — с одной стороны, Василий понимал, что не должен был оставлять больного отца, с другой, его душило несправедливое обвинение мальчика, который незаслуженно вырос уродливым как внутри, так и снаружи.

Приходя в себя, Василий стал искать дальше. Но информация об этих страницах терялась. Не было и намёка на то, какой именно фрагмент рукописи навсегда был утерян.

Не лишая себя возможности на отдых, Василий направился в покои, которые при Кондре принадлежали самой бесполезной служанке. По пути среди бесчисленных коридоров, он оказался у двери, за которой находился кабинет княжеских советников. Заметив царившую внутри помещения суету, Василий ускорил шаг, дабы не сталкиваться с

людьми, которых он видеть и в повседневной жизни не очень-то любил, а здесь и подавно устал от их общества.

Оказавшись почти у самого порога кабинета, Нелюбим остановился, так как дверь стала широко раскрываться. Василий поступил так, как делал в чертогах поместья очень часто — он спрятался. Князь Нестор неистово доказывал советникам их некомпетентность и настаивал на скором отстранении их от занимаемых должностей.

Анфиса и Илларион пытались вставить в полемику хоть немного аргументированных доводов в свою защиту, однако Каргопольский князь, а, так как существовали документы с печатью, с недавних пор Каргопольский король, не желал выслушивать оправданий. Когда Нестор ушёл из кабинета, оставляя за своей спиной суматоху, советники поспешно направились за ним, взяв в руки по охапке ценных бумаг.

Дверь они закрыть не успели.

Василий прошёлся глазами вдоль коридоров — чисто. На улице царила ночь, в её полномочиях была тишина, которая легко раскрывает любой источник шума. Нелюбим не стал мешкать — неизвестно, на несколько минут ли кабинет опустел или на несколько суток. Время — слишком ценный ресурс, а Нелюбим умел распоряжаться ценностями.

Князь пробрался в кабинет, не закрывая дверь плотно: маленький зазор служил связью с коридорами. Осмотревшись, он увидел огромный, встроенный в дальнюю стену кабинета стеллаж, с, просто невысказанным, количеством бумаг и книг. Связанные в толстые тома, эти документы подпирали друг друга, как стайка воробьёв на ветке в зимнюю пору — ни миллиметра свободного пространства.

Непонятно, чего именно искал князь. Возможно, он просто хотел понять жизнь Кива с новой стороны, порыться в его грязном белье; по большей части он искал зацепки, связанные с историей числа пять. Но с чего начать?

Принимая ценность времени на вес золота, он сразу же направился мимо двух громоздких столов к стеллажу, где царила настоящая упорядоченная красота, которая, увы, была неразличима издалека. Все документы находились ровно на своих местах, под каждой полкой виднелись намертво прибитые таблички с описанием документа, находившегося над ними. Настоящий порядок.

Бегая глазами по табличкам, князь остановил взгляд на очень любопытной надписи. Она гласила: «Княжеский род.»

Так как книга в библиотеке была полностью посвящена семье Кондра, он уверовал, что найдёт недостающий фрагмент именно здесь. Или хотя бы приблизится к нему.

Медленно вынимая папку с документами, Василий не сумел удержать цепной реакции, и произошло непоправимое — весь стеллаж, включая все ценные бумаги, всё это стало лететь прямо на князя. Василий, преодолевая боль от ран, сумел-таки отпрыгнуть назад, но спасти стеллаж от неминуемого падения ему не удалось.

Воцарился настоящий хаос: часть бумаг оказалась на полу, часть из них летала в воздухе, как перья. Оба стола были перевернуты под тяжёлым ударом (как оказалось, стеллаж не был встроен в стену, а просто прилегал к ней). От порядка, царившего здесь несколько мгновений назад не осталось и следа.

Князь ощутил на себе тяжесть вины. Он представил, какую морочу испытают слуги, когда им придётся прибираться здесь. Но на то они и слуги, чтобы служить. Так заключил Василий, уходя в свои покои. Ему было всё равно, заподозрят ли его в учинении беспорядка, так как ценность его персоны была сильно занижена, он мог оставаться в стороне даже при

непосредственной принадлежности к сему действию.

Василий ушёл в маленькую комнатку. Под чёрной мантией он прижимал к груди документ, который мог бы внести ясность в любопытное дело. Бумага грела его — он действительно хотел разгадать смысл числа пять.

Расположившись за маленьким столиком у маленького окна, Василий снял мантию, оголив красивое лицо — ночь и одиночество работали, как всегда, он снова стал красивым молодым мужчиной, сохраняя секрет своего проклятья с самим собой. Василий зажёл маленькую свечу, стоящую на столе и плотно закрыл дверь, подперев ручку свободным стулом.

Боль от ран стихла — лучшее лекарство от подобных увечий, это покой и тишина. Дело в том, что свойства крови князя Кондра распространилось и на его сыновей: они быстро залечивали раны, их не брали даже самые сильные яды, а порой, оказавшись загнанными в угол, они могли раскрывать в себе ярость пылающего пожара. И в этом случае всё работало на пользу младшего из князей — тишина, покой и неразгаданный ребус.

Большая часть писания, находившегося в папке с бумагами, практически в точности повторяла строки из книги, находившейся в библиотеке. Как только текст доходил до заключения пакта с правительницей Северных островов, писание заканчивалось. Слово «пятый» не фигурировало в папке с документами, напротив, эта рукопись была куда более упорядоченной, лишая читателя возможности наткнуться на небрежно вырванные страницы.

Василий негодовал, его раздражало любопытство. Обращаться с подобным вопросом к советникам было неразумно — скорее всего их познания строились как раз на данных из сего писания, ибо в библиотеку им спускаться нужды не было (у советников и без старинных книг бумажной работы, хоть отбавляй).

Но как же быть дальше? Это непростое число, и его оставили не просто так. Конечно, возможно, страницы были вырваны наспех, а потому и не аккуратно. Но какая спешка может быть, если краешек бумаги оставляет такую тонкую деталь на поколения вперёд, храня и оберегая её. Ведь тот, кто вырвал страницы мог с лёгкостью вернуться и закончить работу чисто, в конце концов, он мог полностью уничтожить книгу. Но это было не так.

Маленькое послание, которое могло таить большое дело. Этот вопрос Василий был обязан разгадать. По большей части оттого, что ему особо нечем было заняться.

Решив, что сама рукопись не может дать ответы на поставленные вопросы, Василий обратился к оглавлению, где сумел разыскать человека, который непосредственно вёл эти самые записи. Некий придворный писарь Алек Налос. Это уже было хоть какой-то зацепкой. Судя по всему, этого человека в живых не было уже давно. Но подобный персонаж не мог просто исчезнуть без вести. Наверняка, о нём найдутся сведения. А со временем могут и найтись факты о вырванных страницах, а в случае большого везения и сами страницы.

Василий вышел из своей комнаты и направился обратно в библиотеку, проходя мимо кабинета советников он услышал шум, доносящийся из-за двери:

— Я говорил полсотни раз! — кричал Илларион. — Надо зафиксировать стеллаж металлическими гвоздями. Он не был предназначен для такого большого объёма бумаг!

Советница Анфиса не терялась под ударами слов, а, напротив, успешно парировала:

— Если бы кое-кто не впихивал всё новые и новые партии бумаг туда, где комару чихнуть тесно, стеллаж бы стоял, как прежде!

Пока советники искали крайнего, виновник удалялся вглубь коридоров к библиотеке. Василий был доволен тем, что остался непричастным. Ему удалось миновать разбирательств

и лишнего внимания, что, несомненно, было ему по душе.

Оказавшись среди знакомых полок, Василий взял книгу, с которой провёл не мало времени наедине и уселся за стол. Сравнивая написанное в старой книге с документом из кабинета советников, он определил, что изложены эти текста были в совсем разное время: иной почерк, качество бумаги и даже качество чернил.

Но кое-что объединяло обе рукописи: и в одной и в другой автором выступал некий Алек Налос. Возможно, этот человек и не мёртв. Теперь Василию предстояло найти придворного писаря, дабы суметь задать тревожащий вопрос: в чём скрывается смысл слова «пятый»?

Бессонная ночь, проведённая в библиотеке не оказала на потомка Камнеземного чудовища гнетущей усталости. Как и все наследники Кондра, Василий легко переживал усталость. А потому, с наступлением рассвета к нему вернулся привычный облик. Потрогав, вновь ставшее испорченным, лицо, князь сжал руку в кулак и с силой ударил им по столу, отчего все бумаги подпрыгнули. Князю надоело сидеть здесь в полумраке. Пытаясь убедить себя в важности и глубоком смысле потерянных страниц, он всё лучше понимал — всё это лишь способ борьбы с ожиданием.

От войск Могилы не было вестей, отчего ожидание становилось непосильной ношей. Решив, что ему удастся выбраться из замка и попытаться отправить весточку к своим офицерам, он забросил идею о поиске недостающих страниц.

Когда князь выходил из библиотеки, он, захлопнув дверь, нервно направился к своей обители. Грохот пронёсся по всей библиотеке, отчего книга с вырванными страницами упала на пол, раскрыв рукопись на имени автора повести: Алек Налос — эта надпись была сделана каллиграфически, не спеша. Если бы Василию хватило усидчивости и терпения или, хотя бы, вернись Нелюбим обратно на пару секунд, он бы сумел заметить деталь, что бросается в глаза.

Так как книга лежала вверх тормашками, имя автора, написанное красивым почерком можно было прочесть задом наперёд: Алек Налос — Кела Солан...

Именно старейшина Солан и был тем самым писарем при дворе князя Кондра. Он вёл очень кропотливую работу, собирая историю княжеского рода воедино. Никому не доверяя подступа к своей рукописи, он лично вёл все записи, а так же лично редактировал текст. Как не трудно догадаться — его рука вырвала три недостающие страницы.

Василий не увидел этого. Он был терзаем мыслями о братьях, о своём войске, о своём проклятье. Будь на его счету чуть меньше забот, он бы точно разгадал реверсное написание имени старейшины. Но забот, напротив, прибавлялось. Василий сумел договориться с Анфисой о возможности покинуть замок. И даже шанс попасть на голубиную почту казался весьма реальным.

Наступление ночи ознаменовало выход на улицу. Анфиса провела князя до дверей, после чего дала чёткие координаты нахождения почты. Нелюбим поблагодарил советницу, уважая её старание ни в коем случае не предавать княжеский двор.

Князь сумел добраться до почты. Скрывая личность, он быстро договаривался со всеми служащими при помощи Элленов. Преодолев все барьеры, Василий написал зашифрованное письмо, в котором требовал немедленного появления войска у врат Кива. Он объяснил, что находится в плену собственного положения, и вызволить его из этого плена удастся лишь силами Могильских воинов.

Голубь был отправлен. Василий не стал задерживаться и поспешил к выходу.

Прямо у дверей, ведущих на улицу его ждал Нестор со своей личной охраной, а рядом с ним нашлось место и самому Мегандеру Кроллим. Капкан захлопнулся, Нелюбим вновь оказался в тисках.

— Принести послание, написанное этим человеком. — Нестор отдал чёткий приказ.

Служитель почты растерялся, но самообладания не потерял, а потому вернул голубя с запиской, привязанной к лапке.

Князь Каргополя раскрыл письмо, но шифр был крайне непонятен. Работа Могильского мастера — вот как можно охарактеризовать послание: сама по себе Могиль была чуть ли не автономным государством, со своими устоями и порядками. Шифр, созданный для посланий был искусной работой тех земель, а потому разгадать его возможности не было. Но Нестор и не желал вести расследования, напротив, интереса данное послание у него не вызывало. Он, будто бы, знал больше, чем Василий мог вообразить.

Мегандер и Нестор стояли напротив князя Нелюбима. Все присутствующие ощущали близость развязки, и Нестор заговорил:

— Если ты считал, что какое-то войско бессовестных ублюдков могло спасти твоё положение, то ошибка фатальна, брат мой.

Васлий более не смотрел в пол. Сняв капюшон и глядя брату в глаза он задал вопрос:

— Всех до единого?

Мегандер ворвался в диалог со своей речью:

— Все восемьсот шестьдесят шесть пеших воинов Могили уже оказались в могиле. — Кроллим старший сострил, понимая, что шутка никому не покажется смешной. — Ни один из них не смог дать отпора настоящим солдатам Каргополя и наёмникам нашей семьи.

— Эта партия проиграна полностью, брат Василий. — Нестор не говорил презрительно, он вёл себя как победитель. — У тебя не остаётся выбора. А потому, имеется предложение, которое сможет тебя заинтересовать.

Василий сжал кулаки. Его переполнял гнев. Он догадывался об условиях, что подготовили эти люди:

— Подарить вам на двоих мою Могиль — в этом смысл вашего щедрого предложения?

Нестор и Мегандер переглянулись, князь Каргополя даже почувствовал смущение, но продолжил:

— Точно так.

— Забудь, мразь! — Василий не скрывал своей ярости, стало казаться, что он был готов наброситься на неприятеля голыми руками. — Ты лично изгнал меня в те бесплодные земли, а теперь, когда я сумел выстроить на болотах настоящую крепость, ты требуешь отдать её в руки, которые никогда не касались грязи?

Нестор сглотнул, ему стало не по себе. Уверенность в том, что личная охрана остановит Василия его грела, но в какой момент это случиться? Что, если Нелюбим успеет нанести урон по нему? А если непоправимый? Вдруг одного удара хватит, чтобы лишить Нестора жизни?

Каргопольский правитель занервничал, а потому, Кроллим старший приковал внимание Василия к себе:

— Ты должен понимать, что даже Могиль не устоит против наших совместных сил. Разумнее всего будет сдать полномочия и оказаться под нашей защитой. Гарантированный переезд в столицу и её самые тёплые услуги — не лучше ли жить среди цивилизации и быть частью её, нежели скитаться на окраине, прибывая в облике нелюдимого зверя?

Василий выслушал Мегандера. Ему не было дела до слов, выпускаемых змеёй. Больше всего его тревожило поведение Нестора, который пошёл на сделку с этой мразью, стоя напротив собственного брата.

— Ты бы хотел этого, король Нестор? — Василий сделал акцент на титуле, который был присвоен княжеской семье, после того, как Валерас занял место правителя.

— Этот мир нуждается в переменах, брат. — Нестор звучал отчаянно. — Мы — не отец. Он мог править в одиночку, он мог быть везде и сразу, но не мы. В нашем случае есть необходимость в разграничении власти. Пойми, сохранить мир таким, какой он есть мы не в силах: либо мы следуем новой волне, либо тонем, сбитые ею с ног...

Ни одно слово, сказанное этими людьми, не находило отклика в сердце Василия. Он рьяно ненавидел господ, стоящих напротив, и вот-вот был готов наброситься на них, чтобы никогда не оказаться во власти гнёта. Нелюбим уже приготовился вырвать поганые языки, но пылающий разговор был прерван внезапным появлением советников княжеского двора и старейшиной Соланом.

— Ваше губящее неистовство должно быть прекращено. — Солан не подлизывался, как он обычно это делал, напротив, неся в себе закалку, дарованную князем Кондром, он говорил прямолинейно и ответственно. — Нынешние разногласия приведут нас всех к неминуемой беде!

Мужчины, спорящие несколько мгновений назад, пристально уставились на старейшину.

— Мы в преддверии больших перемен, господа. — Продолжал старейшина. — Аккурат три месяца назад, нами был послан гонец в земли, именуемые Северными островами. Это послание было крайне важным, ибо сложные отношения с народом, живущим за чертой Последнего предела, должны были быть разрешены сией доставкой.

Все были в недоумении, а потому никто не встречал:

— Я помню, как вёл старые записи... Вся история князя Кондра была сложена в один толстый том. И каждый из сыновей Чудовища из Камнеземья был запечатлён в нём. Солан продолжил:

***

Старший сын, князь Святослав. Первенец был обязан остаться в столице и возглавить правление Камнеземьем. Несмотря на крайнюю нелюбовь к рутинному правлению, он принял свою судьбу. Всеми силами стараясь избежать необходимость вести деловые заботы, князь Святослав всё чаще обращался к политике сражений и походов. Его место было среди рядов таких же воинов, что были приняты в ряды Кивской армии. Среди них он и остался навсегда (намекая на кончину князя).

***

Князь Нестор — человек, который по праву мог занять место Святослава, но был вынужден править на окраине. Новый Каргополь по достоинству стал называться западной столицей. Имея в своём распоряжении большой запас ресурсов, как природных, так и человеческих, князь Нестор сумел укрепить влияние семьи Кондра на западных уделах. Сейчас Новый Каргополь стал могущественной частью материка, способной противостоять силам Кива.

Находясь здесь, в столице, князь Нестор может претендовать на революцию и гражданскую войну, в которой сумеет одержать победу. Но междоусобица — это крайне неуместная и глупая затея. Именно слова должны решать сегодняшнюю политику, а никак

не клинки.

***

Вышеград — настоящая клоака морских завоевателей. Князь Творимир, к огромному несчастью, оказался исключён из игры престолов. Ему были дарованы великие качества, а потому, он с гордостью занимал свой пост.

***

Тем временем в пучинах бескрайнего океана Анилан.

Выковав из морских разбойников настоящих демонов, Творимир добыл необходимую информацию о местонахождении троицы, похитившей его на пути в Великий Кив.

Хотя их поджидали небольшие трудности в стремлении добраться до наёмников, Творимир, а отныне капитан Твикс, всё же нашёл своих недругов.

Высадившись на одном безымянном острове, подле залива «Клешня», капитан заметил дым, кротко вырывающийся с самого центра суши. Твикс понял — его цель там, среди бесчисленных пальм и кустов. Оставалось лишь бесшумно пройти сквозь непроглядную чащу и месть свершится.

Хотя троица и расставила ловушки на пути к своему лагерю, команда Волнореза была на совсем ином уровне бытия. Одурманенные заговорённым зельем, матросы видели спрятанное, отчего легко избавлялись от сокрытых ловушек. Когда джунгли вывели команду к лагерю наёмников, капитан сразу заметил знакомые лица.

Все трое были заняты своими делами — их образы были навсегда впечатаны в память Твикса, и, наконец, он видел их воочию. Ненависть переполняла князя, отчего он тут же отдал приказ о нападении: яростном, неистовом, беспощадном.

Наёмники не были готовы встретить неприятеля такой силы. Великан Лентус схватил дубину, которая была сделана именно под его габариты, и принялся размахивать ею, стараясь зацепить как можно больше врагов. Моряки наступали. Они не испытывали страха или усталости, они должны были уничтожить врагов капитана, они должны были выполнить приказ капитана.

Среди прочих, первой пала сколопендра, бывшая постоянным спутником троицы. Лентус пришёл в бешенство, увидев неподвижное тело своего ручного зверя. Троль швырнул дубину в толпу и схватил одного из изменённых моряков в руки, приложив огромную силу, он разорвал этого человека пополам.

Кровь разлетелась на лица моряков, отчего они сами пришли в ярость. Отбрасываемые могучими руками, они вновь и вновь накатывались на Лентуса волнами, стараясь сбить его с ног.

В то же время гуль Акут ловко сражался с частью команды, напавшей на него. Он был искусным фехтовальщиком, невзирая на гниющее тело, Акут смело использовал навыки ведения боя, отчего мог давать отпор не одному противнику. Он бился, как герой, но всё же попался: кто-то из матросов сумел оказаться за спиной гуля. Сила, которой обладала команда давала о себе знать, матрос схватил гуля в тиски, не давая возможности выбраться. Остальные члены команды набросили на Акута цепи и приковали его к дереву. Отходя, чтобы осмотреться, моряки увидели третью цель — главную цель.

Вся команда стала стремительно бросаться на человека, который походил на любого селянина Камнеземья. Твикс стоял позади битвы, он ждал момента, когда месть свершится. Последний удар был за ним, а потому, спешить он не собирался. Слишком долго ему пришлось ждать этого дня, и испортить всё он попросту не мог.

Безымянный человек дрался намного тактичнее, нежели его товарищи. Он отступал, делал выпады, кувыркался и бросался в те моменты, которые были уместны. Никто не мог ухватиться за этого человека, он был столь же неуловим, как дым — вот он развивается прямо перед тобой, но стараясь схватить его, ты будешь разочарован, ибо утечёт он сквозь пальцы.

Сумев зажать безымянного человека в угол, один из матросов замахнулся гарпуном, стоя позади основной подавляющей толпы. Лентус увидел, как его товарища готовятся пригвоздить к камням. Тролль собрал свои силы в едином порыве, преодолев озлобленную команду, он бросился на помощь. Закрыв собой безымянного человека, Лентус пал с дырой в горле от брошенного гарпуна.

Акут стал свидетелем смерти близкого друга. Переполненный злобой, он стал вырываться из оков. Лишь правая рука его была намертво прибита к дереву и обвита цепью. Снова взглянув в сторону своих товарищей, гуль накинулся на собственную руку и стал отгрызать её. Проходя зубами по гниющей плоти, он не чувствовал боли. Оторвав кисть, он оголил локтевую кость. Из раны кровь не бежала — ибо гуль не был жив в привычном смысле.

Яростно ворвавшись толпу, он стал сражаться бездумно, отчаянно. Используя повреждённую руку, как оружие, он сумел лишить жизни нескольких моряков. Но его сил оказалось недостаточно — Твикс знал, на что идёт, знал с самого начала.

Гуль пал в яростном сражении. Безымянный человек, спасённый троллем, видел. Он видел, и сделать он ничего не мог.

Волнорез направился в сторону безымянного человека, шёл он медленно, продлевая момент.

Проходя мимо сколопендры, он вонзил в её тело пшагу, отчего насекомое согнулось и окончательно оставило этот бранный мир.

Находясь возле тела гуля, капитан перерезал горло Акуту, на что смердящее создание издало один единственный хрип. Твикс улыбался, он был опьянён своим отмщением, но самый сладкий кусок пирога ждал его впереди.

Матросы отодвинули тролля, который всё ещё был жив и вытащили безымянного человека. Тролль хрипел, из его пробитой глотки сочилась и пузырилась кровь. Безымянный человек был переполнен ужасом. Он дрожал, он боялся.

Твикс прошёл мимо безымянного похитителя, вплотную подойдя к троллю.

— Ну что, Лентус, — прошептал он, — удар держишь?

Тролль закатил глаза, мощный прямой выпад и лезвие клинка поразило толстый череп насквозь. Тролль умер.

Безымянный человек плакал. Так плачут мужчины, тихо, но заметно. Его взгляд был направлен в пустоту, а разум взмыл в небеса. Он был уже не тут, он уже присоединился к своим друзьям.

Твикс вынул меч из головы тролля. Он чувствовал небывалый прилив сил. Отмщение свершалось, его поход заканчивался. Творимир вернулся на землю с небес. Ему надлежало совершить последнее действие, настала пора закончить начатое.

Безымянный человек расслабил тело — ему ни к чему было сопротивляться, этот мир его больше не держал.

Твикс подошёл к своему похитителю, едва сдерживаясь, чтобы не начать разрывать его на куски. Он хотел уничтожить этого человека; он бы жизнь отдал за подобную

возможность. Но был один нерешённый вопрос, который капитан напрямую задал своему врагу:

— Кто был нанимателем?

Человек без имени не поднимал глаз, он утопал в горе, которое будет длиться не долго. Твикс начинал терять остатки терпения, но повторять вопрос он не намеревался, готовясь убить мужчину, стоявшего на коленях, он замахнулся клинком.

— Твой брат. — Гранитным камнем прилетело Твиксу в лицо заявление.

Капитан замер, он не мог поверить в сказанное. Твикс уже было схватил человека без имени, дабы вытрясти из него всю правду, но тот лишь качнул головой в сторону стола, стоявшего под настилом из пальмовых ветвей. Очевидно, там находились все документы, подтверждавшие сказанное безымянным человеком.

Волнорез направился к столу, оставив пленника без внимания. Матросы швырнули человека без имени на песок, окружая его. Твикс стал просматривать бумаги, среди которых было много любопытных документов. Он раздобыл дневник человека без имени и отложил его в сторону. После некоторых поисков он всё же нашёл контракт, в котором говорилось о похищении и забвении князя Творимира.

Клеймо на груди стало гореть, искажённое лицо напомнило о забытой боли. Творимиру стало наплевать на мотивы и сюжет похищения, среди строк он искал лишь имя заказчика, добравшись до которого он пришёл в ужас:

«... приказ отдан личной воле князя Н.»

Сам Нестор отдал этот заказ в руки наёмников. Твикс мог бы долго стоять и думать о том, за что ему выпала такая участь. Но он не любил думать, князь Волнорез предпочитал действовать, а потому решил направляться в Великий Кив и лично спросить у Каргопольского правителя — почему?

Человек без имени стал медленно подползать к своим павшим товарищам. Он был скрючен, подавлен, растоптан. Словно маленький ребёнок, немощный и беспомощный, он протянул руку к троллю. Твикс прибил своим клинком вытянутую руку. Лезвие прошло через кисть, углубившись в песок.

Человек без почувствовал боль, но значения ей не предал. Он стал тянуться к телу Акута, участь второй руки была такой же, как и в первом случае. Человек без имени бессильно упал лицом в песок. Он сдался.

Твикс вынул мечи и перевернул человека без имени на спину. Солнце ослепило безымянного похитителя. Он шурился, чувствуя приближение смерти.

Волнорез не стал церемониться, жажда мести и крови не могла быть утолена этими существами, она поднялась на новую ступень. Творимир приказал снять с безымянного человека рубаху, после чего он с силой приложил к груди похитителя заготовленное раскалённое клеймо Элеанского раба. Безымянный человек уже не чувствовал боли, он был отрешён от неё. Тогда Твикс схватил чан с кипящей водой и окатил им лицо павшего похитителя.

Главным отличием между случившимся с ним было то, что никаких заклинаний и порошков Твикс при себе не имел. Вот почему человек без имени скончался от ожогов на песке безымянного острова.

Пастырь не подходил к князю, к нему больше никто не подходил. «Служанка» держала курс на Великий Кив, где предстояло великое воссоединение.

На песке безымянного острова царила гармония. Ветерок с моря покачивал верхушки

пальм, развеивая дымок от потухшего костра. Расколотый клён, под которым располагался лагерь наёмников, тихо доживал свою длинную жизнь. Тела павших моряков были преданы земле, тела павших похитителей были преданы сами себе. Их история закончилась здесь, но начало пути трёх наёмников было изложено в дневнике безымянного человека, который остался верен своим принципам до конца. Как и своим товарищам...

***

Могиль — это настоящая заслуга таланта князя Василия. Воздвигнуть нерушимую крепость на болотистых землях. Кондр был бы горд. И всё произошедшее теперь малозначимо, ибо есть нечто важное.

Солан развернул руку, сокрытую под мантией и достал три листа бумаги, которые были вырваны из библиотечной книги. Василий всерьёз заинтересовался происходящим, Мегандер и Нестор разделили интерес.

— Это фрагменты рукописи, раскрывающей секрет семьи князя Кондра до конца. — Солан покашлял и стал зачитывать написанное. — Пятый сын...

Лексан пробудился ото сна. Его стало тревожить нечто необъяснимое. Как только гонец оделся, в его дверях оказался Брин. Беглец был возбуждён.

— Скорее, друг мой! — поторопил гонца Брин. — На мой след вышли! Нам нужно убежать, иначе и тебя привлекут, а там разбираться никто не пожелает.

Гонец не стал терять времени, перетянув сумку через плечо, он одобрительно кивнул. Компаньоны выдвинулись на площадь, где уже поджидали люди в форме Генмельской армии. Военные бросились в погоню за юношами. Брин и Лексан помчались к главным воротам, где их ждали кони. Едва успев вскочить на лошадей, они во всю прыть умчались по дороге, ведущей к границе последнего предела.

Перед ними выросла колонна конницы с Генмельскими знамёнами, отчего возникла необходимость свернуть в лес. Погоня продолжалась долго, животные уставали и боялись нестись во весь опор через деревья. Оказавшись у реки, попутчики бросили лошадей и сумели перебраться через русло, миновав сильное течение.

Мокрые и уставшие они двинулись дальше, но солдаты Генмеля преследовали их. Ухабистая тропа вела вверх к узкому проходу меж двух отвесных скал — это рубеж, ведущий ко вратам Последнего предела.

Лексан тяжело дышал, наперебой его хватало за горло удушье от холодного воздуха и мокрая одежда. Брин держался стойко. Спустя месяц нахождения в землях без власти, он довёл своё тело до формы олимпийского атлета, гонец не удивился сим метаморфозам — Бриннэйн был очень силён, находясь на грани истощения, пока сидел за решёткой. А теперь, попав в благополучную среду, он сумел довести свой организм до достойной формы.

Гонец кинул взгляд на контур тела своего спутника, и лишь одна мысль проникла в его замерзающее сознание: «Какой формой обладал этот человек до заключения?»

Люди Генмеля следовали по пятам, лишь какие-то минуты разделяли их от измотанных путников. На пике двух скал поднялся небывалый ветер, он дул с самого севера, отчего пробирал до самих костей.

Лексан изнемогал от холода, его разум постепенно угасал, он едва не терял сознание. Путники остановились, чтобы перевести дух.

— Эта дорога погубит нас. — Заметил Лексан, чуть ли не падая в сугробы.

— Эта дорога не для нас, друг мой. — Брин отвечал с дрожью в голосе, но не от холода.

— О чём ты говоришь? Последний предел совсем близко, остаётся лишь спуститься по

склону, и мы свободны!

— Лексан... Я, ведь, прочёл содержание твоего донесения. И потому хочу сказать — эта дорога не для двоих.

— Нет, нечего нести чушь! Тебя возьмут под опеку. В Киве для тебя выделяют лучшие благодетели после того, как я расскажу о нашем пути.

— Лексан, — Брин стал говорить расстроено, обречённо, — Лексан, только ТЫ должен добраться до Северных островов. Только ты...

— Но я не понимаю! — воскликнул гонец.

Словесный диалог не успел получить логичный финал. Генмельские преследователи подходили всё ближе. Не прошло и мгновения, как они оголили оружие и направились к двум юношам. Брин достал меч из ножен и встал в оборонительную стойку, Лексан и сам воспрянул духом — внутри он ощутил сильный жар.

Развязалась потасовка. Брину ничего не стоило отбиваться от солдат Генмеля, несмотря на численное превосходство, в узком проходе они не могли использовать его полностью. Лексан давал не менее достойный отпор. Даже простуда, которая валила его с ног, в сию же секунду прекратила накатывать тяжёлыми симптомами.

Они дрались уверенно, практически одержали победу. Однако, расщелина не была местом для полноценной баталии — слишком нестабильное положение, слишком опасное место.

В порыве атаки, Генмельские солдаты смогли отпихнуть беглеца к одной из скал. Удар Брина о камни был сокрушителен, словно о скалу только что ударилась повозка, летящая с горы.

Скалы пошатнулись. Битва стала утихать, ибо природа устала наблюдать за схваткой и решила положить ей конец в один акт. С высоты белых скал стали сыпаться валуны, вперемешку со снегом. Свистящий ветер разыгрывал музыку титанического возмездия — природа показывала своё превосходство.

Несколько солдат Генмеля отступили, оказавшись отрезанными от беглецов, остальные навеки оказались погребены под толщей ледяных камней.

Лексан почувствовал тёплую кровь на своей груди. Вокруг было темно, ветер гулял, будто бы снаружи, отчего гонец заключил, что находится под завалом.

Пытаясь хоть как-то определить своё местоположение он стал шевелиться. Вдруг, прямо перед его лицом послышался знакомый голос:

— Замри на секунду.

— Брин, — шипел Лексан, превозмогая боль. Он стал догадываться, что на грудь ему падала кровь именно его спутника. — Как мы выберемся?

— Замри на секунду, — вторил Бртннэйн, стискивая зубы.

Спустя пару мгновений показался тонкий лучик поднебесного света. Брин стал приподнимать груды камней, от которой он накрыл собой гонца. Свет пробивался всё ярче меж щелей, расширяющихся под каждым новым толчком беглеца.

В конце концов, зазор стал достаточно проходим, чтобы гонец сумел выбраться. Брин взглянул в глаза своего спутника, которые были практически сомкнуты.

— Скорее, выползай наружу. — Говорил Брин, едва не испуская дух. — На вторую попытку моих сил не хватит.

Лексан оказался в состоянии прострации — он не мог воспринять реальность, перед глазами летали искры, вырисовывающие смерть Лисика, Морваса, а теперь и наступающую

смерть Бриннэйна. Гонец тонул в смоле собственного проклятья. Он предпочёл остаться под завалами, чтобы ни одна мирская забота более не стала его тревожить.

Брин заметил, как гонец перестал шевелиться. Подперев тяжёлый груз одной рукой, он взялся свободными пальцами за шиворот гонца и растряс Лексана, гневно донося до него свою мысль:

— Это твой поход, и больше ничей. Ты обязан выползти. Судьба твоя не может кончиться здесь, она там, в землях Северных островов. Живо, наружу! — Брин стал отпихивать гонца в сторону расщелины, отчего камни над ними зашевелились.

Гонец упёрся ногами, захлёбываясь от недостатка кислорода, он стал хвататься за края камней и карабкаться наружу на спине, раздирая свой кафтан и плоть под ним. Брин видел, как его друг устремлялся к выходу. Беглец заулыбался, когда Лексан окончательно выбрался из завала.

В свои последние секунды он закрыл глаза, а голову пронзила затейливая мысль: «Хм-м. А насколько высоко я смогу разогнуться с этим грузом?»

Брин принял точку опоры и стал выпрямляться.

Лексан, оказавшись снаружи, лежал в снегу и крови. Огромная груда камней, вперемешку со снегом двинулась. Лексан тут же стал смотреть в расщелину меж камней. Брин вытягивался, почти достигнув стоячего положения... но природа всегда побеждает. И в этот раз тоже. Огромная тяжёлая куча рухнула прямо перед лицом гонца, навеки заточив под собой одного из сильнейших людей Камнеземья.

Лексан был опустошён. Он попытался встать, но раны со спины потянули его к земле. Кровь стекала из открытых повреждений, клубясь над гонцом горячим паром. Лексан пошатнулся и свалился с ног. Скользящая тропа, ведущая вниз со склона, подхватила его. Он стал катиться к подножию Последнего предела, исчезая из этого мира.

Какие-то люди в тёплых одеждах нашли едва живого гонца. Они одели его, замотали раны свежей тканью и взяли с собой на какое-то судно. Их говор был Лексану не знаком, но он догадался, что попал в руки северян, к которым и направлялся.

Гонец стянул с себя сумку и вынул послание, переживая, что не доживёт до момента, когда его нужно будет дочитать. Северяне раскрыли посылку и стали вчитываться, после чего укрыли гонца потеплее и направились в темноту морской ночи.

В себя Лексан пришёл уже в уютном помещении. Вокруг было тихо, за стеной гулял ветер. Стены из чёрного камня, с редкими подсвечниками и лампами на них — это всё, что окружало юношу. Вымотанный и раздавленный, он вышел из помещения в соседнюю комнату. Минувя дверь, он оказался в огромной зале, заполненной людьми, которые молчали и смотрели, как гонец выходит из своих покоев.

Лексан не понимал, что происходит. Он хотел вернуться в место из которого вышел, чтобы выпрыгнуть из окна, в надежде, что оно установлено достаточно высоко и приземление, после судьбоносного прыжка, будет жёстким. Но какой-то монах остановил юношу, обращаясь к нему, как к вельможе:

— Не уходите, господин. Едва не покинув нас вчера, вы лишаете этих людей аудиенции и сегодня?

Лексан не мог взять в толк, о чём говорил этот человек. Он не был в состоянии анализировать происходящее, а потому не стал сопротивляться, когда монах обнял гонца.

Тело Лексана было расслаблено и податливо, поэтому монаху не стоило усилий провести юношу к алтарю. Видимо, здесь совершалась какая-то церемония, и гонцу было

необходимо лично присутствовать на ней. Лексан не желал читать послание от княжеского двора лично, он и жить-то особо не желал. Однако работа должна была быть завершена, а посему, гонец взял в руки свиток, развернул его, прищурился, дабы поймать буквы в поле зрения и стал зачитывать вслух, едва не теряя сознание:

«Исполняя волю заключённого договора, сим подтверждается непоколебимое слово Камнеземного народа.

Взятый за основу мира пакт о разрешении военного конфликта между правителем Великого Кива князем Кондром и правительницей Северных островов, мы возвращаем обещанную часть сделки.

По прошествии необходимых лет, в земли Северных островов возвращается истинный наследник ледяного престола. Достойный и готовый занять своё место, правитель Севера лично прибывает в распоряжение совета холодной обители. Пройдя сложный путь, наш общий наследник входит в свои полномочия немедленно.

Наша часть договора выполнена — наследник Севера отныне в своих землях, а посему, примите его, как достойного. В знак честной сделки, он прибыл в одиночку и, имея при себе символ отличительной принадлежности, принимает условия своего нового титула.

Вечный мир возможен — дитя материка возглавит его почтенный марш.»

Лексан с трудом закончил читать. Его голос обрывался, а в глазах мутнело. Юноша не мог целиком принять происходящее, лишь, когда монах возвысил над собой медный кулак, сжимающий свиток, Лексан понял, о ком идёт речь.

Юноша шатнулся, отходя к стене, накрытой полотном, он ухватился за край плотной ткани.

Монах следовал за ним, говоря о судьбе, которая дарована Лексану с рождения. Этот человек извещал Лексана о семье, которую он никогда не знал, рассказывая о матери, коей являлась правительница Северных островов, монах не лишал себя возможности вплетать в речь самые лестные эпитеты. Он говорил, что Лексан — это совместное дитя князя Кондра и правительницы Иссииды. Что он символ мира, который должен был расти в опеке Кива, чтобы в своё время занять место на Севере. Он говорил, что это время наконец пришло и вся правда в том, что Север и по сей день ненавидит Камнеземье, что он презирает методы беспощадных завоеваний; и Север готов дать отпор, разорвав тот унижительный пакт, а не хватало им лишь правителя, того, за кем Северяне последуют в битву.

Лексан отходил от монаха, его голова разрывалась от информации, которая с каждым новым словом погружала его в пучину безумия. Лексан схватил край полотна и стянул его по огромной стене. Показались фрески, вымощенные с трепетной детальностью.

Стена олицетворяла картину событий, произошедших более двадцати лет назад: приход князя Кондра в земли Севера, его страшное нападение, а после и крах. Затем узоры переплетались в иную стезю, превращаясь в картину, представляющую образ заключения мира, рождения ребёнка чистых царских кровей и отправку этого ребёнка в чужие земли.

Лексан прикоснулся к той части фрески, что изображала правительницу Иссииду, склонившуюся на колени и тонущую в собственных слезах.

— Ваша матушка не дождалась этого дня. — Молвил монах, стоя позади Лексана. — Она очень хотела, чтобы вы оказались здесь. В родных землях. Чтобы Камнеземные порядки не разрушали вашу жизнь.

Лексан и вовсе потерял рассудок. Переполненный событиями и узнавший правду, которая не укладывалась в голове, он разразился неистовым воплем. Отходя от стены, юноша

уткнулся в алтарь, на котором виднелись латы, сияющие, переливающиеся узорами под светом фонарей, они выглядели безупречно, столь дивный доспех даже князья не решились бы надевать в походы. Сокрушённый, он позволил облачить себя в латы и сомкнуть тяжёлый плащ за своей спиной. Будучи одержим гневом ко всему, что связано с Камнеземьем, он решительно утвердил свой поход обратно в Великий Кив, дабы уничтожить всю скверну, что отравляла его жизнь.

Монах надел на лицо Северного правителя железную маску, служившую защитой лица его матери в момент зачатия Лексана, ибо не хотела Иссида видеть черт неприятеля, с которым она была вынуждена возлежать.

Север получил своё, и отныне он был готов дать заслуженное всему Камнеземью.

***

— Пятый сын... — заключил старейшина. — Наша задача состояла в том, чтобы это дитя выросло в неведении. Никто из живущих не знал о причастности гонца Лексана к крови двух царских домов. А теперь, когда наш долг уплачен, Северяне решили отомстить наследию князя Кондра. По материку идут слухи о чёрных воинах, беспощадно уничтожающих селения, стоящие далеко у северных границ. А командует ими некто человек в железной маске. Время для распрей самое неподходящее. Общий враг идёт с Севера. Не знаю, какая дорога сложилась у Лексана, но, очевидно, преодолев её, он навсегда отвернулся от Камнеземной части своей души.

Каждый из присутствующих сделал свои выводы.

Василий, наконец, получил ответ на неразгаданную загадку. Не сказать, что он сильно поменял своего отношения к собственному семейству, но заключил, что внешний враг всегда опаснее, когда внутри страны царит хаос.

Нестор решил, что необходимо подавить нападение Севера общими усилиями, кои могут предоставить дом семейства Кроллим, а так же брат Василий и все остальные крупные военачальники.

Мегандер смутился. Понимая, что в военное время власть его семьи может как укрепиться, так и рухнуть, он решил не развязывать войну внутри государства, а пойти на компромисс. Во всяком случае, до окончания предстоящих событий.

Но лишь личность среди прочих, услышав историю о надвигающемся кошмаре, проникласб чувством не к неминуемой войне, а к человеку, ставшему заложником собственной судьбы. Анфиса сжимала платочек, которым Лексан вытирал своё лицо, лёжа перед ней, как маленький щенок. Она вспоминала их последнюю встречу, день, когда она коснулась его руки и поняла смысл слова любовь. Она готовилась встретить этого человека, как единственного в своей жизни мужчину: за годы службы ей удалось выкупить достойный участок земли, стоящий восточнее Кива, построить на нём приличное поместье. Она мечтала, как будет ухаживать за уставшим гонцом, готовить ему и даже кормить, если возникнет необходимость. Она мечтала быть рядом с ним. Но теперь, чем ближе будет подходить человек в железной маске, тем выше в небеса будут улетать её мечты.

Камнеземье переживало времена тяжёлые, тучные. Беспощадное войско шло войной на беспомощные деревни, ввергая мирную жизнь в пожар. Никого не щадили чёрные ряды, никому не досталось спасения.

Словно и двадцать лет назад, как когда-то Кондр прошёлся тараном по материку, его пятый сын повторял путь отца.

Когда слова становятся лишними, на сцену выступает оружие.

Послесловие

Я всегда буду помнить, ради чего стремлюсь менять мир вокруг себя. Донести до ближнего суть вещей — это драгоценный подарок судьбы. Считая себя белой вороной, я стал понимать — в этом нет ничего плохого. Когда весь мир беспрекословно следует за ведомой рукой, я думаю. Когда кто-то выкрикивает лозунги, я проецирую их с реальностью.

Хорошо верить во что-то, ещё лучше проверять это. Единственно подходящая мысль здесь такова: розовые очки разбиваются стеклом внутрь. Не носите розовых очков. Пусть Вам и неприятен мир, который Вас окружает. Меняйте его. Меняйте себя. Не стойте на месте. Остановиться — значит сделать шаг назад. Не останавливайтесь.

Мир жесток, жесток по умолчанию, но это не значит, что он таков лишь по отношению к Вам. Мы все живём в нём, у каждого своя история и свои мотивы. Но, чёрт возьми, он не должен сломать Вас. Прекратите ныть и ублажать себя фантазиями. Реальность может дать куда больше, чем Вы можете себе вообразить. Нужно лишь правильно попросить, а ещё лучше, понять, как правильно это получить.

Бесконечные потери и страдания будут сопровождать Вас всю Вашу жизнь. Но не они должны становиться ориентиром. Вы — творец своей судьбы, и прежде чем обвинить кого-то в своих неудачах, Вы должны взглянуть в зеркало.

Прежде, чем менять мир — приберись в собственной комнате.

Я писал эту рукопись два с половиной года. Всё это могло закончиться куда раньше. Однако, я понимал на личном опыте, поблажек ждать не стоит. Ужасные события коснулись и моей семьи: самый близкий и понимающий человек ушёл из этого мира на восемнадцатом году жизни. Настоящий подарок судьбы был со мной совсем не долго. Раскрывшись, как настоящая личность, как источник чистой жизненной силы, она покинула нас. Возможно, она была слишком хороша для этого мира, а потому, я надеюсь, что если и существует мир иной — ей там досталось самое тёплое место. Она заслужила его.

Ваша жизнь не всегда зависит от Ваших решений и стремлений. Всегда имеются обстоятельства, способные сбить с ног. Но я настаиваю на своём — никто не мешает Вам подняться и идти дальше. Даже если приходится заново учиться ходить. Ваша дорога принадлежит Вам. Хотите лежать и плакаться о несправедливости — Ваш выбор, хотите гнать этот мир под собственные амбиции — Ваш выбор.

P.S. А теперь, мои последние слова тебе, моя маленькая сказочная принцесса:

— Я всегда любил тебя, всегда буду любить тебя. Ты олицетворяла самое лучшее во мне, отбросив все мои бесчисленные недостатки. Прости, что не справился с ролью старшего брата. Прости, что не смог сделать всё, чего хотел. Иногда жизнь становится катастрофически невыносимой, когда даже высокие технологии не способны облегчить страданий. Я делал всё, что было в моих силах, и ты знаешь — это не оправдание. Я буду чтить тебя всю свою жизнь. Я буду помнить тебя и расскажу твою историю. Просто дай мне время.

P.S.S. Всё самое лучшее достаётся совсем не на долго. А делается так для того, чтобы Ты всегда ценил это.

Больше книг на сайте - Knigoed.net